

The image features a central, vertically oriented, high-relief sculpture of a face. The face has a stern expression with deep-set eyes and a prominent nose. Above the forehead is a crown or headdress composed of flame-like, pointed shapes. The entire sculpture is rendered in shades of dark gray and black, with strong highlights and shadows that emphasize its three-dimensional form. The background is a dense, repeating pattern of stylized, leaf-like or flame-like motifs, creating a complex, textured surface. The overall aesthetic is dark, dramatic, and reminiscent of ancient or classical art.

Харон

Александр Сих

Александр Станиславович Сих

Харон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70364233

SelfPub; 2024

Аннотация

В книгу вошли следующие произведения Александра Сиха: мистико-философская повесть "Харон", мистический рассказ "Космические Законы", сатирическая сказка "День К", юмористические монолог и диалог на тему переселения душ, апокалиптический рассказ "Духовный шедевр", ироничная фантазия "Кризис" и жизненно-любовный рассказ для старшей возрастной аудитории "Прощальная песня Любви". Сборник создан для публикации на издательской платформе ЛитРес.

Александр Сих

Харон

ХАРОН

Сегодня здесь, а завтра там,
Ни в чём не можешь быть уверен.
Заполняя златом свой «Сезам»,
Душою жить ты не намерен.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Покушение произошло в четверг после дождика. А дождик закончился сразу после обеда. Дождевые тучи ветер погнал в направлении северо-востока, а показавшееся солнце перевалило зенит и медленно стало клонить свою оранжевую голову к западу. Магнат Баксов, только что отобедавший в собственном ресторане, вышел на улицу, с наслаждением вдохнул свежего озонового воздуха, загадочно улыбнулся синему небу, подошёл к своему бронированному лимузину, как вдруг в это мгновение что-то больно кольнуло ему в голову. Он ничего не понял, ничего не крикнул, не застонал, даже не пикнул – просто молча уткнулся лицом в лужицу на асфальте, да так и остался лежать. Последняя мысль, ко-

метой промелькнувшая в его потухающем мозгу, несла в себе настолько наглый оптимизм, что казалась утопической: «А может, это просто кирпич? Сильный ушиб головы и лёгкое сотрясение мозга? И для меня не всё ещё потеряно?»

У него при жизни было много гениальных и провидческих мыслей, в основном, конечно, напрямую касающихся бизнеса, но в этот самый ответственный момент земного бытия, когда грань между мирами становится абсолютно прозрачной, последняя мысль, как назло, оказалась ошибочной. Это был не кирпич, нанёсший сильный ушиб голове и слегка причинивший сотрясение его коммерческому мозгу. Это, как выяснилось позже, была пуля, пробившая череп и заплутавшая в плотных извилинах бело-серого вещества. И с того самого мгновения всё им нажитое непосильным трудом имущество было для него безвозвратно потеряно. Как, впрочем, и само лежавшее ухоженное тело.

Охрана, конечно, засуетилась. Пистолеты выхватили, головами, как и предписано инструкцией, завертели в разные стороны, выпучив глаза, зоркими взглядами прошлись перекрёстным огнём по окнам и чердакам близстоящих домов. Один из охранников со знанием дела наклонился к телу и приложил пальцы к шее. Все замерли – что скажет «доктор»? «Доктор» руку отнял, поднял наполненные грустью глаза к коллегам, и все вдруг ощутили невыносимую тоску и одиночество.

Второй, правда, будучи когда-то спасателем на лодочной

станции, не поверил до конца своему товарищу и страстно приник к убиенному, усиленно делая искусственное дыхание, дыша тому в рот перегаром, размешанным «орбитом». Но и эти меры оказались напрасны. Всё было кончено. Зияющая в затылке дырка с запёкшейся кровью, что при жизни говорило о хорошей свёртываемости крови, теперь не вселяла окружающим особой надежды на благополучное выздоровление.

Это трагическое событие вызвало шок и более чем минутную растерянность в рядах опытных профессионалов, поглощённых странным образом совершенно другими мыслями настолько, что полицию пришлось вызывать управляющему рестораном. Для которого, впрочем, Баксов являлся таким же хозяином, как и для охранников. Но, в отличие от управляющего, все они в один миг лишились работы. И мало того – три дня не дотянули до зарплаты! А лежавшее тело, будучи некогда их хозяином, всегда поощряло своих «преторианцев» дополнительной премией наличными, которая превышала официальный оклад и не облагалась налогом. Да и с дальнейшим трудоустройством по профессии «телохранитель» теперь будет проблема, разве что – сторож на склад или охранник в супермаркет?! Тело замочено – репутация подмочена. Ни один любящий себя набоб не доверит своё бесценное тело таким неряхам.

Хотя, здраво рассуждая, всё-таки лучше, что убили, а не ранили. Ещё неизвестно, чем бы всё для них обернулось

после прихода босса в сознание. Банкир был относительно справедлив, но основательно крут.

Эта незатейливая мысль пришла в головы, видимо, всем четверым, так как они понимающе переглянулись и потушили мгновенно глаза, дабы скрыть от постороннего взгляда сверкнувшую надежду в тоске уходящей скорби. Закурив, все молча стали ждать приезда следственной группы, изредка бросая беспокойные взоры на совершенно спокойного и ко всему вдруг охладевшего магната. А магнат спокойно лежал в дождевой лужице, и было ему всё происходящее совершенно безразлично. До лампочки!

– Вставай! Уснул, что ли?! Не обольщайся, по собственному желанию спать здесь не полагается. Здесь возможен лишь анабиоз души, но только после судебного вердикта. Ну, хватит, выползай уже из своего психологического кокона! Не бойся, первая часть драмы, под названием брэнная жизнь, благополучно завершилась. Впереди ждёт таинственная неизвестность, где все твои тайны всем давно известны, и уже никому не интересны. Кроме, конечно, тебя, потому что именно тебя должно интересовать твоё будущее. Выходи-выходи, здесь ничуть не страшнее, чем там.

Магнат не поверил своим ушам – он слышит голос! Человеческий голос! Впервые в жизни он был этому рад. Значит, он не умер?! Он жив, а раз так, то это всё меняет. Интересно, кто это, в таком случае, позволяет себе так дерзко с ним разговаривать? Кто этот смелый глупец?

Баксов открыл глаза, сел и огляделся. Вокруг было сумрачно и тоскливо. Неужели уже поздний вечер? Странно?! И что это за чертовщина?! Не было ни зданий, ни улиц, ни людей, снующих по этим улицам, ни автомобилей, припаркованных к тротуарам, которых, кстати, тоже не было. Не было ничего и никого, кроме длинноволосого мужчины лет сорока, в потёртых джинсах и кожаной куртке. Тот загадочно улыбнулся и протянул сидящему руку.

Когда магнат, ухватившись за руку и не почувствовав странным образом соприкосновения, поднялся, мужчина сказал. Точнее, спросил, уточняя:

– Баксов Викентий Аристархович? 1962 года рождения? – Тот молча кивнул. – Банкир? – Очередной кивок. – Владелец ресторанов? – Кивок. – Крупный акционер нефтяной кампании и металлургического завода? – Кивок. – Магнат, значит?

– Да! – услышав любимое слово, Баксов обрёл дар речи. – Ещё имею две гостиницы, яхту и недвижимость во Флориде.

– Имеете, значит? – как-то очень странно спросил незнакомец.

Кто он такой? На агента спецслужб не похож. Скорее на хиппи, который в юности напялил выцветшие джинсы и носит их до смерти. Есть такие типы. Но хамить почему-то не хотелось: не всё было ясно и понятно в сложившейся обстановке.

– Конечно, имею! – придав голосу твёрдости, сказал банкир и завертел головой в поисках поддержки тех, кто мог бы

засвидетельствовать, что так всё оно и есть. Но вокруг по-прежнему никого не было, будто все вымерли и остались только они двое – он, известный и уважаемый миллиардер, и эта тёмная и подозрительная личность. Да и личность ли это волосатое создание вообще? Вообще-то, даже на первый поверхностный взгляд очень сомнительно.

Старые джинсы, потёртая куртка, поношенные кроссовки, под которыми, Баксов это знал наверняка, грязные и дырявые носки. Вот он – личность! И не просто с большой буквы, а все буквы большие. Огромные! Как и он сам. И чтобы это увидеть, не надо присматриваться. Достаточно беглого взгляда. Даже издали и в темноте.

После такого психологического самовнушения к миллиардеру вернулась прежняя самоуверенность, которая всегда проявлялась в высокомерии и наглости к существам, по его убеждению, низшим.

– А ты, собственно, кто такой? И где мой дом на колёсах? И где эти бездельники и дармоеды, мои телохранители? Мои янычары! Мои преторианцы! Мои гвардейцы! Мать их! Всех уволю! Пойдут улицы мести! Клозеты чистить!

Викентий Аристархович разошёлся. А почему бы и нет? Он опять хозяин положения, раз жив, а значит – и судьбы. И не только своей.

– Что ты молчишь, как истукан? Отвечай, когда тебя спрашивают! Будешь хорошо себя вести, возьму на работу. Мой лимузин доверю мыть. – И банкир засмеялся, довольный

своей шуткой. – Это не автомобиль – дворец! Работать будешь в поте лица. И выведи, наконец, меня из этого мрака на свет божий! Какое-то странное место: ни домов, ни людей, ни звёзд на небе. Как мы здесь оказались?

Незнакомец из всего сказанного услышал только одно:

– Вывести, говоришь, на свет Божий? Это вряд ли. Если бы я знал туда дорогу, сам пошёл бы. Пополз бы. Только поздно уже, раньше об этом надо было думать.

– Что поздно, я и без тебя вижу, раз темень тьмушая. А вот думать никогда не поздно. Поверь человеку, который сам сделал себя и состояние. Пойдём, отыщем какой-нибудь бар, промочим горло. Нам бы только на дорогу выйти. У тебя фонарь есть?

– Ну что ж, – согласился мужчина, – пойдём. А фонарь мне не нужен, я и без него прекрасно знаю путь. Потому что для нас открыта только одна дорога, которая ведёт к единственной двери, за которой находится суд.

Магнат глянул на крепко сложенную фигуру:

– Ты что, мне угрожаешь? Какой суд? Я куплю любой суд! Вместе с судьёй, прокурором, судебными заседателями, зрительным залом и зданием, где всё это находится!

Незнакомец вежливо возразил:

– Не хотелось лишний раз огорчать, но здесь это не прокатит. Наш судья уже давно, как кристально честный человек, а прокурор... о-о-о, с ним вообще не договоришься. Сущий зверь к подобным тебе типам.

Банкир недоверчиво глянул собеседнику в глаза и криво усмехнулся.

– А-а, я всё понял, – сказал он и в подтверждение понимающе закивал головой. – Ты бандит. Террорист. Ты специально меня сюда затащил, чтобы потребовать выкуп. Я, правда, не знаю, как тебе это удалось сделать, не убив всю мою охрану, но... Я зря ругал своих верных псов. Их, значит, перестреляли, меня оглушили, вероятно, кирпичом, запихнули в машину, привезли на этот пустырь, оттащили в самую глубь, чтобы легче было запугать?! Ну что, я прав? Конечно, прав! Всё стало на свои места. Сколько хочешь, сволочь? Я перекупаю заказ!

«Хиппи» на оскорбление не обиделся, а лишь с грустью ответил:

– То, чего хочу я, у тебя нет, а то, что у тебя было и есть, тебе за него отчитываться и отвечать. Такого добра и даром не надо.

– Что ты мелешь, бестолочь?! Каждый бродяга из себя философа корчит! Ты жил червяком, червяком и сдохнешь! О добре он рассуждает! Тебе, дураку, и за сто жизней не добыть столько добра, сколько у меня! Так и вытянешь ноги в своих рваных джинсах!

– Уже.

Викентий Аристархович ждал продолжения, но его не было. Мужчина смотрел на него и добродушно улыбался, не выказывая ни крохи обиды, ни даже раздражения. Олигарх

не любил неясностей, поэтому с издёвкой спросил:

– Что – уже? Краткость – сестра таланта? Ха! Краткость – привилегия авторитетов!

– Краткость – дочь мудрости, – ответил незнакомец, и, помолчав, добавил. – Хотя, конечно, и не всегда. А ноги я давно вытянул. И ты тоже, только недавно. Но это не имеет никакого значения, потому что время здесь – понятие абстрактное. Оно как бы есть, и в то же время, этого времени как бы и нету.

– У тебя с головой всё в порядке?

– Голова здесь тоже не имеет никакого значения.

Дерзкий «хиппи» говорил спокойно и уверенно, что шло вразрез с твёрдыми представлениями магната о сумасшедших людях. Тот вёл себя слишком уравновешенно, не повышал голоса, не шёл на конфликт, да и вообще, было ощущение, что его данная ситуация волновала как-то не очень близко. Странно для бандита?! А манера говорить? Ни слова о деле, а какая-то белиберда. Играет роль мафиозного философа. А место-то подобрано со вкусом! Очень странное место?! Никакой видимости вокруг, только они двое, и никаких посторонних звуков. То есть, абсолютно. Будто всё умерло в тот момент, когда олигарха ударили по голове. Он был в этом уверен. Уверен в том, что его оглушили, а вот в том, что всё после этого умерло, он ещё сомневался. А вот то, что он жив, в чём его глупо пытались переубедить, Баксов нисколько не сомневался. Впрочем, как и стоявший перед

ним охламон. Здесь что-то другое. Но что? Попахивает заговором. Точно – заговор! Международный! Да это же терроризм!

– На кого работаешь? Какие структуры представляешь, шестёрка? И отвечай без идиотского выпендрёжа! – Викентий Аристархович в бизнесе, как и в жизни, что, впрочем, для него было одно и то же, признавал два метода: силы и компромисса. Компромисс применялся в том случае, если сила вдруг оказывалась бессильна. – От этого зависит твоё будущее. Я думаю, умные люди всегда могут договориться?!

– Безусловно, – незнакомец неожиданно быстро согласился. – Умные люди просто обязаны договариваться, но... если при договоре не приходится поступаться совестью и честью. Только в конкретном случае договариваться бесполезно. Поздно. Тут тебя даже никто слушать не будет. В одном ты прав – я действительно здесь мелкая сошка. Но моё будущее, как и твоё, от нашего разговора совершенно не зависит. И скрыть что-либо здесь не представляется возможным. Даже самую малюсенькую мелочь. Как, например, кражу в детстве у отца денег и ловкий перевод стрелок на соседа, с которым тот выпивал. Ну что, было такое? Ты с детства подавал блестящие способности будущего уважаемого человека, и уже тогда было понятно – вырастет либо крупный коммерсант, либо большой политик.

Банкир молчал. Он был ошеломлён и растерян, потому что этого не мог знать никто. Он не то что никому не заикал-

ся о первой своей финансовой афере, но этот случай Баксов вообще попытался стереть из своей памяти. И ведь почти удалось.

– Откуда ты про это знаешь? – пролепетал он дрогнувшим голосом.

– Мне сообщили эту подробность на случай твоей упёртости. Чтобы вернуть тебя, так сказать, из твоей прошлой богатой фантазии в настоящую бедную реальность. Мираж буржуазных забот рассеялся, начнутся духовные трудовые будни. Ты, дорогой товарищ, или господин, если хочешь, действительно был убит из снайперской винтовки человеком, который вскоре тоже здесь появится. Так что, пока мы будем в пути, я могу на некоторые вопросы ответить.

Магнат долго стоял молча, оглядывая мрачные окрестности и странного парня. Ему не верилось, ведь он мыслил, а значит, существовал. Ведь так утверждал Декарт: «Я мыслю, значит, существую».

– Но ведь я существую! – отчаянно воскликнул он. – Вот он я!

– Естественно, ты существуешь, – спокойно ответил парень. – Как и я. Как и многие другие. Только уже в другом измерении, в другом мире. А в том тебя убили. Увы, но это факт. А факт, как тебе известно, вещь упрямая. Там. А здесь – непоколебимая.

– Ну, допустим, – через силу выдавил магнат и вдруг зло спросил. – Кто меня заказал? Я догадываюсь, но хотелось бы

для полной ясности уточнить?!

– А разве это так важно?

– А тебя не учили, что отвечать вопросом на вопрос не вежливо. Обещал – отвечай!

– Хорошо. Заказал тебя Евров, твой друг, если в вашей сфере вообще могут быть друзья. Или, хотя бы, товарищи. Вряд ли. Но можешь не волноваться, в субботу тебя похоронят по самому высокому разряду.

Банкир скрипнул зубами:

– Опредил, сволочь! Мне давно шептали, что он строит козни и плетёт за моей спиной интриги, а я всё сомневался. Тут, как на дуэли, надо стрелять первым, а я, дурак, замешкался. – Но вдруг, передумав, толстосум в отчаянии опять закричал, не желая мириться с новой реальностью. – Но ведь я же жив, чёрт возьми!

В то же мгновение олигарх был тихо, но резко остановлен:

– Тсс. Здесь не принято его упоминать. Хватит того, что там эти особи окружали тебя толпами. Да и здесь, я думаю, тебе с ними ещё предстоит встретиться. Потом. А сейчас мы должны идти. Впереди ещё две точки.

Сказав это, незнакомец отогнул рукав куртки и посмотрел на свои «Командирские» часы. Бизнесмен не удержался и тоже глянул – те тикали и показывали два часа дня. Потом он согнул в локте свою руку, на запястье блеснул золотой «Ролекс», на котором замерли цифры – 13.13.

Бродяга тоже посмотрел.

– Это время твоей смерти, – констатировал он. – Замечательные цифры. Будь ты ещё там, уже плевался бы через левое плечо и стучал бы по дереву. Что, не так? Умные, образованные, цивилизованные люди! В главное не верим, а во всякую бесовскую чушь – с удовольствием! Ты хоть понимаешь, куда плюёшь? Цифра тринадцать – это Иисус Христос и его двенадцать учеников.

Викентий Аристархович оторвал взгляд от циферблата, посмотрел на собеседника, потом окинул окружающую пустоту и горестно выдохнул:

– Неужели это правда?

На что получил исчерпывающий ответ:

– Я понимаю, к правде ты не привык, но лжи здесь нет. Совсем. Голая, мрачная правда, к которой мы идём всю свою сознательную жизнь.

– Какой кошмар! Ужас!

Незнакомец и тут его успокоил:

– Это всего лишь прелюдия. Увертюра. А сама кошмарная и ужасная опера впереди. Но сначала – суд.

– Ты нарочно меня пугаешь? Заладил: суд! суд! Что я, на суде ни разу не был! – нервно проговорил магнат и вдруг успокоился. – Только было это очень давно. Отвык. Не думал, что вновь придётся. Адвоката дадут?

Но ответа получить не успел. Раздался шум, свист и, буквально, в метре над ними пронеслись с ураганной скоростью то ли три, то ли четыре расплывчатые тени.

– Вот дурак, – заключил мужчина в джинсах.

– А кто это? – нерешительно и тихо спросил Баксов.

– Беглец. Дурашка, решил смыться.

– От кого?

– От сопровождающего. Только зря. Видел, как за ним рьяно погналась служба безопасности?!

– Догонят?

– Запросто! Хотя, некоторым, правда, удаётся затеряться в коридорах времени-пространства. Но это, во-первых, ему надо случайно попасть в определённую точку в момент её активации, а во-вторых, он обрекает себя на вечное скитание в бесконечных пространственно-временных норах. Без очищения и прощения. Потом сам будет не рад.

– Почему?

Мужчина усмехнулся:

– Ишь, какой ты стал любопытный, когда помер?! Тебе бы подобными вопросами надо было заинтересоваться ещё там, когда был в теле. А потому, что прощение человеку просто необходимо. Без него и жизнь не в жизнь. Ну, ладно, не переживай, таких здесь большинство. Всё образуется. Ты в привидения, конечно, никогда по-настоящему не верил? – Магнат угрюмо и отрицательно покачал головой. – А зря. Среди беглецов, правда, привидений мало, редко кому удаётся сбежать, а вот среди грешников есть такие. Это очень страшное наказание.

– Значит, ты мой сопровождающий? – сделал предполо-

жение магнат.

– Да, своего рода Харон в подземном царстве. А проще – проводник.

Олигарх очень заинтересовался. Он даже как-то забыл, что умер, а просто идёт с человеком, который рассказывает очень интересные вещи. Но интересными они стали именно после того, как он умер. Вопросы, рождающиеся уже неизвестно где, прыгали один на другого, отталкивали друг дружку, цеплялись между собою своими вопросительными знаками. Баксов ощутил неодолимую тягу к знаниям. Ведь эти знания не идут ни в какое сравнение со знанием биржевого курса акций, со статистическими сводками о ежемесячной прибыли, которая оказалась вещью совершенно бесполезной, с изучением компромата на своих заклятых друзей – известнейших бизнесменов и политиков. Хотя, честно сказать, последнее занятие дело весьма и весьма увлекательное.

И вдруг он стал очень серьёзным и сосредоточенным, будто пытался вспомнить что-то невероятно важное.

– Минуточку! – воскликнул просиявший магнат, вспомнив то, что давно было сокрыто в глубинах подсознания. – Я что, похож на идиота? А где же яркий свет? Блаженное состояние? Я тебе не какой-нибудь неуч! Лет тридцать назад я впервые летел на самолёте, и мне было очень страшно, и вот кто-то из сопровождающих шутников сунул мне книгу Раймонда Моуди «Жизнь после смерти». Или «Жизнь после жизни»? Точно не помню, но помню, что за время полёта

прочёл её от корки до корки, и даже не заметил, как мы приземлились.

– Вот видишь, у тебя была склонность к постижению непостижимого, а ты променял её на фанатичное накопление денежной массы.

– Да при чём тут это?! Я хочу сказать, что там был яркий, можно сказать, ослепительный свет! Радостное душевное состояние, и встречали клинически умерших добрые и светлые личности, а не всякие бродяги, вроде тебя!

Харон и на этот раз несколько не обиделся. Видно, приходилось выслушивать и не такое. Лишь кривая усмешка появилась на его лице.

– А бурных аплодисментов, переходящих в овацию, не организовать? А молоденьких девиц с цветами и хлебом-солью не вызвать? А потом вместе с ними в баньку! – Бизнесмен заулыбался, представив нарисованную картину. – Девушки отпадают, а вот банька будет.

– Да? – недоверчиво спросил подопечный.

– В обязательном порядке. Там тебе зададут жару! От этой процедуры ещё никто не отвертелся. Процесс прожарки обязателен для всех сюда прибывших, только установка таймера для каждого отдельная. Банька эта – чистилищем зовётся!

– А-а...

– Стоп. Тихо. Пришли.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Проводник остановился, следом замер и Викентий Аристархович, глупо блуждая взглядом по всё той же окружающей темноте.

– Странное ощущение, мы как будто шли, а вроде и не двигались, – тихо сказал он. – Всё как-то легко и воздушно.

– Безвоздушно, – поправил его Харон. – Наши движения, как и наши тела с одеждой, всё это иллюзия, дабы не шокировать преждевременно только что умерших своей ужасной сутью.

– Ты это серьёзно?

– Абсолютно. Я всегда очень серьёзен.

– А... когда мы увидим... эту самую суть?

– После суда, когда распределят по новым местам обитания.

Магнат уже собирался задать очередной вопрос, как вдруг темнота растворилась, и они оказались посреди трассы, по которой оживлённо сновали автомобили, им, впрочем, не причиняя никакого вреда. Он был сильно удивлён, но не тем, что они проезжали сквозь них, а тем, что ему не было страшно. Ну ни капельки, ни граммулочки. А, смешно сказать, стало даже весело. Так и хотелось выкинуть какую-нибудь озорную шутку. Но тут они подошли к обочине, где склонились люди в форме и белых халатах.

– А что мы здесь делаем? – шёпотом спросил Викентий

Аристархович.

– Ждём клиента, – нарочито громко ответил Харон.

– Они нас не слышат? – опять спросил магнат, не повышая, на всякий случай, голоса.

– Они – нет. И не видят. Он нас слышит, только боится.

Мы, то есть я, должен помочь ему преодолеть чувство страха.

И проводник направился в самую гущу толпы. Бизнесмен, строго следуя за спиной сопровождающего, осторожно выглядывал из-за его плеча.

– Помогать ты умеешь, я в этом убедился, – шепнул он с сарказмом. Как оказалось, представителям крупного капитала также не чужда бывает тонкая ирония. – Быстро меня из кокона вытряхнул. Ты случайно до смерти не психологом работал?

– В этом одна из проблем личности, что многие работают в своей профессии случайно, не найдя себя, по разным причинам, в своём предназначении, – ответил расплывчато Харон. А потом конкретно добавил, отвечая на заданный вопрос. – Филологом. Мог бы работать. С деканом разошлись во мнении относительно нравственной составляющей не только в творчестве писателя, но и в его личной жизни. Он утверждал, что это абсолютно разные вещи, и не следует подгонять гения под общечеловеческие критерии. Сам, не будучи не то что гением, а даже сколько-нибудь значимым талантом, но упорно мня себя им, страстно защищал

две страсти, которым был страстно подвержен – деньги и девочки. За что однажды поплатился.

Остальное не глупый банкир додумал сам:

– Однажды ты вступился за поруганную честь, и тебя безжалостно вытурили из университета?! По закону земной справедливости. И в итоге – поплатился ты.

– Я рад, что мне попался не примитивный бандит-миллиардер. Так оно приблизительно и вышло.

Они стояли возле автомобиля и разговаривали. По всему было видно, что проводник и сам не прочь поболтать на эту тему. Трудно отделаться от воспоминаний до тех пор, пока их не сотрут. И Харон продолжил:

– В конечном итоге, всё-таки, поплатился и он. Очень алчный ценитель литературы оказался. Выше всего ценил трилогию Теодора Драйзера – «Финансист», «Титан» и «Сток-ик». Восхищался Фрэнком Каупервудом, а погорел на мелочной взятке. Смешная сумма – пять тысяч долларов. Тьфу, и растереть. Так что, в конечном итоге, моральную победу одержал я, чему был безмерно рад. А вот этого делать как раз-таки и нельзя было.

– Чего – этого?

– Радоваться. Крайне отрицательная радость. Негативная радость.

– Ну и что с ним случилось дальше? Жив ещё?

– Не знаю, но мне не попадался. Может другим лабиринтом прошёл?! Нас, проводников, очень много, и каждый идёт

своим тоннелем. Ладно, пора делом заняться. Так, что тут у нас?

Чёрный «мерседес» был здорово сплюснут и покоился на крыше. Кверху лапками. Водителя достали, он был жив, но без сознания, а вот пассажира извлекали с помощью технических средств.

– Ну, и долго я буду ждать? – приступил к своим прямым обязанностям проводник, нивелируя страх смерти тонкой и чуткой беседой. – Что ты прилип к своему позвоночнику? Он же сломан в трёх местах! Зачем нужна тебе эта рухлядь?! Выходи на свободу, насладись ощущением безмятежности и невесомости.

Ответа не последовало. Викентий Аристархович выдвинул свою версию:

– Может, он жив, поэтому нас и не слышит?

Из автомобиля послышался писклявый голосок:

– Да, я жив. И меня вот-вот спасут.

Олигарх обречённо махнул рукой:

– Всё-таки умер, раз отвечает. Правильно?

Харон угрюмо согласился:

– Правильно, правильно. – И вновь обратился к клиенту. – О спасении надо было думать при жизни, а теперь тебя не спасут, а вытащат и отвезут твоё никому уже ненужное тело в морг. Через два дня вот это, – он ткнул пальцем в сторону изуродованного тела, – закопают. И что ты дальше будешь делать? – Тишина. – Всё, хватит капризничать, как

маленький ребёнок! Хотя сейчас пора набраться храбрости и посмотреть правде в... лицо, глаза, куда угодно, потому что здесь твоя правда, это я. Не задерживай, у нас ещё одна точка.

Умерший оказался не просто капризным, а каким-то зловредным субъектом. Он категорически не хотел слушаться:

– Не вылезу! Сейчас меня достанут, и врачи приведут в чувство. И я слышу, как стучит моё сердце!

Харон не терял терпения и самообладания:

– Дурень! Это эмчезники молотками по автомобилю колотят. А чувство у тебя должно быть одно – смирение с произошедшим. Надо было при физической жизни мemento мори.

– Мори, мори, – передразнил клиент и неожиданно воскликнул. – Вы не понимаете! – В голосе погибшего слышались горечь и отчаяние. – У меня назначена деловая встреча! Я заместитель министра, и мне там обязательно надо быть! Что скажет министр, когда я на неё не явлюсь и не выполню его поручение?

Проводник улыбнулся:

– Назовёт тебя идиотом, однако в последнем слове на кладбище красиво, но лицемерно, нарисует тебя красками яркими и светлыми. Чего ты, как сам должен понимать, ни в коей мере не заслуживаешь. Так что, всё будет хорошо, и на твоё место придёт другой ценный кадр. Или ты думаешь, что всё без тебя рухнет?

– Я, конечно, так не думаю. Я не дурак, и у меня есть голова на плечах. – Из осторожности и чувства такта никто возражать не стал. – Но обидно! Трудный вопрос уладили, и мне оставалось только забрать деньги. Министр ждёт с нетерпением.

В магнате проснулся бизнесмен. Или наоборот?!

– Сколько? – спросил он твёрдым, деловым тоном.

Привычка к скрытности впиталась у чиновника в кровь. И пусть таковой уже не было, но та просочилась куда-то ещё, поразив неумемной жадой стяжательства все его сущности. Все хотят жить, особенно наши пороки, которые не желают умирать даже тогда, когда умирает надежда.

Помедлив с минуту, он ответил:

– Много. Очень много.

Баксов расхохотался:

– Вы посмотрите на него! Много! О-о-очень много! – Посмотреть, правда, не представлялось возможным. Клиент из убежища не выползал. Видимо, вместе с пороками жила ещё кроха надежды. – Что ты тут из себя цел... – магнат вспомнил предостережение проводника относительно некрасивых ругательств. – Кокетку строишь?! Жеманницу! – Харон был поражён словарным запасом человека сугубо коммерческих дел. – Я за свою жизнь насмотрелся на вашего брата. Через мою кассу прошло столько чиновников и политиков, что моя чёрная бухгалтерия покраснела от стыда! Вы же самые настоящие проститутки! От рублёвых до ва-

лютных! Небось, миллион-два, не больше? Я имею в виду, конечно, доллары. Баксы!

В ответ послышался шёпот:

– Полтора.

У магната вырвался очередной смешок, только злобный:

– И это он называет большими деньгами?! Я ежегодно тратил на таких вот подонков от десяти до двадцати миллионов! А вот теперь оставил на растерзание мародёрам и стервятникам восемь миллиардов! А он тут...

Следующая поправка чиновника из перевёрнутого автомобиля окончательно уничтожила магната:

– Рублей.

От неожиданности и последующего негодования, Баксов раскрыл рот, чтобы дать самую точную характеристику этому ничтожному бюрократу народным фольклором, но вновь вовремя вспомнил, что упоминание кое-кого и прочие ругательства массового употребления там, здесь категорически не приветствуются. И он яростно крикнул:

– Выползай, червяк!

Приказ такого значимого индивида, послушный и раболепный чиновник проигнорировать был не в силах. Карьерная субординация и благоговение перед вышестоящими в нём сформировалась, видимо, ещё в пионерском возрасте. И вскоре ожидающие услышали сопение и кряхтение, затем несколько тяжёлых вздохов, и вот уже через днище перевёрнутого «мерседеса» показался силуэт тучного мужчины пя-

тидесяти лет.

– А ты психолог лучше меня, – несостоявшийся филолог не скрывал своего восхищения. – Умеешь веско и аргументированно убеждать. Не ожидал, что и здесь твой авторитет сможет пригодиться?!

Магнат был польщён:

– А с ними иначе нельзя. Где пряником, где криком, ну, а где и пинка хорошего следует поддать. Для ускорения принятия правильного решения. Они признают только такие стимулы. Их надо убеждать не душевной беседой, а страхом или выгодой.

Как только чиновник покинул место гибели своего тела, всё исчезло: и искорёженный автомобиль, и трасса, и суемящиеся люди. Остались они втроём, да окружающий их полумрак. Новый клиент испуганно завертел головой.

– Вы меня обманули! – закричал он. – Вы меня выманили хитростью и силой! Это нечестно, подло и низко! Вы меня убили! Где моё тело?

И высокопоставленный чиновник по-детски заплакал. Магнат, уже открывший рот, чтобы съязвить, неожиданно скромно промолчал. Наступила тягостная минута всеобщего молчания, выждав которую, Харон попытался утешить несчастного:

– Всё относительно, мой друг: ты умер, но остался для многих, не близко тебя знавших, честным и порядочным человеком. И если тебя это хоть немножко утешит, то я поде-

люсь информацией, которой меня снабдили на всякий случай, но которую открывать вам вовсе не обязан. Так вот, твой начальник, господин министр, через неделю на этой же сделке будет пойман с поличным и арестован. Это подстава, которая очень наглядно продемонстрировала степень вашей чиновничьей алчности.

Он перевёл взгляд на олигарха. Тот, в знак полного согласия, медленно прикрыл веки и склонил голову. Проводник продолжил:

– Резюмирую: как это ни печально, господа-товарищи, но обратного пути уже нет, только вперёд – через тернии к звёздам! Только, боюсь, огорчу вас ещё раз. Звёзд вам не видать очень долго. Казалось бы, суший пустяк, безделица и глупость – наблюдать звёзды. Мы же не астрономы. Или просто любоваться природой: лесом, горами, реками, озёрами, травой. Но ведь некогда. Нас ежедневно ждут великие дела и заботы по добыванию денежной массы, добыв которую, проводим свой досуг в трёх культурных местах из трёх букв «Б». И это не Большой театр, Библиотека или Быт семейный. Это Бар, Бордель и Баня с девочками. Но вот наступил момент, когда кончились дела, кончился досуг, а вместе с ними: леса, горы, реки, озёра, трава. Вы их видели постоянно, но не замечали, вы их наблюдали, но не проникались их духом, не сливались в единое целое. А теперь впереди...

Тут Харон понял, что речь его была преждевременной. Они ещё не созрели для глубинного понимания произошед-

шего. Он тяжело вздохнул и махнул рукой, приглашая следовать за ним. И два земных туза послушно поплелись следом.

– А что нас ждёт впереди? – шмыгая носом, спросил окончательно убитый горем коррупционер.

– Честное слово, не знаю, – откровенно ответил Харон. И тут же спохватился. – Да, кстати, я чуть было не оплошал. Пустая формальность. Ты – Волосолапов Игнатий Петрович, 1970 года рождения?

– Да, – всё ещё всхлипывая, ответил тот. – Я ещё очень молод. Мне бы ещё пожить немножко?!

После этих слов вмешался финансовый воротила:

– Эх, и мне бы хоть на денёк-другой обратно! А там...

– И что бы ты сделал? – с нескрываемым сарказмом спросил проводник.

Баксов на интонацию даже не обратил внимания.

– Я бы, – задумчиво ответил он, – все свои капиталы, которые здесь и которые там, вернул бы на Родину и распределил бы по детским фондам и больницам. И чтобы неимущим делали сложные операции бесплатно.

– А ты делаешь успехи! – сарказма в голосе Харона не убавилось. – Как-то ты очень быстро смирился и перестроился?! Неужели пришло откровение и покаяние? Я хочу тебе кое-что сказать. Прежде, чем отвечать, ты должен уяснить одну простую истину – здесь невозможно укрыть ни одной потаённой мыслишки. Вы все здесь, как на ладони. Ну, так как?

Магнат усмехнулся:

– Чего там скрывать, в первую очередь, очень хотелось бы досадить всем родственникам и партнёрам. Ну а потом, конечно, раз я уже знаю то, чего не знал там, естественно, хотел бы помочь обездоленным.

– Даже если и так, то твой поступок исходит не от сердца, а от разума. И рассчитывать на снисхождение за лукавые деяния никак не получится. Как говорится, поздно каяться, сын мой. Получишь по полной!

Чиновник, утирая слёзы вместе с соплями, по-идиотски захихикал. Олигарх коварно оскалился и, повернувшись к тому, зло сказал:

– А ты-то чего ржёшь? Взяточник-неудачник! Думаешь, своими соплями разжалобить Бога? Думаешь, Его проймут твои лживые слёзы? Не получится!

Проводник вытянул руки вперёд, раскрыв ладони:

– Стоп-стоп-стоп. Вас, господа, занесло чересчур. Это же надо такое придумать – к Богу на аудиенцию захотели?! Уймите дерзость и гордыню.

Баксов резко повернул голову к говорившему:

– Не понял? Ты же сам меня всё время пугал – на суд, на суд! Что, не было такого?

– Суд будет, не переживайте. Всё чин-чинарём: и суд, и судья, и прокурор, и адвокат. Всё будет, как положено. Последний атрибут аналогичности с земной жизнью для большей восприимчивости конечной справедливости.

Бывшие злоумышленники переглянулись. Заговорил чи-

новник, после смерти ставший скромным и стеснительным, как первоклассник в советское время.

– Вы меня извините, уважаемый господин... простите, не имею чести знать вашего имени и занимаемой должности?

– Харон, – подсказал собрат по несчастью. – Это и имя, и должность. Легенды и мифы древней Греции помнишь? – Тот неловко замялся и отвёл глаза в сторону. – А, двоечник! Короче, он наш проводник. В прошлом филолог-студент. Вечный.

В голосе слышалась не злобная издёвка. Вечный филолог-студент на это лишь вежливо склонил голову, скрыв проскользнувшую снисходительную улыбку.

– В прошлой жизни меня называли Алексеем, – сказал он. – А здесь проводник под номером 192429697092.

– Мне столько цифр не запомнить, – опечалился Волосопалов.

Олигарх быстренько вставил свою реплику:

– Конечно! Ты запоминаешь одну-две, а потом только количество нулей. Хотя, если бы это была сумма взятки, ты бы на ходу зафиксировал в своей памяти каждую циферку. Даже если эта циферка была бы астрономических масштабов.

Чиновник обиделся. Он уже начал адаптироваться к новой обстановке.

– Я на хамские выпады не отвечаю, – довольно смело заявил он тому, на кого при прошлой жизни не смел бы даже

косо глянуть. И демонстративно обратился к проводнику. – Так вот, уважаемый Алексей, я, с вашего разрешения, буду называть вас по имени. Можно? – Получив утвердительный ответ, он продолжил. – Так вот, насколько я осведомлён, души умерших должны предстать для вынесения им приговора перед Всевышним. Не так ли?

– Не так! – резко ответил Алексей. – Кто вы такие, чтобы вас судил лично Всевышний? Это там вы, может быть, ещё что-то из себя представляли, а здесь вы... Ваше дело дальше первичного суда не пойдёт и кассационных жалоб подавать возможности не будет.

Оба наострили уши. Дотошный государственный крючкотвор приторно продолжил дознание:

– А вот хотелось бы знать, какова судебная градация здесь? Какая иерархия судебных органов и общая конъюнктура уголовно-процессуального права? Кто определяет ранжир рассматриваемых дел и каковы критерии всех правонарушений?

Проводник остановился.

– Ты это брось, – сказал он строго. – Выпытываешь, как шпион какой-то. Вопросов много, а понятно мало. Привык там у себя словоблудием заниматься. – После нагоняя Алексей смягчился. – Да, честно скажу, я тоже знаю не много. Видите ли, граждане подопечные, я проводник почти самой низшей категории. Сопровождаю всяких подлецов, сволочей и гадов вроде вас. А более тяжкими преступниками занима-

ется служба безопасности нашего уровня. Там приходится и силу духа применить, чтобы доставить клиента к месту назначения.

– А кто же, позвольте спросить, сопровождает э-э-э, как бы это точнее выразиться, добропорядочных граждан? – не унимался Волосолапов. – Такие же хорошие люди, только раньше умершие? И если сопровождаете нас вы, то, значит, вы тоже в той жизни... характеризовались далеко не с положительной стороны? Значит, вы тоже были...

Пока он подыскивал нужное слово, Баксов оказался более находчивым.

– Порядочная сволочь! – рявкнул он и тут же отвёл глаза от колючего взгляда Харона.

– К вашему сведению, сволочь не может быть порядочной. Сволочь... она везде сволочь. Правильно?

Это чиновник быстренько вступился за своего проводника, чтобы хоть немножко заслужить его благосклонность. Но сказал верно, с чем Алексей и согласился. Магнат, видя, что не последовало никаких карательных санкций, осмелел и взял на вооружение язвительную сатиру:

– Но ты же не станешь отрицать, что будь иначе, ты бы находился в совершенно другом месте? Например, вёл беседы за рюмочкой кагора с нищими философами, богословами-отшельниками, странниками – искателями истины, и прочими отщепенцами нашего мира? – Подумав, олигарх последнюю фразу изменил. – Того мира.

Проводник не стал уходить от темы:

– Это было бы большим счастьем, хотя бы находиться где-то рядом, но я действительно этого не заслужил. Тем не менее, я надеюсь когда-нибудь на повышение по служебной лестнице. А насчёт сливок общества и отщепенцев оного, по эту сторону жизни ракурс взгляда совершенно иной. И богатый может стать человеком, и среди бедных полным-полно нелюдей.

Викентий Аристархович из множества вариантов выбирал всегда только нужный ему:

– А, так здесь также предусмотрен карьерный рост?!

Харон в очередной раз снисходительно улыбнулся:

– Не обольщайтесь, методы этого роста вам будут в диковинку. Мотайте на ус: лицемерить и подхалимничать бесполезно; интриг плести не получится, потому что отсутствует интрижная паутина; денег нет никаких – ни долларов, ни евро, ни рублей, ни тугриков. Поэтому на лапу дать не представляется возможным. Да и лапы здесь тоже нет: ни лысой, ни волосатой. Понял, Волосолапов?

– А при чём тут я? – опять всхлипнул чиновник.

– Заткнись! – пресёк мокрое дело олигарх. – А что же здесь есть? Рабский труд?

– Есть служение! Служение тому, кого мы не замечали в той жизни. Путь, через служение, к самосовершенствованию и к гармонии. Не обязательно быть нищим философом, богословом-отшельником или бродягой-странником.

Для начала достаточно просто жить по совести. Кто-нибудь из вас помнит, что это такое?

Магнат отмахнулся:

– Вот только не надо из нас делать врагов рода человеческого. Знаю, и что такое совесть, и где ей место быть. Давай это пока оставим. – По всему было видно, что денежного сквалыгу гложет что-то другое. – Мне вот хотелось бы уточнить некоторые нюансы влияния живущих там на живущих здесь. Например: молебны, панихиды, свечи за упокой и тому подобные религиозные натюрморты?

Проводник любил улыбаться. По всему, он и прошлом не был занудой.

– Всё имеет свой вес, – сказал он с хитрецей. – Только свечи за упокой, что мёртвому припарка. Извините за чёрный юмор. Равно, как и за здравие. Без веры и молитвы, это пустой ритуал. Лучшее лекарство, которое может дать живой человек живой душе, это искренняя ежедневная молитва.

– В таком случае, – печально вздохнув, но голосом циника с интонацией стойка, олигарх заключил, – как там, так и здесь придётся выкручиваться самому. Уж молиться за меня точно никто не станет. – Затем с пренебрежительным сочувствием добавил, глядя на Игнатия Петровича. – Не переживай, уж твоя-то жёнушка будет натурально тебя оплакивать, как потерю единственного кормильца. А вот мои, опасаюсь, как бы не пустились в пляс. Прилюдно.

Все затихли, но не надолго. Волосолапов опять стал хны-

кать и скулить:

– Как это всё печально. А вот хотелось бы знать, сколько нам могут дать?

Баксов был более стойким:

– О, рифмой заговорил. После смерти проснулся поэтический дар? Ты ещё про явку с повинной спроси?! И про конфискацию?! И не полагается ли амнистия по случаю каких-нибудь праздников?!

Харон ответил всем и сразу:

– Так, заткнитесь оба! Подходим к очередному клиенту.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Все притихли и остановились. Харон посмотрел на свои раритетные часы. Спутники оглядывались и ждали, их распирало любопытство. И вскоре перед ними открылась картина очередной трагической сцены. На проезжей части дороги лежал молодой человек лет 30—35. Участок видимости, имевший в диаметре метров пятьдесят, был локализован невидимым куполом, за которым царил всё тот же мрак.

Магнат настолько освоился, что уже чувствовал себя в новой обстановке довольно вольготно, и поведение его становилось бесцеремонным и даже нагловатым.

– А ты, вообще, – обратился он к проводнику, – людей, умерших своей смертью, хоть иногда находишь?

– В этом и состоит специфика моей работы, – ответил Алексей серьёзно. – Убийства, самоубийства, несчастные

случаи. Сегодня мне с вами ещё повезло. Бывает, погибшие закатывают такие истерики, особенно женщины, что приходится применять всё своё красноречие, чтобы успокоить.

– Да, я заметил, – согласился толстосум, – ты красноречив, как прирождённый филолог. Прямо-таки, оратор! Цицерон! Сенека! Да, кстати, насчёт Сенеки. Нельзя ли добиться, чтобы нас, ну, хотя бы меня, защищал на суде он? Насколько я помню, он в своё время был блестящим судебным оратором?!

Мгновенно в разговор вмешался чиновник:

– И меня, и меня! Я тоже хочу, чтобы меня защищал Сенека!

Баксов парировал:

– А у тебя денег нет, чтобы заплатить! Взятку не успел получить, а то бы нёс с собою кейс с наличностью и чувствовал бы себя куда увереннее.

В Волосолапове проснулась дерзость:

– А у тебя тоже ни хрена нету! Ни копеечки! Босяк!

– Дурак, я чек выпишу.

Опять вмешался Харон:

– Перестаньте же дурачиться и не мешайте работать. Я, конечно, прекрасно вас понимаю: столько лет в напряжённой роли серьёзных и солидных людей, а здесь уже эту роль играть глупо, вот и хочется порезвиться, пока есть возможность. Но вы должны понять и меня. Учитесь понимать других. Хотя бы после смерти.

– Хорошо, – согласился олигарх. – Босс, можно ещё один вопрос?

Этим новым обращением Баксов то ли в шутку, то ли всерьёз признавал в проводнике лидера, что при жизни было бы немыслимо.

– Если не глупость – валяй, – благосклонно позволил Харон.

– А как бывает с детьми, которые погибают? Ты их встречаешь?

– Души детей, в большинстве своём, ещё не обременены тяжестью непомерной вины, и они попадают на более высокие уровни, где их встречают проводники не чета мне. Вот там может быть яркий свет. Хотя, конечно, тоже далеко не всем. Полагаю, всем известна фраза «детская жестокость»? Ладно, ближе к делу. Надо осмотреться.

Место происшествия находилось за городом. Человек лежал почти посередине трассы, а на обочине стоял автомобиль с открытыми дверками. Харон приступил к своим обязанностям:

– Молодой человек, не соблаговолите ли покинуть ваше бренное тело, теперь уже совершенно вам не нужное, и присоединиться к нашей, пусть и не совсем честной, но страстно желающей стать на путь исправления, компании? Смею вас уверить, что лежать в этом бездыханном прахе глупо и бесполезно. Давайте будем знакомиться.

Все трое смотрели на лежащее тело, в то время как голос

неожиданно раздался со стороны белого «БМВ».

– Ребята, я здесь! Провожу осмотр. Да, подчистили всё!

Высокий черноволосый парень, в костюме и при галстуке, подошёл к стоявшим. Осмотрел всех и представился:

– Хватов Андрей, журналист.

Проводник дополнил:

– Игоревич, 1985 года рождения. Репортёр, охотник за сенсациями, за теневыми делами элиты бизнеса, политики и госуправления. – И при этих словах ткнул пальцем в грудь замминистра. – Это гражданин Волосолапов, знаете?

Журналист согласно кивнул и заключил:

– Да, мелкая сошка.

Чиновник недовольно поморщился, но возмутиться в полную меру не дал Алексей, представив следующего спутника:

– А это, как видите, сам господин Баксов, пресытившийся суетным миром, почивший в бонзе и почтивший нас своим не только вниманием, но и присутствием. Ну а я – скромный экспедитор ваших бессмертных, но порядком – у кого больше, у кого меньше – замызганных, заляпанных, запятнанных грязью собственной жизни душ. Несчастный случай?

Парень оживился:

– Вот в этом всё и дело! Это преднамеренное покушение! Я вёз сенсационный материал! Бомбу!

Магнат бесцеремонно перебил:

– У вас другого не бывает, охотник за скальпами. Газетные

бомбисты. О чём-то хорошем и светлом вам писать не интересно. Вам подавай всё тухлое, вонючее, с гнильцой. Я несколько не сомневаюсь, я даже знаю наверняка, что за вами стоят более влиятельные персоны, и всё же сильно удивляюсь, почему вы так долго жили?! Хотя нет. Ни один уважаемый человек не станет мараться по пустякам. Знаете, почему? – И тут же сам ответил на свой вопрос. – А потому, что никого серьёзного по-настоящему укусить так и не смогли. Помнится, и на меня несколько раз пролаяли, но вам щёлкнули по носу, и вы послушно заткнулись. Вы молодой щенок, которого натаскивали хозяева и иногда давали команду «фас». Вас всех держит на коротком поводке тот или иной хозяин, но если вы с поводка срываетесь, по глупости своей, и начинаете без команды кусать, или, чего хуже, бросаться на самого хозяина, то вы, как полноценный пёс, обречены. Никто вас не то что кормить, но и держать возле себя не станет. А если вы к тому времени подхватили вирус бешенства, то вам прекрасно известно, как поступают с бешеными собаками – их пристреливают! Что мы и видим перед собой. Санитары и экологи просто провели дезинфекцию, чтобы избежать массового заражения.

И олигарх пренебрежительно указал на труп. Остальные, включая бывшего хозяина сего трупа, инстинктивно посмотрели в указанном направлении. Харон дипломатично переакцентировал разговор:

– Вы как-то странно себя ведёте?! Необычно. Вас что,

не волнует ваша гибель? Вам ничуть не страшно?

Журналист развёл руками:

– Страшно? Пожалуй, нет. Жалко и обидно, конечно, но что уже поделаешь?! Что случилось, то случилось. Меня сейчас беспокоит совершенно другое.

Наконец, подал голосок и молчавший доселе чиновник:

– Да, нас всех беспокоит наша дальнейшая судьба.

Андрей только отмахнулся:

– Да нет, меня беспокоит другое. Весь дубликат компромата: и бумажные документы, естественно, копии, и флэшка похищены. Как будто предчувствовал – оригинал спрятал в надёжном месте.

– И кто о нём знает? – осведомился Алексей.

– В том-то и дело, что никто, кроме меня.

– Вы, я вижу, репортёр до кончиков ногтей, до последнего волосика?! Зачем вам это? Каждый получит то, что ему причитается, а раз вы погибли, значит, не вы являетесь орудием возмездия. Так что, бросьте глупые терзания и подумайте о своей прожитой жизни. Именно она будет основополагающим фактором в вынесении судебного приговора. Помощник министра в некоторой степени прав – надо беспокоиться о своей дальнейшей судьбе, а не беспокоиться о пустяках. Хотя, честно скажу, от вас уже ничего не зависит. Разве что, молитесь, если умеете.

– Постойте-постойте, – вмешался Баксов. – Ладно, взятку дать невозможно, солгать тоже, но ведь каждый поступок

можно трактовать по-разному?! И как насчёт адвоката, ты же обещал?!

– От меня здесь ничего не зависит, кроме доставки. А адвокат будет, не волнуйтесь, но иллюзий на сей счёт особо не питайте. Роль его в тамошнем судопроизводстве невелика, так, неотъемлемый атрибут равноправия и справедливости, а всё решать будут судья и прокурор. Но всё будет по-честному, все ваши поступки будут трактоваться с той позиции, с какой вы их совершали. Внутреннее побуждение к действию. Там уже давно изучили все ваши жизни и ждут с нетерпением. А прокурор особенно.

Андрей неожиданно погрузился, и все на это обратили внимание.

– Успокойся, юноша, – поддержал олигарх. – Я не думаю, что ты, за свою короткую журналистскую жизнь, совершил слишком много дурных поступков. Ты никого не довёл до самоубийства, ты даже никого крупного не посадил. Так, некоторым подмочил слегка репутацию, которую, кстати, те быстренько высушили. Ну, некоторых, правда, снимали с должностей, но и они вскоре заняли другие, не менее прибыльные места. Всё это игра, как в шахматы, где роль любого журналиста – пешка, которая никогда не станет ферзём. Разве нет? Ты же выполнял указание? Признайся! Ведь мы все кому-то служим.

Журналист меланхолично вопрос проигнорировал.

– Моя судьба меня волнует меньше всего, – без намёка

на пафос сказал Андрей. – Что заслужил, то получи. У меня четверо детей осталось, да жена домохозяйка. Старшей дочери 12 лет, а младшему Артёму – три годика. Как они без меня будут жить? Вот их судьба меня действительно волнует!

Харон успокоил:

– За них не беспокойся. Господь непосильной ноши не даёт.

– И небось накопления имеются?! – вновь вмешался в разговор магнат. – На первое время хватит. А там... продаст квартиру, машину, дачу, купит в деревне домик, и будут жить-поживать, да добра наживать.

– Заткнись, народный кровопийца! – не выдержал Андрей. – Тебе, вот, кроме своих денег и жалеть-то нечего и некого! Да и тебя никто не пожалеет, а через месяц-другой никто и не вспомнит. Да и на похоронах вряд ли кто всплакнёт. Жена прикроется чёрной вуалью, чтобы скрыть радостный блеск в глазах. Жизнь твоя пуста и никчемна. И меценатство лукавое, и благотворительность лицемерное. Ты – духовное ничтожество!

Олигарх в долгу не остался:

– Может она и не насыщена великими и благородными помыслами и деяниями, зато она не была скучна и бедна. А твоя жизнь, думаешь, лучше? Ещё одна проститутская профессия! И мне кажется, древнее древней. Только первая женщина подумала о блуде, как ваш брат, сплетник – буду-

щий журналист, растрезвонил об этом на весь мир. Платит один кровосос, как ты выразился, чтобы прищемить жало другому кровососу. И в чём смысл твоей жизни? В том же, что и моей – зарабатывании денег. Вот кому ты вёз компромат?

В рассуждениях Баксова была и здравая мысль, и логика.

– Всё верно, – согласился многодетный отец. – Разница лишь в том, сколько невинных жертв на твоей совести, и сколько виновных на моей? А каким образом я разоблачал подобных тебе подонков, не так уж и важно.

Магнат в подобных прениях также не был школяром:

– Подонки избобличают подонков, и за это платят другим подонкам. Ты же брал грязные деньги! Возможно, заработанные на наркотиках! В любом случае, на обмане – точно! Журналисты хуже проституток: те продают своё тело – вы свою душу!

Журналист от дальнейшей дискуссии уклонился:

– Вот за это я и отвечу. А продавая тело, нельзя не замызгать душу. Они слишком тесно связаны между собой.

Вмешался проводник:

– Все за всё ответите и все своё получите. Не надо попусту накалять ситуацию. – Потом добавил, обращаясь ко всем. – Что-то мне сегодня попались весьма беспокойные и принципиальные клиенты. Размахались кулаками после драки. Бой закончен, и гонг о его окончании уже прозвучал. Шли бы тихонько позади, понури́в головы, припоминая дурные по-

ступки, вспоминая близких людей, обиженных понапрасну, как и положено кающимся грешникам. А вы развели тут...

Олигарх мгновенно возмутился:

– Где их взять, этих родных и близких, если по-настоящему родные давно умерли, а близкие только потому близкие, что живут рядом. И когда опасаясь не только выстрела с крыши, но и чтобы близкий человек, в порыве любви, не подсыпал яду в стакан с утренним кофе, то о какой близости может идти речь?! Близость может быть только сексуальной, когда близкие люди голые и негде спрятать пистолет или кинжал. А дети?! Желают спокойной ночи, а в глазах читается надежда, что она окажется для тебя последней!

Опять подал голос переставший хныкать бюрократ:

– И всё время: «Папа, хочу это, папа, купи то». Тут хочешь, не хочешь, а приходится брать, потому что и у самого со временем потребности возрастают. Да и марку надо держать. Потом это становится потребностью, своего рода наркотиком, без которого трудно жить. Как без воздуха. Да и нельзя не брать! Сживут, если не со свету, то с должности точно. Чиновник, не берущий взятку, подозрителен настолько, насколько излечившийся наркоман или алкоголик. К нему никогда не будет полного доверия. – После непродолжительной паузы заключил. – Вот и сейчас очень захотелось взять. Хоть какую-нибудь мелочь.

– Что, Волосолапов, волосатая лапа зачесалась? – поддел Баксов. – Хочется взять, да нечего?

Но заместитель министра уже перестал бояться магната. Да и чего его бояться, бестелесной сущности?! Без денег и связей. Но дерзить, на всякий случай, не стал, а выдвинул новое желание:

– Жрать очень хочется. Мясо хочу!

Алексей понимающе кивнул:

– Бывает. Подсознательная память ещё даёт о себе знать. Но на суде особо об этом не распространяйтесь, здешний судья не жалуется бывших ярых мясоедов. Поэтому не вздумайте на суде ляпнуть, как приятно журчат на сковородке свиные колбаски. Не поймут. Особенно, как я уже сказал, судья. Неординарная личность.

– А я вот всегда был вегетарианцем, – поддержал тему банкир. Выждав паузу, добавил. – В душе. Но тело постоянно требовало мяса, а слабовольная душа податливо уступала, отчего испытывал дисбаланс и дисгармонию. Всю жизнь страдал раздвоением личности. Но теперь, когда ненасытная оболочка отсутствует, я рад, что, наконец, стану настоящим вегетарианцем. И, может быть, даже альтруистом!

– Абсолютным, – без эмоций согласился Харон. – Шутите, пока есть возможность, потому что главная шутка впереди. От судьи.

Но слабовольный вегетарианец разошёлся, будто бес толкал его в ребро:

– А вот выпить я бы не отказался. Хоть какого-нибудь «Вермута» хлебнуть. Из прошлого, из студенческих лет.

Но и тут его ждало разочарование.

– А про алкоголь упоминать нежелательно категорически, если не хотите разозлить судью окончательно.

– Неординарную личность? – с долей иронии, но и с не меньшей долей опаски спросил Баксов.

– Именно. Просто не надо наступать на большую мозоль.

– Странный судья?!

– Обычный. Воспринимайте всё как должное, и не болтайте на потусторонние темы.

Некоторое абстрактное время шли молча, следуя за проводником по непонятному мрачному тоннелю. Каждый думал о чём-то своём. О чём думал банкир, все скоро узнали. Он спросил, обращаясь к журналисту:

– На кого компромат-то? В сложившейся ситуации скрывать что-либо глупо, не правда ли?

– Совершенно, – флегматично ответил Андрей. – На вашего собрата по денежному мешку, даже не по мешку – по вагону, Еврова Бориса Анатольевича. Я всей схемы не знаю, моя задача была получить документы, сделать копии, одну опубликовать в нашей газете, а вторую передать репортёру с телевидения. Вот на встрече меня автомобилем и сшибли. И ведь даже не глянули – жив я или умер?!

Баксов размышлял.

– Убивать тебя никто не собирался, – сказал он. – Точнее, им было безразлично твоё самочувствие. Нужен был компромат, а не твоя жизнь. Кто знал о копии?

– Точно не могу знать весь круг посвящённых, но я получал инструкции от своего главного редактора. А вот откуда он черпал информацию, меня в известность поставить не соизволили. Вся схема связи конспирирована и локализована, как в шпионских фильмах или книгах.

Лишние рассуждения Андрея магната не интересовали. Он был предельно сконцентрирован, задавая точные вопросы и отсекая всё лишнее:

– Телевизионщики про копию знали?

– Не думаю. Зачем их загружать лишней информацией? Их задача получить и показать. Каждый выполняет свою задачу.

– А какого... – Баксов ещё раз вспомнил о предупреждении на запрет упоминаний кое-кого, – рожна ты вылез на дорогу?

– Так было условлено: я выхожу и жду, он, не доезжая, мигает фарами. Когда он медленно проезжает возле меня, я через открытое окно передаю всю документацию. Один экземпляр. У всех инструкции.

Олигарх презрительно усмехнулся:

– Ну что, поиграли в шпионов? Доигрались?! Какой канал?

– БАК-ТВ. – Пришёл черёд Андрея ехидно оскалиться. – По-моему, вы имеете к нему некоторое отношение?

– А по-моему, уже только имел. Я уже ни к чему не имею отношения, даже к собственному телу, которое будут мыть,

одевать красиво, некоторые особи, допускаю такую мысль, будут втихомолку поплёвывать в мою сторону. Но мне-то на это уже совершенно наплевать. Лишь прискорбная мысль о всеобщей продажности угнетает меня. Алчный человек любую профессию и любую должность превратит в ругательное слово. В вашей ситуации всё стало ясно и понятно. Весть о моей смерти уже, естественно, разлетелась, и на телевидении об этом узнали одними из первых. Меня просто списали со счетов на собственном канале, переметнувшись в стан врага. Ничего не поделаешь, это обыденность и повседневность нашей жизни. Как пошло говорится: ничего личного – бизнес. Это понятно, это ладно. Король умер! Да здравствует король!

Олигарх вздохнул и, незаметно для себя, перешёл с журналистом на «вы»:

– Вы, молодой человек, лучше ответьте на такой вопрос. Как бы вы, лично, распорядились копиями, узнав о моей смерти, и не погибнув сами? Не думаю, чтобы кто-то рискнул взять на себя смелость их обнародования?! Это мёртвый груз. Причём, очень и очень опасный. Он у вас в редакции?

– Нет. Я его собирался туда отвезти после встречи. Но теперь я передал бы в совершенно другие руки.

Последнюю фразу Андрей произнёс твёрдо и убеждённо, на что Баксов улыбнулся хоть и иронично, но добродушно.

– И те руки, полагаете, чище остальных? – спросил он.

– Надеюсь. Мой хороший друг работает в спецслужбах,

и у меня нет оснований ему не доверять. Но как он поступил бы, я, конечно, точно знать не могу. В любом случае, я выполнил бы свой долг. Может быть, впервые в жизни.

– Красивые слова, красивые фразы, за которыми обычно либо пустота, либо ловушка. Как бы там ни было, – философски подвёл итог магнат, – но всё это в прошлом, которое нас должно интересовать меньше всего. Но я рад, что такой журналист, как вы, не утративший ещё окончательно понятий о долге и чести, работал на меня. Жаль, что нашей встречи не произошло раньше?!

– Внимание, джентльмены! – прервал разговор Харон. – Входим в зал правосудия, которое здесь, как бы вам от этого не было грустно, не продано. Вас ждёт беспристрастный судебный вердикт, а моя миссия на этом закончена.

– Вы нас покидаете? – с лстивым сожалением поинтересовался помощник министра. Видимо, за долгие годы службы лесь впиталась в душу.

– Вы переходите под опеку другой юрисдикции, и с этого мгновения я не несу за вас никакой ответственности. – Харон оглядел своих недавних подопечных. – Но, если не будет срочных вызовов, на заседании я всё же поприсутствую. Из чистого любопытства. Каким бы грубоватым я вам не показался, но равнодушия во мне нет. Я переживаю за всех своих клиентов, а с вами даже я почти сдружился.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Они вошли в сравнительно небольшое помещение, в котором на столах стояли, а по стенам висели, канделябры с горящими свечами. А на потолке, вместо люстры, висел газовый фонарь. Все с интересом завертели головами. Магнат и здесь не удержался от сарказма, тихонько спросив:

– Вам что, электричество отключили за неуплату?

Проводник ответил утвердительно:

– Да, только не за неуплату. Однажды наш судья, по глупости и неосторожности, схватился за оголённые провода, после чего так здорово пропитался электричеством, что его тёмная аура начала ярко светиться. А это ему по статусу не положено. Теперь, пока весь персонал нашего отдела не пройдёт курс физики по разделу «электротехника», мы вынуждены пользоваться свечами и газовыми рожками.

Это объяснение немного разрядило ситуацию, и все засмеялись. Впрочем, весьма скромно и незаметно. Даже чиновник по-детски захихикал.

Весь судебный консилиум был в сборе и, как видно, ждали именно подсудимых. Судья привстал, развёл руки в стороны, и неискущённому наблюдателю могло показаться, что он несказанно рад видеть вошедших и желает их обнять. Это был пожилой, тучный мужчина с мясистым, красным лицом и крупным носом, точно такого же цвета, с ярко алыми прожилками. Он был облачён в чёрную мантию, а на столе, с горящими свечами, по одну сторону лежал деревянный моло-

ток, а по другую – головной убор, именуемый цилиндром. Судья был стар и, судя по внешней атрибутике, родился ещё в веке девятнадцатом. Впрочем, в нём же, по всей вероятности, и помер.

– Ну, наконец-то! – воскликнул он. – Ты в своём репертуаре, любитель непринуждённых бесед. Тебя только за смертью посылать! И то можно умереть, не дождавшись.

– К счастью, только за результатом её работы, – скромно ответил Харон. – Она всегда на шаг впереди меня, и я успеваю узреть лишь взмах её чёрного крыла.

– Вот видишь, как она быстра, а подчас – молниеносна, в отличие от тебя. Ты не должен забывать, что заставляешь ждать других. Или ты полагаешь, что у меня нет более интересных занятий?

Проводник всё так же скромно ответил:

– Я осведомлён, Ваша Честь, о том, как вас сильно притягивает электричество, но если бы вы изучили его взаимодействие с другими энергиями, то...

– К вашему сведению, distinguished дальнобойщик, – сказал судья и метнул из под густых бровей огненный взор, будто действительно электрический заряд, ранее полученный и не весь израсходованный, – все разделы, связанные с электричеством, я изучил досконально и основательно. – И добавил не без самодовольства. – Теперь перешёл к ядерной физике. Весьма увлекательное чтение!

– Я рад за вас, господин судья, – мягко сказал Харон

и вежливо поклонился, скрыв за поклоном слишком откровенную усмешку. – Только прошу вас, не спешите переходить к практическим опытам.

Усмешка замечена не была, но поклон не помог. Не надо было давать опрометчивый совет. Судьи не любят, когда им дают советы чины рангом ниже, а в земной практике – до ужаса не любят бесплатных намёков. Даже выработан свой преёскурант: один намёк – прожиточный месячный минимум. Вот почему наши судьи кажутся такими тугодумами.

– Я буду вынужден, – заключил судья, – отметить ваше опоздание в отчёте. Извините, но таковы правила.

– Как вам будет угодно, Ваша Честь, – сказал проводник и, склонив ещё раз голову, отошёл в сторону.

– Проходите, грешники, присаживайтесь, – с ехидной улыбкой пригласил прокурор наших новобранцев, которые недоуменно и глупо переглядывались, слушая диалог Харона с судьёй.

Прокурором являлась странная девица в короткой юбке и в бюстгальтере, явно заниженного размера, из которого, при всяком резком движении, норовили выпасть обе женские прелести. Определить возраст сей особы не представлялось возможным из-за омолаживающей маски на лице. Были видны только пухлые губы и большие голубые глаза, в которые, даже не видя всего остального, хотелось влюбиться до беспамятства. Шея, почему-то, была окутана кашемировой шалью. Пока они шли, девушка при исполнении не сво-

дила с них колючего, пронзительного взгляда.

– Сюда-сюда! – приветливо помахал рукой адвокат, приглашая к себе. – Мужайтесь, я вас буду защищать, – сказал он тихо, когда те к нему приблизились.

Олигарх, уже свыкшийся с мыслью о дальнейшем месте жительства в аду, выплёскивал свой сатирический талант, который, оказывается, скрывался за маской серьёзного и жёсткого бизнесмена:

– И судя по тебе, нам этого мужества понадобится больше, чем лётчику, идущему на таран. Хорошо, что в тебе нашлось мужества нас честно об этом предупредить. Мы обещаем быть стойкими и не предъявлять тебе претензий. Тебе можно только посочувствовать, несчастный мальчишка.

Адвокат промолчал и опустил голову. Это был молодой, бледный парень лет двадцати пяти, с тонкими дрожащими пальцами, не находящими себе места. Он то барабанил ими по столу, то крутил в них авторучку, которая всё время выпадала, а он нервно хватал её вновь и продолжал прежние операции. То был наркоман, закончивший университет с красным дипломом, но трагично умерший впоследствии от передозировки.

В помещении присутствовало ещё несколько личностей. Точнее, сидело поодаль от входа, где освещение было наименее доступно, три тёмных силуэта в балахонах с огромными капюшонами. Они представляли те заведения, в которые обязаны были отправиться каждый из осуждённых, и одно-

временно на них возлагалась ответственность по безопасности и охране, перешедшая от Харона.

Подсудимые медленно присаживались на ожидавшую их скамью, рядом с нервным адвокатом, а журналист успел задать последний вопрос проходящему дальше проводнику:

– Скажите, Алексей, здесь всё так, как описано у Данте в «Божественной комедии» – девять кругов ада?

– Не говорите глупостей, – скороговоркой зашептал проводник. – Вы только что покинули один из кругов ада, но даже не поняли этого. Да и автор давно пересмотрел свою точку зрения. Хотя его литературное произведение от этого не стало менее гениальным.

Судья грозно посмотрел на Харона.

– А вам, я вижу, заняться нечем? – спросил он не менее сурово. На что проводник лишь развёл руками. – Вон, присядьте в сторонке и сидите тихо.

Затем, насупив брови, фальшивым басом объявил:

– Судебное заседание по делу грешников, – судья в последний раз перечислил паспортные данные доставленных, – объявляется открытым! Первым рассматривается житие грешника Волосолапова!

Чиновник в то же мгновение испуганно завизжал:

– Гражданин судья, почему же моё дело первым? Я, что ли, самый страшный здесь грешник?! У кого больше денег, у того больше грехов! Это они, денежные тузы, – упыри человечества! Изверги рода людского! А я никого не убил,

не отравил, не покалечил... физически, даже не обманывал... часто. И вообще, я в душе совсем не злой. А что с некоторыми представителями человеческого сообщества бывал строг и груб, так с ними иначе нельзя. На шею сядут, паразиты! А должность у меня, сами понимаете?! И детей я очень люблю.

Баксов презрительно ухмыльнулся.

– Детей он любит?! – рявкнул он. – У которых очень молоденькие мамы? Или детей постарше любишь, педофил ублюдочный? В котёл его, извращенца!

– Я не... он просто... это ложь... – сумбурно оправдывался Волосолапов, не ожидавший такого обвинения, да ещё и от коллеги по несчастью.

Но продолжения склоки не допустил побагровевший судья. Он заорал:

– Кто вам вообще давал слово?! Немедленно замолчите оба! – И уже чуть спокойнее продолжил. – И впредь прошу помнить одно незыблемое правило: будете говорить только тогда, когда я разрешу вам это делать. Советую привыкать уже на этой скамье вести себя скромно и прилично.

После этого судья вдруг успокоился и, казалось, даже подался, потому что заговорил мягким и доверительным тоном:

– Хочу вас успокоить относительно вашего будущего. Провести, так сказать, профилактическую беседу с целью выработки у вас хотя бы относительной эмоциональной

устойчивости перед дальнейшим беспросветным прозябанием. Вот что я вам скажу, дорогие мои: если на вас нет слишком страшных злодеяний, то и в аду жить можно. Невыносимо, но можно. Очень страшно, очень мучительно, но можно.

Всем показалось странной психологическая помощь путём запугивания, но молчали, помня приказ. Судью это обстоятельство удовлетворило, он самодовольно крикнул и продолжил наставлять и успокаивать:

– Но, как и везде, среди сплошных минусов есть один замечательный плюсики. Прошу мне безоговорочно поверить, что там очень приличная компания. По земным, конечно, меркам. И, повторюсь, если только ваши души не отягощены страшными злодеяниями. Я тут бегло просмотрел ваши жизнеописания, и у меня сложилось впечатление, что для вас не всё потеряно. Что вы не безвозвратно падшие сущности, а глубоко заблудшие овцы, способные на исправление и перерождение. А значит, в самую бездну вряд ли попадёте.

После этих слов прокурор громко скрипнула зубами, а судья недовольно на неё посмотрел и покачал головой.

– В аду, – продолжал свой занимательный рассказ судья, – как я уже упоминал, весьма замечательная компания. Кого там только нет! И учёные, и философы, и поэты, и артисты, и писатели, и художники, и режиссёры. Не удивляйтесь, если встретите там, до полного обнажения души, сущностей, облачённых в рясы, в сутаны, в мантии. Их там тоже предостаточно. А магнатов и политиков, всех рангов, вообще пруд

пруды! Причём, на всех уровнях, включая самую бездну.

Судья наблюдал за произведённым эффектом, чтобы через паузу его усилить:

– Но, господа-товарищи, есть один маленький нюансик, который из этого плюсика делает два минуса и сводит на нет всю прелесть общения. Как я не единожды уже упоминал, а если не я, то в процессе путешествия проводник вас ставил в известность, что там невозможно ни лицемерить, ни лгать, ни подхалимничать. Там невозможно скрыть ни одной детали своей истинной сущности. Все чувства у всех обнажены и как на ладони, а потому все видят друг друга насквозь в прямом смысле, и от этого злорадия и ненависть вспыхивают с умноженной силой.

Грешники окончательно были обескуражены манерой судьи вести душевную, психологическую беседу. Он то мягко пугал, то жёстко обнадёживал. И, по всему, это доставляло ему некоторый дискомфорт, что отражалось в плохо скрываемой улыбке.

– Но не огорчайтесь, – вновь обнадёжил добрый судья, – это временное состояние, хотя и довольно продолжительное. Зато потом, милые мои бедолаги, они, злорадия и ненависть, выжариваются насухо и остаются только доброта и любовь, которые, в свою очередь, проверяются на прочность уже на другом уровне. – И тут он посмотрел в сторону обвинения. – Не так ли, уважаемый прокурор?

Прокурор пренебрежительно фыркнула, но головой кив-

нула утвердительно, при этом недобро посмотрев на чиновника. Судья не стал делать ей замечание, а вновь обратился к поникшим душам подсудимых:

– В заключение хочу напомнить и вернуть вас в настоящую действительность, дабы ваши помыслы не печалились понапрасну будущим, а обратились с сожалением и скорбью к прошлому. Прежде, чем вы окажетесь там, по нашему же приговору, вам предстоит болезненная процедура разбирательства вашей земной жизни по всем мелочам. И ещё одна ремарка, которую я должен озвучить. Мы все: и я, и прокурор, и адвокат находимся на уровне испытательного срока, а потому приложим максимум терпения, понимания и объективности. Все готовы?

Трое подсудимых без всяких вопросов понуро склонили головы.

Судья этим фактом остался доволен:

– Ну что ж, прекрасно. Начнём. Перед разбирательством дела Волосолапова, я обращаюсь ко всем. Кто из вас на момент смерти находился в алкогольном опьянении?

Бюрократ, надеясь заработать себе небольшой бонус, первым энергично затряс головой, давая понять, что он, в принципе, к алкоголю относится крайне отрицательно. Баксов, помня, что обманывать бесполезно, чистосердечно признался:

– Ну, выпил несколько бокалов «Каберне Совиньон» под жаркое. Вы должны меня понять, в душе я вегетарианец,

и без алкоголя кусок мяса мне в горло не лезет.

Судья как-то сразу обмяк, облизнул пересохшие губы и, сглотнув слюну, успокоился окончательно, что было крайне необходимо для беспристрастного ведения дела. Харон, за ним наблюдавший, был немало удивлён стоической реакцией на самый щепетильный и болезненный для того вопрос. В прошлом он реагировал куда как агрессивнее. «Да, – подумал проводник, – старик совершенствуется не только в области физики, но и духовно».

Судья же сухо выдавил:

– Не надо подробностей. Тем более, что в данном конкретном случае, это к делу не относится. А спросил вас из чистого любопытства и дабы окончательно убедиться в вашем желании быть искренними, а значит, уже сделавшими первый шаг к тернистой дороге исправления и покаяния. Но ещё раз хочу всех попросить, чтобы не встречали в процесс судопроизводства без данного на то мною разрешения. Выслушивать свои неприглядные жизнеописания достойно, как и подобает раскаявшимся грешникам.

Он посмотрел на горящую свечу, стоящую по правую руку, на лежавший по левую руку английский цилиндр, и закончил ответом на вопрос Волосолапова:

– А рассматриваем дело грешника Волосолапова первым, потому что оно лежит у меня сверху. Прокурор мне подала ваши дела таким образом.

Прокурор крутанула бёдрами, грудь подпрыгнула, и она

обличительно и жёстко выкрикнула:

– Да, мне не терпится разобрать по косточкам этого взяточника, крохобора, подхалима, лизоблюда, сладострасца, который погряз в прелюбодеянии с молоденькими, невинными девушками!

Судья сочувственно и с сожалением покачал головой:

– Для начала прошу вас быть спокойнее и помнить о назначенной вам ответственной миссии. А разобрать по косточкам данных граждан не получится, за отсутствием таковых. Но, выражаясь терминами из земных наук – физики и химии, которые я сейчас скрупулёзно изучаю, расчлнить их души по атомам, чтобы добраться до ядра и увидеть количество электронов и протонов, то есть – добрых и злых дел, мы постараемся. И всякое, даже незначительное деяние всплывёт перед нашим взором, как дохлая рыба на прозрачную поверхность водоёма.

– Вот-вот! – опять подскочил прокурор, не жаловавший аллегории и метафоры, но суть улавливавший фибрами души. – И про многочисленные сауны с девицами несовершеннолетними! Мы всё про тебя знаем, развратник!

И дама погрозила испуганному чиновнику кулаком. При этом шаль съехала и обнажила шею. Подсудимые с ужасом увидели страшный странгуляционный шрам. Она невозмутимо поправила шаль и уселась, глядя в сторону.

Судья ещё раз успокоил прокурора ласковым словом, пообещав тому в своё время предоставить обвинительную

речь, посмотрел на подсудимых, мельком прошёлся взглядом по тёмным фигурам в капюшонах, угрюмо молчавших и не выказывавших абсолютно никаких эмоций, и, глядя в дальнюю пустоту зала, скрываемую тьмой, объявил:

– Итак, я начинаю судебный процесс!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Но прежде чем судья приступил к исполнению своих прямых обязанностей, бывший бизнесмен шепнул бывшему журналисту и бывшему крупному чиновнику:

– Хорошо, что не прокурорша здесь главная персона, и не она будет выносить окончательный приговор. А то эта экспансивная девица устроила бы нам такой театр сатиры, в котором чёрный юмор надолго покрыл бы мраком наше будущее, где весело было бы всем, кроме нас. Ох, и натерпимся мы, когда она в мелочах начнёт разбирать наши грехи. Очень не хочется некоторых подробностей.

Без подробностей, правда, не обошлось, но обошлось без злобы, ехидства и издевательств. По крайней мере, со стороны судьи, который сдерживал напор обвинителя, успокаивал и был мягок, добродушен и объективен. Голос его был негромким и монотонным, отчего тягостное впечатление лишь усиливалось. Стыдно было всем: и за себя, и за соседа. Все сидели молча, даже у олигарха запас сарказма на это время иссяк. И отнюдь не из-за недостатка острословия, а от бо-

ли и сочувствия, неизвестно откуда заполонивших его душу. Ведь именно его земное бытие должно было рассматриваться следующим. Но вдруг все присутствующие заметили, что судья как-то растерялся и не знает, что делать. На помощь пришёл прокурор:

– Эй, пан судья! – непривычно и развязно она попыталась привести его в реалии текущего момента. Ей не терпелось требовать самого сурового наказания всем без исключения, а особенно ненавистному, по каким-то особым причинам, госслужащему.

– Подождите немножко, – проворчал пан судья, и взгляд его стал настолько сосредоточенно отстранённым, будто кто-то его гипнотизировал.

Прокурор хмыкнула, ещё сильнее надула губки, но больше встречать не решилась. Наконец мясистое лицо главы суда дёрнулось, и глаза приняли осмысленное выражение. Он потряхнул головой и сказал:

– Извините, я немного растерялся оттого, что совершенно необычно исчезло дело третьего фигуранта. Я даже предположил невероятное – что, может быть, наш прелестный прокурор, за отсутствием штатной единицы секретаря суда, и возложенные на неё сии обязанности, в спешке забыла положить мне его на стол.

Девушка с повышенными обязанностями молча метнула огненный взор в сторону подсудимых, говорящий более чем красноречиво: «Как бы не так! Такой оплошности я себе

никогда не позволю, клянусь вечным огнём ада! Уж я их всех...»

Невозможность такой оказии подтвердил и сам судья, в далёком прошлом мелкопоместный шляхтич Лидского уезда Виленской губернии, встречавшийся в своё время с Калиновским и Врублевским. Испугавшись их идей, а более всего – последствий, он в последний момент отошёл от них, и с течением лет стал в тоске спиваться, пока не пропил и не проиграл своё имение. После этого он перебрался в Санкт-Петербург, где добывал чарку водки и кусок хлеба к ней работая извозчиком. Но однажды, на Рождество, он хватил лишку, упал пьяный в сугроб и замёрз. Банальная ситуация для статистики, но трагичная для каждого индивида в отдельности. А для души – тем более.

– Но это не так, – сказал судья, отводя все подозрения от прокурора. – Наш аккуратный и принципиальный прокурор свои обязанности выполняет самым педантичным, в лучшем понимании этого слова, образом. Здесь дело в другом. – Он чуть помедлил, шевеля нижней губой. – Изменились некоторые обстоятельства.

И вдруг, совершенно неожиданно, обратился к Андрею:

– О чём вы всё время думаете? Отвечайте быстро!

Ответ последовал незамедлительно:

– О семье: о детях, о маме, о жене.

– Всё верно. Мне так и казалось, но ваши мысли, в отличие от других, не совсем явственно просвечивались, что

являлось мне не понятным. Я должен всех присутствующих попросить соблюдать строжайшую тишину на время моего контакта.

После этого судья закатил глазные яблоки настолько далеко вверх, что они скрылись полностью, и на зал смотрели белые глазницы. Жуткое зрелище. Подсудимые, не выдержав, отвели взгляды в сторону. Они не имели представления, что бы это могло значить. Ну не забавы же ради, столь уравновешенный судья решил попугать глупой выходкой грешников?! Он их достаточно напугал, нарисовав вкратце дальнейшее место пребывания. Всё оказалось намного прозаичнее. Он просто с кем-то выходил на связь. Говоря земным языком, начальство экстренно потребовало к себе, но вопрос, в отличие от земных дел, утрясли довольно быстро, и через мгновение судья, вернув глаза на прежнее место, заговорил как ни в чём не бывало:

– Итак, молодой человек, ваши душевные терзания были настолько сильны и глубоки, что они оказались услышаны на самом верху. Мне только что поступила директива, которую спешу довести до вашего сведения. – Выдержав положенную судебную паузу, судья более громко, чем обычно огласил. – Хватову Андрею Игоревичу вынесение решающего вердикта откладывается на неопределённый срок. А это значит, мой дорогой, что вам несказанно повезло. Вам предоставляется редкий случай переосмыслить и изменить свою жизнь, а также направить в нужное русло бытие ва-

ших детей. Помните, вы несёте за них ответственность и там, и здесь. Грехи отцов падут на плечи не только их детей, но и грехи детей падут на души их отцов. А с этого момента вы...

Но закончить свой спич судья не успел, поскольку был бесцеремонно прерван прорвавшимся возмущением олигарха и писклявым визгом чиновника.

– Это грубое попираание любого законодательства и всей судебной системы в целом! – кричал один. – Я тоже хочу в свой любимый кабинет! – визжал второй. – Дайте мне шанс лично перерезать глотку этой гадюке Еврову! – требовал Баксов. – А я хочу получить взятку и передать все деньги детям! – горячо уверял Волосолапов, но при этом старался никому не глядеть в глаза.

Магнат не удержался от едкого замечания:

– Что же ты мелочишься, мелкая душонка? Отдай все свои запасы, в валюте и рублях, лежащие в банках и спрятанные в закромах и сусеках! Что, небось жалко?

– И ничего мне не жалко! Я готов отдать всё детям, только выпустите меня, пожалуйста, отсюда!

– И много у тебя детей, любвеобильный ты наш?

Никто, странным образом, их не перебивал и не останавливал. Все с нескрываемым любопытством следили за словесной дуэлью.

– А я не своим хочу отдать! – возопил Волосолапов, не усмотрев в вопросе подвоха. – Чужим! Вот его детям хочу

отдать! – И ткнул при этом пальцем в сидящего рядом журналиста. – Но я не хочу, чтобы он от нас уходил! Я желаю, чтобы он остался вместе с нами! – Затем, уже совсем потеряв лицо, стал разбрасывать фигуры из трёх пальцев, приговаривая. – Вот, фиг тебе, дорогая жёнушка Зоя! У-у-у, змея особо ядовитая! Вот, фиг тебе, Анжела! Вот, фиг тебе, Артур! Вот, фиг тебе, Роберт!

Остановил сию неприглядную процедуру опять Баксов:

– У тебя, вообще-то, дети отечественного производства есть? Или все сплошь импортные? Думаешь, наклеив иностранную лейбу, улучшишь качество продукта?!

Ответа, ко всеобщему сожалению, услышать не удалось, потому что судья решил вмешаться:

– Вы можете, панове, все разом заткнуться и позволить мне продолжить?! – Все мгновенно и послушно притихли. – Спасибо. Дзякую. Бардзо дзенкуе. Продолжим. Вот те раз, совершенно потерял нить разговора. Эти капиталистические тиранозавры сбили меня с панталыку. То бишь, выбили из колеи. На чём я там остановился?

И тут, впервые с начала судебного заседания, вскочил адвокат, будто только теперь вспомнил, что и он здесь не последняя персона, и надо успеть хоть что-нибудь сказать, пока все не разошлись по своим делам:

– Вы, господин судья, сказали, что моих подзащитных надо освободить прямо в зале суда и отпустить на все четыре стороны. Они невиновны!

Где витала его душа до сего момента, неизвестно, и если бы судья не знал адвоката как облупленного, то подумал бы, что тот не промах. Ишь, как круто повернул дело. Но судья его знал слишком хорошо, чтобы воспринимать всерьёз его тирады, поэтому лишь молча посмотрел, с жалостью и участием, и вяло махнул рукой. Адвокат смутился, опустил глаза и сел. А судья, во избежание рецидива, назидательно изрёк:

– Успокойтесь, мой бедный юноша. До сих пор защищали молча, так и продолжайте этим заниматься впредь. Прокурор, на чём я остановился?

Подпрыгнул бюст, придав толчок всему остальному. Изпод маски сверкнули глаза, наполненные презрением к адвокату и ненавистью к подсудимым:

– Вы сказали, что этому презренному писাকে предоставляется незаслуженная возможность...

– Тише, тише, – упредин дальнейший поток оскорблений судья. – Очень хорошо. Спасибо. Я уже вспомнил. Уважаемый прокурор, по работе у меня к вам нет никаких претензий. Но мне хотелось бы вам ещё раз напомнить, что, не изменив своего отношения к грешникам, не сменив ненависть на сочувствие и сострадание, а то и на любовь, вы обрекаете себя на вечное прозябание в этом неудобном, тёмном и сыром месте. Ну, скажите, неужели вам здесь нравится?

Девушка упрямо промолчала, а судья нанёс решающий удар:

– А если, упаси Господи, ещё чего похуже?! Вот отправят за несоблюдение духовной этики и злостное уклонение от норм самосовершенствования обратно в преисподнюю?!

На это страшное предостережение девица опять фыркнула, что говорило о нездоровой укоренившейся привычке, села и стала молча смотреть на горящие свечи.

Бывший шляхтич вздохнул, пожал плечами, успев подумать: «Эту кобету, видимо, придушили в целях самообороны?!» – и, обращаясь исключительно к Андрею, с дружеской улыбкой заключил:

– Одним словом, вы возвращаетесь. Память приказано вам сохранить полностью, что также является редкой привилегией, если, конечно, там вы сами не захотите трактовать сей случай, как посттравматические галлюцинации. В любом случае, вы этого не забудете никогда. И последнее, постарайтесь дальше жить так, чтобы, когда действительно умрёте, оказаться в другом месте, более светлом.

После непродолжительной паузы, олигарх, спокойно, но с горечью, произнёс:

– И всё-таки, этот инцидент не совсем вяжется с понятием о высшей законности и справедливости. Он немногим меньший грешник, чем я. А может быть, и такой же! Почему же ему можно исправить, а нам нельзя?

– Ну что же, – ответил судья, – я вам отвечу, хотя вовсе не обязан этого делать. Ни я, ни тем более вы не можете и не имеете права судить о Высшей Законности и Справед-

ливости, потому что не имеете о ней ни малейшего представления. Кто же больший грешник, а кто меньший – это уже детали, которые мы здесь и разбираем. А для того, чтобы попасть сюда, иногда достаточно одного не прощённого поступка, и не обязательно быть убийцей или насильником. Например, совершить предательство, подлость, лжесвидетельство или осудить невиновного. И чем тяжелее последствия данного преступления, тем суровее будет наказание. И даже несмотря на то, что до этого, может быть, он жил вполне порядочным человеком. Ведь в жизни часто всего один шаг отделяет порядочного человека от порядочной сволочи.

Судья остался доволен последней фразой, но потом погрузился и задумался. Все молчали, даже прокурор. Но вот он вновь тряхнул головой, сбрасывая оцепенение, и вернулся непосредственно к затянувшемуся процессу:

– Так, с вами, Хватов Андрей Игоревич, разобрались. Харон, выведите его из зала и доставьте туда, где лежит тело. Пусть выздоравливает – и повреждённым телом, и травмированной душой. – Считая, что вопрос на этом закрыт окончательно, он переключил внимание на оставшихся несчастных, к которым и обратился. – А с вами, граждане грешники, продолжим. Вы прекрасно слышали ранее мою речь о вашей очень и очень прискорбной жизни, и, в свете моего последнего ответа грешнику Баксову, должны понимать, что вас ждёт...

Неисправимая девица-прокурор, уставшая от долгого

молчания, вскочила и неистово выкрикнула:

– Чистилище, все ярусы ада и многочисленные мытарства!

В этот момент Алексей с Андреем как раз покидали помещение. Последнее, что они слышали, были успокаивающие слова не злобного в своей сути судьи:

– Ну, вы, милочка, уж совсем разошлись. Что с вами сегодня?! Я очень вас прошу, умерьте свой агрессивный напор. Будьте осторожнее в словах и эмоциях, а то ведь...

Они напоследок обернулись. Тёмные фигуры в балахонах, доселе сидевшие настолько неприметно, что о них все забыли, после выкрика жёсткого прокурора заметно оживились. Они ждали развязки и своих жертв. Это были личности дел, а не слов.

Ещё уходящие увидели страх в глазах олигарха и чиновника, когда те тоже обратили внимание на загадочные и зловещие фигуры, а затем, с невыносимой тоской и завистью, посмотрели во след помилованному. Но чем был вызван страх и что они узрели в глубинах чёрных одежд, Андрею узнать было не суждено. Пока не суждено. А может – и совсем?!

Алексей подтолкнул его к выходу.

– Уже прошло столько времени, – начал волноваться журналист, когда они покинули страшное заведение, мыслями уже вернувшийся к той, грубо материальной жизни. – Может быть, тело уже нашли и отвезли в морг? И мне предстоит

умереть вторично, замёрзнув в холодильной камере?

– О, какой быстрый прогресс! – воскликнул со смехом Харон. – Сразу заволновался о своём бренном прахе? Главное, чтобы ты помнил о душе. А насчёт всего остального не беспокойся. Не для того тебе даровали жизнь, чтобы мгновенно её забрать обратно. И о времени не волнуйся. Бывает, конечно, некоторые души странствуют. Им даётся период для осмысления себя и испытания близких, пока их тело находится в коме. Таким время обратно не возвращают. Некоторые, наиболее светлые души, сами не желают возвращаться. О таких говорят – умер, не приходя в сознание. Но ты вернёшься в тело через несколько минут после наезда.

– Вы управляете временем?

– Не я – выше. Гораздо выше. Там управляют всем. Помни об этом всегда! А время – штука крайне субъективная, даже, я бы сказал, скользкая. Оно вроде и есть, а вроде его и нету. Видал, как бывает?! – А потом весело добавил. – Туда, куда ты возвращаешься, тоже здорово управляют временем, перегоня стрелки часов!

ЭПИЛОГ

После обеда вновь напоззли тучки и начал накрапывать дождик. Четверг – он есть четверг. Всё смутно и неопределённо. И не верьте чересчур диетологам, что четверг – рыбный день. Ещё не известно, кто в этот день рыбак, а кто рыб-

ка, и кто на кого расставил сети.

Двое молодых парней катили на стареньком «Ауди» за город. Перемене погоды они не обрадовались.

– Не унывай, – сказал один другому, который был за рулём. – Это не дождь, это пыль морская! Видишь, с запада солнышко выглядывает и подмигивает нам.

– А я и не унываю, – ответил второй оптимисту-романтику. – Хорошо, что, когда приедем, там уже всё готово: и шашлычки, и водочка, и кое-что другое.

– Ага, – согласился первый, и вдруг, указав пальцем на трассу, крикнул. – Смотри! Что-то на дороге лежит! Большое. А на обочине тачка. Тормози – посмотрим.

– Вижу, не слепой. Кажись, мужик?!

Проехав метров пятьдесят, остановились. Оба подошли к лежавшему на асфальте человеку, который не шевелился и, казалось, не подавал признаков жизни, в виде дыхания.

– Жмурик? – поинтересовался первый.

– А хрен его знает! – логично ответил второй.

– Ну так посмотри! Что, трудно, что ли?!

Тот наклонился и пощупал, как учили в киношных боевиках, на шее пульс. Через несколько секунд возвестил:

– Вроде как есть... Точно есть, только слабый.

– Ну и что будем делать? – растерянно спросил первый.

– «Скорую» надо вызывать, – не без сострадания предложил второй.

– Само собой, – поддержал первый гуманный порыв дру-

га. – Только с его мобилы.

– Почему?

– По качану! – Глупость и наивность второго удивляла и раздражала первого. – Хочешь остаток дня потратить на допросы и протоколы? Лучше иди, прошманай тачку, видишь, какая навороченная! А я займусь терпилой. Окажу ему первую помощь.

И он принялся детально ощупывать карманы в поисках, видимо, не только мобильного телефона. Когда его рука нащупала в кармане пиджака приятную пухлость бумажника, рука «жмурика» неожиданно схватила за кисть его шаловливую руку с такой силой и такой мёртвой хваткой сжала, что тот аж взвыл от боли. Затем пострадавший открыл глаза и спокойным, ровным голосом, даже дружелюбно улыбнувшись, сказал:

– Не надо совершать то, о чём впоследствии, пусть не на этом, так на другом следствии, обязательно пожалеешь, но возможности что-либо исправить уже не будет. Если тебе надо на пропитание, я сам выделю из своего бюджета.

– Пусти, – сквозь зубы процедил парень. – Не надо мне от тебя ни хрена! Руку ломаешь, гад!

Андрей отпустил, и вырывавшийся парень, потеряв равновесие, плюхнулся на задницу. Быстренько вскочил, растирая ушибленную руку здоровой, крикнул другу, копошившемуся в салоне:

– Серый, валим отсюда! Видишь, как эти жлобы быстро

приходят в чувство, когда дело касается их мошны?! Будут подыхать, а своё не отдадут! Будто на тот свет с собой заберут!

Андрей сел и посмотрел вокруг. Проходивший Серый вежливо спросил:

– Может, скорую всё-таки вызвать?

– Спасибо, ребята, вы и так мне здорово помогли. Дальше уже я сам. – И, засмеявшись, добавил. – А на том свете, пацаны, деньги точно не нужны. Уж поверьте тёртому калачу.

Ребята, скорее всего, не поверили, особенно водитель. Он, видимо, был большим скептиком, потому зло и высокомерно согласился:

– Поехали. Делать больше нечего, как под дождём, посередине дороги, с психами базарить. И так время зря потеряли.

И они уехали. Андрей же, проводив их грустным взглядом, принялся себя ощупывать. Болели рёбра с правой стороны, рука в локтевом суставе и правая нога. Нога больше всего, похоже на перелом. Он отполз к своему автомобилю, ухватившись за руль, втащил себя в салон и достал телефон, чтобы позвонить в «скорую». После позвонил жене и сообщил, что попал в небольшую переделку, и чтобы к ужину его не ждали – он задержится в больнице на неопределённый срок. Шутку не оценили, и ему пришлось успокаивать супругу, рассказывая небылицы. Ещё позвонил матери, поинтересовался её здоровьем, не упомянув ни словом о своём.

Андрей откинулся на спинку сиденья и стал ждать. И первым дождался звонка главного редактора, с которым в эту минуту говорить хотелось меньше всего. Он обрисовал сложившуюся ситуацию, заявив, что похищены и оригинал, и копия, и что он полностью пуст. И ему показалось, что он услышал слабый вздох облегчения. Редактора можно было понять.

Окончательного решения относительно имеющихся у него материалов, Андрей ещё не принял. Он рассматривал три варианта. Первый – уничтожает, второй – передаёт другу, третий – инкогнито отправляет в Следственный Комитет. Но об этом у него будет время подумать на больничной койке.

А редактору, на самый постскрипtum разговора, объявил, что, после полного физического восстановления, он увольняется и переходит на телевидение в спортивный отдел, куда его давно зовёт друг. Чтобы здоровый уже дух имел такое же достойное здоровое тело.

Редактор начал что-то мямлить о скоропалительных решениях, необдуманных выводах, о времени подумать, и ещё о массе других вещей, включая естественный страх, но Андрей его уже не слушал.

Андрей смотрел вдаль: смутную и размытую в прошлом, и ясную и отчётливую сегодня. Он мог согласиться с редактором только в одном – в чувстве страха. Да, он был напуган. Сильно напуган, но не олигархами, не политиками и не бан-

дитами. Он был напуган своей прошлой жизнью.

А значит, пришло время её менять! Всё, конечно, суета, но всё имеет значение – каждый поступок, каждое слово, каждая мысль.

КОСМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ

Рай и Ад – они ведь рядом,
Не поймёшь – куда кому.
Не ходите, люди, стадом,
Входят в Рай по одному!

Владимир Георгиевич Сажа, известный учёный, профессор, сидел в своём кабинете и готовился к завтрашней лекции. Выступление было запланировано на 15.00 в актовом зале университета, где он преподавал и заведовал кафедрой прикладной математики и информатики. Лекция носила факультативный характер, имела свободный доступ посещения и денежной прибавкой к зарплате профессора не поощрялась. Это была его личная инициатива.

Надо сказать, что Владимир Георгиевич, не сумевший перевернуть мир официальной – закостенелой, как он считал – наукой, переметнулся в стан оппозиции – уфологов. Увлёкшись широким спектром научных изысканий – НЛО, древние цивилизации, паранормальные явления и так далее, – профессор с головой нырнул в этот бездонный и безбреж-

ный океан.

Однако предпочтение всё же отдавал Космосу и его влиянию на человека. Нет, не той астрологической чепухе, переполнившей информационное пространство Земли и массово оболванивающей обитателей планеты, так называемых разумных существ, а той таинственной взаимосвязи между Космосом и Человеком, когда человеческие дела, поступки и даже мысли несут в себе странную энергетику, влекут неотвратимые последствия и вносят в судьбу человека определённые и стабильные последствия. Владимир Георгиевич находился на завершающем этапе своих исследований, результатом которых он надеялся произвести сенсацию, вызвать в обществе фурор, шокировать публику и, как следствие, получить Нобелевскую премию. А потом можно ещё стать «Человеком года». Хотя, почему только года? Человек десятилетия! Человек эпохи!

Он настолько был поглощён своими громкими мыслями, что не сразу услышал тихий стук в дверь. Дверь медленно приоткрылась и в проёме показалась голова жены:

– Володя, извини, что отвлекаю, – виноватым тоном сказала супруга, – но к тебе пожаловал гость.

– Кто? – недовольно спросил профессор, повернувшись на голос.

– Приятный молодой человек интеллигентного вида.

– Что этому молодому человеку надо? И почему так поздно и без разрешения?

– Я не знаю, что ему надо, но он сказал, что недавно прилетел и сразу к вам. То есть, к нам. Дело, говорит, срочное, а он с трудом вырвался. А ещё он сказал, что эта встреча больше нужна тебе, чем ему.

– Откуда он вырвался? – ехидно спросил Владимир Георгиевич.

– Сказал, что с трудом вырвался из чёрной дыры.

Профессор недобро ухмыльнулся:

– Шутник или сумасшедший?

– Сумасшедший тоже может быть шутником, – ответила жена, входя в комнату и закрывая за собой дверь. – Только шутки у него сумасшедшие. – Потом серьёзно добавила. – Он пошутил. Это корреспондент какого-то американского журнала «Discover».

Владимир Георгиевич насторожился:

– Документы проверяла?

– Он сам мне их показал: и паспорт, и удостоверение журналиста, и водительские права, и семейную фотографию в мобильном телефоне, и даже целую стопку банковских карточек.

– Он американец? – зачем-то спросил озадаченный муж.

– Ну, не эфиоп же! – резко ответила жена. – Но по-русски всё понимает и говорит без акцента.

– Всё это очень странно?! – задумавшись, сказал профессор. – Так никто не делает. Сначала договариваются о встрече, а перед этим я должен дать разрешение на интервью. По-

том мы должны оговорить условия и некоторые детали предстоящей беседы...

Жена нетерпеливо спросила:

– Так что, ты примешь его или мне отправить этого гуманоида обратно в чёрную дыру? Я могу. А если это сделаю фольклором, то уйдёт быстро и без вопросов.

– Да ты что?! – всполошился муж. – Что он о нас подумает? А потом такое напишет! Скандал!

Жена вновь резонно возразила:

– Они и так ничего хорошего о нас не думают. И потом, разве это оскорбление? Если отбросить ложную скромность и фальшивую стыдливость, то ещё неизвестно, какая для мужиков дыра имеет большую гравитацию – космическая или женская?!

– Хорошо-хорошо, – быстро согласился Владимир Георгиевич. – Не надо отправлять его ни в какие дыры, а пригласи в мой кабинет. Елена, и сделай, пожалуйста, нам чаю. Покрепче.

Дверь закрылась. Через минуту вошёл гость – высокий мужчина 30—35 лет, брюнет, в очках и в элегантном белом костюме. Профессор встал навстречу.

– Здравствуйте, Владимир Георгиевич, – улыбаясь, поздоровался мужчина и протянул для приветствия руку. – Меня зовут Алекс Энигмозест.

– Здравствуйте, Алекс, – профессор улыбнулся в ответ и пожал руку. – Энигмозест? Интересная фамилия?! Зага-

дочная и с какой-то изюминкой.

– Это я интересный и загадочный, хотя и без всяких изюминок. А фамилия, как фамилия. Это не судьба – её и поменять легко.

– Да, вы правы. Проходите, присаживайтесь.

– Я безмерно счастлив, что вы меня приняли без всяких бюрократических проволочек, – сказал Алекс, не снимая с лица улыбку, когда они уселись в кресла возле письменного стола. – Это говорит о ваших лучших человеческих качествах – гостеприимстве и добродушии.

– А вы прекрасно говорите по-русски, – Владимир Георгиевич скромно перевёл разговор на персону гостя. – Очень чисто. Я бы даже сказал – классически. Откуда?

Гость слегка смутился.

– Извините, господин профессор, – сказал он, убрав улыбку, – что забыл представиться вам лично. Я репортёр журнала «Discover», Соединённые Штаты.

Профессор расслабленно рассмеялся.

– Вот вы и попались! – весело воскликнул он. – Шпион из вас никудышный. Я и так вижу, что вы из чёрной дыры, а я спрашивал – откуда так хорошо знаете русский?

Алекс быстро вернул улыбку на прежнее место.

– Знание языков, это у меня врождённое, – ответил он, ярко блеснув синими глазами цвета неба. – На уровне ДНК.

– Ваши предки из России?

– Да, мои предки отовсюду. В какой стране появляюсь,

в той обязательно были мои предки. – Помолчав, добавил. – Я полиглот.

– А, вот в чём дело, – с облегчением выдохнул Владимир Георгиевич, начинавший подозревать, что американец над ним издевается. В отместку за шпиона. – Мы все с одной планеты, и в каждой стране наши далёкие предки. Ну, хорошо, Алекс, так чем же привлекла ваш популярный журнал моя скромная персона?

В это время вошла жена с чаем.

– Это тебе, Володя, – сказала она, ставя фарфоровые чашки на стол. – А это вам. *Sil vous plait*, Саша!

– Please, – подсказал, натянуто улыбнувшись, муж.

– Культурные слова всегда понятны и приятны любому интеллигентному человеку на любом языке, – оправдалась Елена. – Кали ласка, прошу пана!

Мужчины поблагодарили, сделали несколько глотков живительного горячего напитка и, когда дверь за хозяйкой закрылась, продолжили разговор.

– Ваша скромная персона привлекла наш журнал таинственной статьёй о Космических Законах, которыми вы собираетесь удивить мир, – ответил Алекс на ранее поставленный вопрос, делая очередной глоток горячего чая. – Но хотелось бы поговорить и на другие темы. Нас очень интересуют древние земные цивилизации. Или, например, паранормальные явления, во множестве расплодившиеся.

Профессор иронично усмехнулся и ответил:

– Неужели у вас мало своих придурков, с которыми можно было бы побеседовать на эту тему? Право, не стоило совершать столь длинный путь, чтобы узнать моё мнение по этому вопросу.

Корреспондент не согласился:

– Придурков, как вы изволили выразиться, везде полно: и у нас, и у вас, и у них. Но шутка в том, что среди множества людей, изучающих паранормальные явления, только пара нормальных. И мы убеждены, что вы один из них.

Оба молча посмотрели друг другу в глаза, а потом дружно рассмеялись.

– Но я не думаю, – сказал Владимир Георгиевич, перестав смеяться, – что вы меня навелили, чтобы поупражняться в остроумии?! Шутки и каламбуры, это, конечно, хорошо, но всему своё время и место.

– Да какие уж тут шутки?! – грустно сказал Алекс, также перестав смеяться. – Вы же не станете отрицать, что странных и непонятных явлений в мире полно?

– Я никогда не отрицаю очевидные факты, но смешно, когда ими слепо торгуют дураки, и зряче спекулируют умные, дурача миллионы.

Профессор допил чай и поставил чашку на стол.

– Кто-то фанатично в это верит, кто-то на этом зарабатывает, кто-то исполняет приказы сверху, кто-то тщеславно фальсифицирует обычные явления под сенсацию, – перечислил гость варианты наплыва всех громких сенсаций. –

И только немногие беспристрастно пытаются в этой чехарде разобраться.

– Но ведь можно пытаться беспристрастно разобраться, не забывая о тщеславной сенсации?! – возразил Владимир Георгиевич и слегка покраснел. Скорее всего, от горячего чая.

– Тут главное, что является доминантой, – назидательно сказал Алекс. – В большинстве случаев, к сожалению, блеск близкой звезды под названием «Слава» затмевает разум слабых людей, и они уже не замечают яркое сияние далёкой звезды «Истина». – И вдруг задал вопрос, перейдя на личности, которые уже принадлежат истории. – Вот как вы считаете, кем являлся пионер движения уфологов Чарльз Форт? Обвинить его в слепом стремлении к славе нельзя: он был нелюдим, почти затворник. А его яростные атаки на всю официальную науку вызывают... по меньшей мере, недоумение.

Профессор откинулся на спинку стула.

– По своему характеру Форт был интроверт, – ответил он, поглядывая то на гостя, то в окно, за которым наблюдалось вечернее небо. – А по жизни он был фанатом своего дела. – И внёс существенную поправку. – Фанатом, но не одержимым фанатиком. И ни в коем случае не сумасшедшим. Мы даже не можем точно сказать, как он лично относился к тому или иному явлению. Мне кажется... нет, я убеждён, что рождаются люди, генетически запрограммированные для како-

го-нибудь определённого дела. Или, если хотите, для определённой жизненной миссии. Он один из таких. Его задача была собрать массу разрозненных и противоречивых фактов и наблюдений, а потом их систематизировать и привлечь к ним массы читателей, которые, в свою очередь, уже привлекут просто массы.

Корреспондент оживился:

– Я готов с вами в этом согласиться. Но кто? Кто генетически программирует избранных людей? И когда? – На его лице появилась еле уловимая улыбка. – Ведь внешне всё выглядит всё настолько естественно и даже обыденно, что не подкапашься: зачатие, срок в утробе матери, рождение, взросление и так далее. Сложный вопрос?!

Владимир Георгиевич усмехнулся открыто.

– Сложных вопросов уйма, – сказал он, – но на многие из них человечество никогда не сможет ответить правильно.

– Хотя в дерзости и гордыне своей всё время пытается это делать, – добавил Алекс. – Причём, зачастую в категоричной и безапелляционной форме.

– Совершенно верно, – согласился профессор. – Но дерзость в науке далеко не худшее качество. Обидно только, когда дерзость исходит от глупцов. А самое смешное, это когда суть какого-нибудь необычного явления или природного феномена разъясняют люди, совершенно не имеющие необходимых по данному вопросу знаний. Знаете, в конце 80-ых годов довелось мне прочитать одну забавную книгу. С которой,

собственно, и началось моё увлечение всем таинственным. Не в ущерб, конечно, официальной науке и карьере. Книга Мичелла и Рикарда «Феномены книги чудес». Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что каждый интересный случай был снабжён комментарием советских профессоров и докторов наук, знающих абсолютно все ответы на абсолютно все вопросы. Но только, правда, в том случае, когда им приказывала Партия. Кто там только не разъяснял глупому читателю массовые заблуждения, витающие в буржуазной атмосфере: и географы, и историки, и даже юристы! Уже тогда все эти заумные толкования вызвали во мне приступ тошноты и резкое отторжение.

Гость как-то грустно посмотрел в окно и сказал:

– Абсолютно все ответы на абсолютно все вопросы знает лишь Бог, а вы всего лишь песчинки мироздания в бескрайнем пространстве Вселенной.

Владимир Георгиевич насторожился:

– Простите, Алекс, но вы сказали «вы», а не «мы»?! Почему?

– Ах, уважаемый Владимир Георгиевич, это всего лишь местоимение. Я, ты, мы, вы, они – не всегда сразу точно определишь, кто есть кто на самом деле. Однако, вернёмся к космосу.

Профессор чуть удивлённо, но иронично спросил:

– Почему же к космосу, а не к религии, раз речь зашла о божестве?

– А потому, дорогой профессор, что Бог имеет большее отношение к Космосу, нежели религия.

Владимир Георгиевич не сдался:

– А кто же имеет большее отношение к религии?

Алекс посмотрел в глаза вопрошающего и ответил:

– Тот, кто пытается узурпировать Божественный трон. И, честно скажу, это ему без труда удаётся.

– Интересно, почему же? – уже откровенно язвительно спросил профессор.

– Всё дело в демократии, – смеясь, ответил журналист. – В свободе человеческого выбора. Именно в этом кроется его слабость. Человек настолько несовершенен, что выбирает не мудростью и разумом, а инстинктами. И даже не столько телесными, сколько психологическими.

– Да-а, уж, – размышляя, протянул Владимир Георгиевич и посмотрел в окно на появившиеся звёзды. – Никто точно не знает, сколько на Земле было религий и верований, начиная с самых древних времён?!

Алекс, глядя туда же, поддержал:

– Никто точно не знает, когда начались эти древние времена. Сроки меняются, переносятся. Но интересно другое: у всех древних народов, о которых известно относительно достоверно, существовала своя космологическая картина мира и своя религия, которая имела верховное божество. Это не могло возникать на пустом месте?!

Профессор неожиданно метнул огненный взгляд.

– Я не понимаю, что вы от меня хотите?! – раздражённо сказал он, стараясь не перейти на крик. – Об этом написаны тысячи книг! Как официальными учёными инквизиторами, так и частными научными детективами! А раз вы интересуетесь подобными вопросами, то знаете это не хуже меня!

Репортёр смутился:

– Извините, господин профессор, но я просто хотел узнать сугубо ваше мнение?! Личное.

И тут Владимир Георгиевич окончательно вспылил:

– Нет у меня по этому вопросу личного мнения! И коллективного тоже нет! Я не знаю!

Журналист спокойно и жёстко констатировал:

– Очень хорошо. Так и запишем: «Профессор Сажа не имеет собственного мнения». Я думаю, специалистам, да и просто читателям, это будет очень интересно?!

Владимир Георгиевич испугался.

«Что это со мной? – подумал он с ужасом. – Вместо того, чтобы заумно и витиевато втирать этому прощельге очки в глаза, я начинаю нервничать и говорить чистую правду?!»

– Не надо этого писать, – угрюмо попросил он. – Мнение моё таково, что отталкиваясь от древних источников информации, как-то, например, Библия и «Махабхарата», я вполне допускаю, чисто теоретически, возможность присутствия на Земле инопланетного разума, в разы превосходящего человеческий. – И вдруг с душевным надрывом спросил. – Но если это были инопланетяне, то почему на протя-

жении последующих тысячелетий они больше не вступали с людьми в открытый контакт? Как нормальные, цивилизованные существа?!

Алекс возразил:

– Но позвольте, профессор, а как же тысячи очевидцев, которые не только видели неопознанные летательные аппараты, в виде тарелок и сигар, но и наглядно наблюдали инопланетных существ. А если верить многим наиболее отчаянным очевидцам, то выясняется, что их эти нехорошие твари похищали. И только стоит догадываться, что с ними в инопланетном плену проделывали?!

Профессор подозрительно посмотрел собеседнику в глаза.

– Если бы они это рассказывали на ночь своим детям в виде страшилок, то я бы их понял, – сказал он мрачно. – Хотя, как родителей, и осудил бы. – И помолчав, заключил. – Ни один нормальный и здравомыслящий человек не поверит в эти бредни. Равно, как и в катастрофу инопланетного космического корабля близ Розуэлла. 1947 год – начало холодной войны и создание ЦРУ. Но это не просто ваша шутка, это первый планетарный обман, с далеко идущими целями.

– Значит, всё-таки, отрицаете... – начал Алекс делать вывод из сказанного, но был бесцеремонно прерван.

– Ничего это не значит, и ничего я не отрицаю, – строго и без эмоций сказал Владимир Георгиевич, постучав пальцами по столу. – Как мы вообще можем что-то утверждать

или отрицать, я говорю не только о Вселенной, не имея сто-
процентных фактов за или против?! Нельзя отрицать суще-
ствование инопланетного разума, но и ссылаться в качестве
доказательства на человеческую фантазию глупо и наивно.
Мы не имеем права принимать за аксиому фантастическую
литературу средних веков только на том основании, что в то
время знания о Космосе были скудны, а сам средневековый
человек был не способен к подобным фантазиям. Мы слиш-
ком не заслуженно хорошо думаем о человеке сегодняшнем
и слишком не заслуженно плохо о человеке вчерашнем. Как
тут не вспомнить слова Джордано Бруно: «Однако не по-
добен считать, что есть часть мира без души, жизни, ощу-
щения, а следовательно, и без живых существ. Ведь глупо
и нелепо считать, будто не могут существовать иные суще-
ства, иные виды разума, нежели те, что доступны нашим чув-
ствам». И это рассуждения учёного, а не фантазии ранних
фантастов.

– Вы имеете в виду Джонаса Кеплера и Фрэнсиса Годви-
на?

– Их в том числе. А также Сирано де Бержерака, и даже
Вольтера с его «Микромегасом».

– Пожалуй, что так, – не стал спорить Алекс. – Считать
подобные художества неопровержимыми доказательствами
на нашей планете инопланетного разума слишком легкомыс-
ленно. С этим мы разобрались. Теперь, дорогой профессор,
если вы не возражаете, давайте перейдём к главному вопро-

су?! Ради которого, собственно, я здесь и нахожусь.

– С этого, собственно, и надо было начинать, – сказал Владимир Георгиевич, улыбнувшись ртом, но не глазами. – Полагаю, речь идёт о «Законах»? Я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – подтвердил Алекс, улыбнувшись в ответ своими большими, синими глазами.

Профессора подобный трюк непроизвольно покоробил, вызвав внутренний озноб, и он осторожно спросил:

– Я, конечно, рад, но вот чего не могу взять в толк, так это того, откуда вам стало известно о моих «Законах», когда и здесь-то о них знают немногие? Я их ещё широко не афиширую, потому что не все расчёты доведены до ума. И главное, я хочу сохранить интригу до Стокгольмской конференции, где и собираюсь преподнести их человечеству.

– Ну, положим, о ваших, – журналист с ироничной улыбкой сделал акцент на слове «ваших», – законах известно давно. Всё-таки, открыли их не вы?!

– Конечно, – ничуть не обидевшись, согласился Владимир Георгиевич. – Но одно дело открыть что-то в общих чертах, на уровне смутного предположения, и совсем другое – на доказательной базе. Сделать математические расчёты, создать формулу причинно-следственных взаимодействий, и уже исходя из этих данных, составлять точный график последствий от тех или иных деяний, поступков и слов для каждого индивидуума.

Репортёр тут же спросил:

– Я так понимаю, что эти законы действуют исключительно в человеческом сообществе?

– Совершенно верно. В самой сложной и противоречивой ячейке общей структуры мироздания.

Профессор говорил с воодушевлением, но сдержанно, как и подобает учёному, знающему себе цену и уверенному в своей правоте. «Законы» он считал венцом своих научных изысканий, да и, пожалуй, делом всей своей жизни. Через два месяца Владимир Георгиевич собирался сделать доклад по этому вопросу на международном научном симпозиуме, куда и был приглашён по ранее поданной заявке.

– Почему же, уважаемый профессор, вы дали им название «Незыблемые космические законы для человека»? – с видом искреннего удивления спросил Алекс.

– Ну, это же просто, молодой человек, – ответил профессор и снисходительно улыбнулся. – Все законы на Земле, за исключением юридических, созданы Космосом. И эти законы, в отличие от созданных человеком, уникальны, справедливы и нерушимы!

– Ну что же, – приосанившись, заявил репортёр, – мысль мудрая и спорить с ней глупо, а значит, бессмысленно. А раз так, то мне очень хотелось бы узнать ваше мнение по ещё одному вопросу. Разрешите? – Владимир Георгиевич благосклонно качнул головой. – Если все законы на Земле, кроме нестабильных юридических, созданы каким-то образом Космосом вместе с сотворением планеты, то когда были созданы

«космические законы для человека»? До появления человека на Земле или же после его появления?

– Узнаю журналистскую хватку, – без злобы, но и без доброжелательности сказал учёный. – Нет бы, поговорить о самих «Законах», так нет – вашего брата, журналиста, хлебом не корми, а дай возможность каверзными вопросами загнать собеседника в угол. Бестактно и бесцеремонно.

– Извините, профессор, но вы не правы, – не согласился с обвинением Алекс. – Я задаю этот вовсе не каверзный вопрос отнюдь не ради подвоха или праздного любопытства. Столь не уместного в гостях и в столь позднее время. Я никогда себе ничего подобного не позволю. Давайте думать. Скорее всего, что физические, химические, магнитные, электрические и другие законы сложились на планете во время её формирования, или, если хотите, строительства. И, кстати, открытые человечеством спустя многие тысячелетия после появления так называемого *Homo sapiens*. Почему не раньше и почему технический прогресс принял столь стремительное ускорение в последние, скажем, сто лет, это отдельный вопрос и большая тема для дискуссий. Но если законы, математически выявленные вами, были заложены на планете до появления человека, то, стало быть, человек планировался изначально?! Кем? Зачем? А если эти законы были внесены с появлением человека, то опять же – кем? Космосом? Слишком абстрактно. Инопланетянами? Слишком фантастично и литературно. Остаётся одно...

– Богом?! – Владимир Георгиевич хотел улыбнуться, но передумал.

– Заметьте, это вы сказали, а не я.

– Бога я также не имею оснований отрицать, но и фанатично утверждать, что он есть, у меня оснований и доказательств тоже нет. И это несмотря на древних философов и богословов, с творчеством которых я немного знаком. – И профессор не удержался, чтобы не блеснуть своими познаниями. – Как-то, Григорий Богослов, Августин Блаженный, Тертуллиан, Ориген. Я уже не говорю о более близких мне Исааке Ньютоне, Иммануиле Канте, Рене Декарте, Фрэнсисе Бэконе. Очень занимателен труд Николы Кузанца «Об учёном незнании». Знаком, естественно, с доктринами средневековых лидеров Реформации – Лютера, Цвингли, Кальвина. Ну и, конечно, с лекциями нашего, можно сказать, современника Александра Меня, богословские рассуждения которого доступны всем в сети Интернета. Но вообще, это та категория философских размышлений, когда ни доказать, ни опровергнуть не представляется возможным. Мы можем усиленно размышлять, анализировать и спорить, но ни опытным, ни теоретическим путём доказать ничего не сможем.

Алекс внимательно выслушал, а потом с чуть заметной улыбкой заметил:

– Человек зачастую видит только то, что желает видеть. Может быть, и вы, уважаемый профессор, просто не желали замечать доказательств?! И не надо ходить в глубь веков.

Ведь именно ваши законы... напомниме, пожалуйста, их поочерёдно?

– У меня, как и у Иоганна Кепллера, три закона: закон бумеранга, закон компенсации и закон расплаты. Которые, кстати, при кажущейся схожести, имеют существенные различия.

– Об этом, возможно, мы поговорим позже. Спасибо. Да, так вот именно эти законы – бумеранга, компенсации и расплаты – не что иное, как самое неопровержимое доказательство! А какие методы использует человек? Либо покажи и дай пощупать, либо убедительно докажи с помощью математических расчётов, формул и геометрических построений, не нарушая законов гравитации, термодинамики и... кислотно-щелочного баланса. Человек, научно изучающий Бога, это то же самое, примерно, что муравей, изучающий человека. Человек смешон в этом. Знаете, что обезьяна – пародия человека? Но ведь и человек – это всего лишь пародия Бога. И виноват в этом он сам.

– У нас какая-то странная беседа получается?! – сказал профессор, натянуто улыбнувшись. – Можно подумать, что вы не журналист, а пастор.

– Думать можно всё что угодно, – ответил гость, улыбнувшись непринуждённо. – Но ваши ли это думы? И кому это угодно?

Владимир Георгиевич задумался.

– Если принять вашу доктрину до мельчайших деталей

за реальность, – заговорил он, глядя пристально собеседнику в глаза, – то весь мой труд теряет всякий смысл?! Законы останутся, но ни просчитать их, ни предугадать последствий человеку просто не под силу?!

– Именно к этой мысли я вас и подталкиваю. Вы вторглись в сферу, не подвластную человеку. Не то что воздействию, а даже человеческому разумению не дано постичь всю глубину космического замысла. Ни один человек не может просчитать и предугадать те последствия, которые последуют за каждым его проступком. Проступком именно духовным, потому что физические действия, это всегда следствие нравственной ущербности человека. Когда гордыня, алчность, зависть вырываются наружу, то воплощаются в преступления. Но суть в том, что они остаются преступлениями, даже находясь внутри человека. Вы всё это должны осознать, чтобы сделать правильные выводы.

Владимир Георгиевич резко выпрямил спину и, прищурив глаза, спросил:

– Вы не репортёр?! Вы не американец?! Кто вы?

– Успокойтесь, не надо возбуждаться по пустякам, – тихо сказал Алекс, в очередной раз сверкнув большими, синими глазами. – Всё будет хорошо. Для этого я здесь и нахожусь.

Тревога, перераставшая в страх, у профессора действительно улеглась. А так как природа нигде не терпит пустоты, то на их место пришли спокойствие и умиротворённость. Но от последней навязчивой мысли он ещё не отделался.

– Так кто вы на самом деле? – уже спокойно спросил учёный, даже сделав слабую попытку улыбнуться. Попытка оказалась преждевременной, и на лице получилась вместо улыбки гримаса.

– Неважно, кто я, – всё тем же тихим голосом говорил гость. – Для вас сейчас важно понять, кто вы на самом деле. Без фальши, лицемерия и самообмана. В этом мире существует ещё один свод законов – духовных. В человеческой интерпретации – нравственных, которые уголовно не преследуются и негласно шельмуются. Но именно эти законы являются основополагающими и фундаментальными. Именно из них вытекают три «ваших» закона, предопределяющих не только судьбу самого человека, но и его души. И моя обязанность – предостеречь вас от опрометчивого шага, который может повлечь последствия, которые даже вы не сможете математически вычислить и просчитать, зная формулы и располагая графиками.

Глаза Алекса выражали тоску и сочувствие, а Владимир Георгиевич попытался объяснить:

– Так я и не имел в виду чисто телесное применение этих законов к человеку! Они находят своё отражение в совокупности материального и нравственного. Хотя умные люди давно знают, что и мысль материальна.

– Материально абсолютно всё: и видимое, и невидимое. Ваша ошибка, профессор, в том, что вы не поняли главного, без осознания которого вы неминуемо окажетесь в ловушке.

А попасть в ловушку намного быстрее и легче, чем потом из неё выбраться.

– Но я же не делал ничего плохого?! – неожиданно и как-то по-детски стал оправдываться учёный.

– Эх, дорогой Владимир Георгиевич, – качая головой, с ироничной укоризной сказал Алекс, который, возможно, и не был никаким Алексом. – А ваша непомерная гордыня.? Основа всякого греха в эгоизме, себялюбии. А происходит грех от злоупотреблений разума и воли разумных существ. Вот вам и ответ на ваш вопрос. Вся Земля была создана для человека, как Рай, но после предательства родоначальника рода человеческого стала Адом. А курирует всю адскую территорию первый духовный отступник.

Где-то с минуту оба молчали, а потом профессор ещё раз глухо спросил:

– Это, действительно, правда?

– Это больше, чем правда. Это истина. – И вдруг, озорно улыбаясь, предложил. – А хотите, подброшу идею? Напишите рассказ. А то и повесть. А может и роман получится?!

– Да, теперь мне только и остаётся, что писать беллетристику, – меланхолично ответил Владимир Георгиевич, но всё же спросил. – Какую?

– Идея, на мой взгляд, неплоха, – и гость с энтузиазмом принялся вкратце излагать концепцию потенциального романа. – Помните девять кругов ада у Данте? – Профессор согласно кивнул. – Беда в том, что автор в то время

не знал строения Солнечной системы, а собственной фантазии не хватило, чтобы облечь подсказки свыше в реально мистическую поэму. Так вот, Ад – это вся Солнечная система, а девять кругов – это девять планет, вращающихся вокруг Солнца. И на каждой планете своя специфика страданий души. А для Космоса Солнечная система – зона отчуждения. Что-то вроде неблагополучного района города, если провести аналогию в более мелком масштабе и более понятную человеку.

– А Солнце? – с вспыхнувшим блеском в глазах, Владимир Георгиевич задал вполне резонный вопрос.

Но гость и тут удивительно быстро сообразил:

– А благодатное Солнце для всего живого на Земле – это чистилище для душ человеческих! А в третьем круге Ада, Земле, заложен ещё один закон для разумных существ. Эволюция движется по кругу и носит циклический характер. Это из буддизма, – уточнил Алекс, а профессор понимающе кивнул. – Колесо сансары для людей. Своеобразная кара всему человечеству за измену его первого представителя. Задача человечества – разорвать порочный круг и вернуться в обитель Создателя. То есть, – в Рай, где царят Гармония и Бессмертие. А помочь человеку в этом должны Три Последних Слова Бога: Христос, Будда и Мухаммед. Но до сих пор эта задача не решена, а человеку из липкой и тухлой паутины порока вырваться не удаётся. И на данном этапе шансов у него освободиться очень мало, потому что сейчас на Земле эпоха

Кали-юга. Более того, её последняя стадия. А что это значит, дорогой профессор, вам, полагаю, хорошо известно?!

– Ну, хорошо, – профессор хитро прищурил оба глаза, – допустим, что Солнечная система – это Ад?! В таком случае, где же Рай?

– Рай, многоуважаемый скептик, понятие абсолютно духовное, – сообщил Алекс и, улыбнувшись, добавил. – Даже для художественной литературы. Вот поэтому, прежде чем искать его в космических просторах, человек должен найти Рай в своей душе. Жизнь человека в адском круге Земля, это что-то вроде зала ожидания в аэропорту. Именно здесь люди приобретают билеты для дальнейшего путешествия. Вопрос лишь в том – куда?

– Для романа, это, конечно, заманчиво, – сказал профессор. – Но для жизни, это страшно. Нам грозит катастрофа, а времени для исправления ситуации уже почти нет.

– Потому что время для вас, это деньги. Они главнее, чем любые катастрофы, и важнее, чем сама жизнь. – Алекс сделал короткую паузу, а потом таинственным шёпотом сказал, в третий раз сверкнув глазами. – А для большей убедительности и достоверности мы с вами проведём один эксперимент. – И закончил с улыбкой. – Я не думаю, что вы, уважаемый Владимир Георгиевич, хуже какого-то бывшего дуэлянта Бержерака, который, якобы, летал на Луну?! Итак, дорогой профессор, решено – в путь!

Когда через два часа, подойдя к двери, жена Елена

не услышала голосов в кабинете мужа, она тихонько открыла дверь, посмотрела и ужаснулась. Гость бесследно исчез, а любимый и единственный супруг сидел на стуле, свесив голову и безвольно опустив руки. Жена с глухим, протяжным стоном бросилась на помощь. Припав профессору на грудь и услышав тихое, равномерное дыхание, у Елены отлегло от сердца. Успокоившись, она проверила пульс и, убедившись в его наличии, тронула Владимира Георгиевича за плечо. Однако этого нежного прикосновения оказалось недостаточно. Тогда она уже подёргала за то же плечо. Но и эта вибрация не произвела на спящего ожидаемого эффекта.

Уже опять начиная волноваться, Елена обеими руками стала трясти бесчувственного мужа. Не добившись и в этот раз логичной реакции организма на физическое воздействие, жена, впадая в панику, ударила супруга несколько раз ладонью по лицу, впрочем, уже ни на что не надеясь, и побежала к телефону, чтобы вызвать «скорую помощь».

«Скорая» на удивление приехала скоро, а врач и медсестра, услышав жалобу жены, что муж не просыпается, не стали изобретать колесо, и самонадеянно понадеялись на свои знания и опыт. Особенно усердствовал доктор: он и тряс профессора, и поднимал, и таскал его по кабинету. Однако, вспотев и умаявшись, бросил тело на прежнее место, а сам присел отдохнуть.

Отдышавшись и послушав рассказ хозяйки о иностранном госте и его таинственном исчезновении, поразмыслил

и сказал:

– Рая, вызывай полицию и позови Колю с носилками. В любом случае, госпитализировать придётся нам. Возможно, ему дали снотворное, возможно подмешали клофелин, а возможно... пойду покурю.

Он порывисто встал и вышел на лестничную площадку, где и встретил следственную группу.

– Вы вызывали полицию? – спросил дежурный капитан, старший группы.

– Да, мы, – ответил врач, не зная, куда бросить окурок.

– Положите в карман, – посоветовал полицейский. – Так что тут у вас случилось? Где тело?

– Там, – коротко бросил доктор, указав рукой на дверь, и незаметно выбросил огрызок сигареты в лестничный проём. – Пойдёмте.

Вся группа вошла в квартиру, а капитан, склонившись над профессором, удивлённо сказал:

– Он же живой?! Просто спит.

Жена умоляюще посмотрела на доктора.

– Просто спят в постели, – начал он объяснять, – когда тело и душа вибрируют в одном диапазоне. На одной, так сказать, частоте. А здесь мы видим только тело.

Капитан посмотрел на врача, как на идиота:

– Мы не занимаемся поиском пропавших душ. Это к экстрасенсам. А органы – инстанция сугубо материальная. На месте тело, значит, нету дела.

Сказав это, он подошёл к учёному и, не изменяя традиции, потряс инертное тело, которое не могло ни возразить против такой бесцеремонности, ни, тем более, дать наглцу сдачи.

– Виктор Николаевич, – обратился капитан к судмедэксперту, имеющему дело больше с трупами, нежели с живыми. – Осмотри жертву.

– Ну какая же это жертва? – возмутился судебный доктор.

– Витя, не спорь, осмотри клиента... то бишь, пациента, – настойчиво повторил следователь, недобро глянув тому в глаза. – А ты, – обратился он к молодому лейтенанту, – будешь писать протокол. Возьми вон свободный стул и садись у другого края стола.

Судмедэксперт призвал на помощь врача «скорой», и они вместе принялись тщательно осматривать тело Владимира Георгиевича. А следователь обратился к хозяйке:

– Расскажите вкратце, что тут произошло? И в чём криминал?

За одну минуту узнав все события вечера, сумбурно изложенные хозяйкой, капитан дал указание высокому мужчине в очках и с «дипломатом»:

– Гриша, займись пальчиками.

Через минуту Гриша спросил у хозяйки:

– Скажите, вы им чай подавали прямо к столу?

– Естественно, – ответила та. – Не возле двери же оставлять?!

– А гость сидел здесь? – Григорий ткнул пальцем в место, где стоял стул, который лейтенант оттащил на другой край стола.

– Да. А муж сидел там. Они сидели напротив друг друга.

– Мы это видим, – иронично сказал капитан.

– Странно?! – сказал Гриша. – Хозяин чай свой выпил, а гость даже не пригубил.

– Ты занимайся отпечатками, – приказал капитан. – А чай потом будем пить. Кто приходил к вашему мужу?

– Американский журналист из какого-то научного журнала.

– Он представился? Документы показывал?

– Да. Вежливый и обходительный молодой человек. Он и паспорт показал, и водительское удостоверение, и журналистское удостоверение, и...

– Как его зовут?

– Алекс.

– Фамилия?

– Не знаю, – ответила Елена, всё больше смущаясь.

– Сколько ему лет?

– Ну, лет... 30—35.

– Вы же смотрели в паспорт?! – в голосе следователя слышались нотки раздражения, готовые вот-вот перерасти в прямое обвинение.

Хозяйка горделиво фыркнула:

– Я в паспорт посмотрела, но не изучала его! Это для вас

бумажка важнее самого человека!

– Что написано пером, то не вырубишь топором, – само-довольно заявил капитан.

– Ну да, конечно, – поддержала тему Елена. – Вам бы всё только рубить! Лес рубят – щепки летят! Так, товарищ полицейский?

– Не так, – зло огрызнулся товарищ полицейский. – Ладно, оставим лес и топоры в покое. Этот неизвестный ранее бывал у вас в гостях?

– Ага, из Америки по вечерам на чай заходил! – беспочвенно съязвила хозяйка.

– Отвечайте чётко на поставленный вопрос, – спокойно, но жёстко приказал следователь.

– Нет, не приходил. Он сообщил, что недавно вынырнул из чёрной дыры, чтобы срочно повидаться с моим мужем.

– Из какой чёрной дыры?

– Да уж не из той, из которой выныривают все люди, но некоторых хочется запихнуть туда обратно и заткнуть дыру затычкой.

– Гражданка, выражайтесь конкретнее!

– Я и говорю, что прилетел из Штатов для встречи с профессором, который является моим мужем.

– Хорошо. О чём они беседовали?

– Я не знаю. Я принесла чай и ушла. И всё время была на кухне, если вдруг позовёт муж.

– Он ещё звал?

– Нет.

– Сколько времени они оставались вдвоём?

– Через два часа я подошла под дверь послушать, но там уже была тишина. Я открыла дверь и увидела Володю одного. Вот в таком ужасном состоянии!

– Успокойтесь, гражданка. Главное, что он жив. – Выполняя психологическую работу, капитан продолжил следственную. – Так может визитёр ушёл, а вы просто не заметили?

– Нет. Я бы из кухни увидела. Да и услышала бы звук открываемой двери. Я была начеку.

Капитан снисходительно усмехнулся:

– Есть спецы, которые вас разденут с ног до головы, а вы и не почувствуете.

Но Елену этот аргумент не удивил.

– Да, есть, – согласилась она. – Встречала я когда-то таких спецов.

Следователь глубоко вдохнул и с выдохом задал следующий вопрос:

– В доме где-нибудь видеокамеры есть?

– Товарищ капитан, вы кто по профессии? – ласково спросила Елена.

Капитан нутром почувствовал в вопросе какой-то подвох, но какой, понять не мог. А чувство, как известно, к делу не пришьёшь. Поэтому осторожно ответил, сверля женщину взглядом:

– Профессия моя называется «Правоведение».

Профессорская жена не сдалась:

– Я думаю, что «Правоведение», это всё-таки факультет, который вы покорили, а профессия, это то, чем вы работаете?!

– Ни чем, а кем, – нервно поправил капитан.

– Да, извините. А работаете вы следователем. Сыщиком. Так?

– Ну, допустим, так, – ещё более осторожно ответил сыщик.

– А какой способностью должен обладать хороший сыщик?

Капитан ответил молниеносно:

– Способностью сопоставлять факты и анализировать, делая правильные выводы.

– Совершенно верно, – в очередной раз согласилась хозяйка. – Но прежде чем факты сопоставлять и анализировать, делая правильные выводы, следователь должен эти факты обнаружить. А помогает ему в этом процессе – наблюдательность!

– Гражданка, не морочьте мне голову! – сорвался капитан. – Вы лучше подумайте о себе! Ведь ваш статус свидетеля в один момент может переквалифицироваться в статус подозреваемой. Поэтому, прошу отвечать только на поставленные вопросы! Не надо уводить следствие в сторону.

– Товарищ капитан, – тихо обратился лейтенант.

– Чего тебе?

– Возле подъезда и над входной дверью потерпевшего установлены видеореамеры, – отрапортовал подчинённый, встав по стойке «смирно». – Дом-то элитный.

Начальник бросил на юнца испепеляющий взгляд и осадил школяра:

– Тебя никто не спрашивает! Занимайся своим делом! – После чего обратился к техническому эксперту. – Гриша, что у тебя?

– Отпечатки есть на обеих чашках, – констатировал тот.

– Отлично! – обрадованно воскликнул следователь.

– Не спешите радоваться, капитан. На чашке хозяина отпечатки двух человек, а на чашке гостя – одного. Вот такие дела?!

– Ну, так нам этот один и нужен!

– Этот один сидит перед вами и даёт показания.

Капитан был немножко тугодум, но не был полным идиотом, как бравый солдат Швейк.

– Получается, что гость не только не пил чай, но и вообще не притрагивался к чашке?! – анализировал он имеющийся факт. – Почему? Скажите, – обратился он вновь в хозяйке, – а чашку с чаем вы подали этому субъекту в руки или поставили на стол?

– Я обе чашки поставила на стол, – ответила Елена, странно улыбувшись.

Капитан был разочарован:

– Да?! В самом деле?! Очень жаль.

Неожиданно хозяйка уточнила:

– Но при мне они оба взяли чашки в руки и сделали несколько глотков. Это я видела отчётливо!

– Ну что же вы мне всё время голову морочите?! – разозлился сыщик.

Все присутствующие с любопытством наблюдали это представление.

– Я лишь чётко отвечаю на поставленные вопросы, – парировала Елена. – Как вы и требовали.

Следователь решил не пререкаться, а продолжить анализ:

– Значит, со своей чашки злоумышленник отпечатки стёр?!

Эксперт Гриша не стал категорично возражать:

– Если и так, то сделал это очень уникальным способом. Уничтожил свои, не тронув отпечатки хозяйки, которые были первыми.

– Ладно, – пошёл на компромисс капитан. – С отпечатками дело тёмное. – И тут он сказал главное, которого все давно ждали. – Да и хрен с ними, с этими отпечатками, когда у нас в наличии имеется видеозапись! Уважаемая...

– Сажа Елена Арнольдовна.

– Сажа?! Аонольдовна?! Надо же! – с ухмылкой и сарказмом повторил капитан. Отомстив таким мелочным образом, следователь стал серьёзен. – Хорошо, Арнольдовна...

– Елена Арнольдовна, – гордо и вызывающе поправила хозяйка.

– Хорошо, Елена Арнольдовна, проводите, пожалуйста, специалиста для просмотра записи.

Хозяйка и эксперт-криминалист удалились.

– Ну, что скажете, Эскулапы? – спросил капитан, обратив чуть насмешливый взгляд на анатомов, которые, закончив внешний осмотр, о чём-то шептались и тихо посмеивались.

– Никаких гематом и следов от укола на теле не обнаружено, – быстро сообщил врач «скорой». – Нужно провести обследование и сделать анализы.

Судмедэксперт, задумчиво поглаживая щеку, тоже высказал мнение:

– Точное заключение я мог бы дать после вскрытия.

– Ну да, конечно, – с издёвкой согласился следователь. – Вскрытие показало, что пациент умер в результате вскрытия.

– Что нам делать? – спросил врач «скорой».

– Что делать, что делать?! Везите в больницу, что нам ещё остаётся делать! Пусть разбираются медицинские светила.

Медработники засуетились. Доктор, пришедший с носилками Коля и судмедэксперт стали укладывать профессора, а капитан уселся в мягкое кресло и стал ждать.

– Вы куда его? – взволнованно спросила появившаяся Елена.

– Не беспокойтесь, мадам, не в морг, – галантно утешил «трупный» доктор.

– В больницу, естественно, – честно сообщил врач «ско-

рой». – Но если хотите, мы можем оставить и дома, перенеся для удобства на кровать?!

– А что я с ним буду делать? – логично спросила хозяйка.

– Ваш муж – что хотите, то и делайте, – вновь встрял в разговор судмедэксперт. – Он жив, телесных повреждений на теле не имеется. Откуда мы знаем, что вы с ним...

– Вы мне не хамите! Я жена профессора с мировым именем! Это, – она указала пальцем на мирно посапывающего на носилках супруга, – светило мировой науки! Будущий лауреат Нобелевской премии! Им будет гордиться не только вся страна, но и весь мир!

– Несите уже, – скомандовал капитан, разряжая накалившуюся обстановку. – И ты тоже иди вместе с ними.

– Куда? – спросил судмедэксперт, бубня себе под нос что-то о шнобелевской премии.

– Всё туда же! – язвительно, изменив голос, подсказал следователь. – В чёрную дыру. – И добавил уже обычным голосом. – Подожди в нашей машине. Ну что там, Гриша?

– А ничего там, – ответил Гриша, разведя руки в стороны.

– Как это? Совсем ничего?

– Нет, не то чтобы совсем ничего, а только никакого вечернего гостя там нет.

– Так, так, так, – капитан укоризненно посмотрел на супругу будущего лауреата Нобелевской премии. – Как это понимать, гражданин свидетель?

– Я удивлена не меньше вашего! – эмоционально стала

оправдываться Елена Арнольдовна. – Я сама ничего не понимаю! Но молодой человек был! Я могу в этом поклясться на чём угодно! Я его видела так же отчётливо, как сейчас вас!

– А позвольте полюбопытствовать, чем занимался ваш покойный... ваш муж? Что он великий учёный, я уже понял, но хотелось бы уточнить род, так сказать, его профессиональной деятельности?!

Хозяйка гордо вскинула голову, но ответил молодой лейтенант:

– Владимир Георгиевич Сажа – уфолог, исследователь всего таинственного, непознанного и непонятного. Знаток древних цивилизации и антропологических тайн. Противник Чарльза Дарвина. Вот, примерно, круг его интересов.

– А ты откуда всё знаешь? – спросил начальник, удивлённо глядя на ретивого подчинённого. Тот в ответ чуть покраснел и молча пожал плечами. – Та-ак, ситуация проясняется. Летающие тарелки, зелёные человечки, агрессоры с планеты Нибиру, призраки, духи и тому подобная чепуха.

Жена яростно вступилась за честь мужа и нагло оплётванную профессиональную репутацию:

– Он ещё доктор физико-математических наук! Заведующий кафедрой прикладной математики в университете! Член Академии наук! Профессор...

– Хорошо, Елена Арнольдовна, – не стал спорить капитан. – Следствие разберётся, кто член, а кто... Всё, ребята, закругляемся!

Владимир Георгиевич проспал месяц. Медицинские светила так и не смогли установить точный, всех удовлетворяющий, диагноз. Они так и не пришли к консенсусу по этому странному медицинскому инциденту. Что это? Кома? Но вследствие чего? Никаких травм и проблем со здоровьем у профессора не нашли. Сильнейший психологический шок? Теоретически допустимо. Но какой? Какой можно получить шок, находясь в кабинете в полном одиночестве?! Летаргический сон? Внезапный? Прямо за письменным столом? А если просто сон, то почему такой «мертвецкий»?

А в научном мире кипели страсти. Дотошные СМИ взвинтили ажиотаж вокруг персоны профессора до массового обывательского сумасшествия. О Владимире Георгиевиче Сажа знали уже все – от президента до бомжа. Он в одночасье стал знаменитым и популярным, и без всяких научных открытий и Нобелевских премий.

И вот, когда через месяц спящий проснулся, все ведущие мировые телеканалы, все крупные журналы и газеты, все известные радиостанции мира мечтали заполучить у него эксклюзивное интервью, предлагая любые гонорары.

И все были крайне удивлены, шокированы, разочарованы и даже возмущены, когда Владимир Георгиевич меланхолично отстранился от всех выгодных предложений, как от назойливых мух, и, грустно улыбаясь и покачивая головой, заявил, что обо всём расскажет на международном научном симпозиуме в Стокгольме. И о своём великом откры-

тии, и о своём провидческом сне. А дав интригующее обещание, профессор забаррикадировался в своей квартире, как в крепости.

Близилось Рождество, в канун которого и состоялась долгожданная конференция. Событие, доселе всегда проходившее оживлённо, но относительно локально – без истеричной шумихи и массового психоза. Но в этот раз оно затмило собой по популярности Олимпиаду, чемпионат мира по футболу, вручение «Оскара» и «Тэффи» вместе взятых. Наплыв со всего мира специалистов, журналистов и обывателей в скромный Стокгольм был схож с массовым нашествием саранчи. Жители, вначале обрадованные возможностью хорошо заработать на туристах, были напуганы такой небывалой оккупацией их любимого города, не имевшей аналогов в истории. И по вечерам даже опасались выходить на собственные улицы.

Но всему, как говорится, есть начало и есть конец. Настал всеми с нетерпением ожидаемый день, после которого страдающие голодом любопытства должны были насытиться и обратиться, наконец, по местам своих прописок. А местные жители смогут вздохнуть с облегчением и вернуться к обычному, размеренному образу жизни.

Желающих увидеть и услышать Владимира Георгиевича воочию, было настолько много, что на самом высоком уровне было принято беспрецедентное решение – перенести выступление профессора на стадион Френдс Арену. Людей

не испугало отсутствие комфортных условий в зимнее время года, и все билеты были распроданы в течение нескольких часов. Крупнейшие телекомпании мира по баснословным ценам закупили права на прямую трансляцию.

А королевская династия Бернадотов, во главе с Карлом XVI Густавом, пригласили Владимира Георгиевича на ужин в свою резиденцию на острове озера Меларен. В домашний, так сказать, дворец Дроттнингхольн, что являлось случаем уникальным и оказывало профессору огромную честь. Хотя, понятие чести стало архаизмом и давно утратило своё первоначальное значение.

Но, как бы там ни было, а прежде чем воспользоваться оказанной честью, милостью и благосклонностью королевской семьи, для Владимира Георгиевича Сажа настал самый кризисный и кульминационный миг в его жизни.

И вот он, доктор наук, профессор, академик, исследователь аномальных явлений и просто неплохой человек, подходит к специально установленной на пьедестале трибуне и на мгновение замирает. Он грустен, задумчив и совершенно спокоен. Владимир Георгиевич медленно обводит взглядом переполненные трибуны стадиона, на него направлены мощные прожекторы, объективы видеокамер и смартфонов. Царит шум и гам. Толпа ликует. Когда он рукой дотрагивается до микрофона, все присутствующие в едином порыве начинают аплодировать. Овации длятся несколько минут, но вот всё затихает, и профессор начинает говорить:

– Дамы и господа! Товарищи! Друзья! Братья и сёстры! Люди! Возможно, вы сегодня вечером спокойно ляжете в постель, а утром проснётесь в аду! В аду, который намного страшнее земного! Я хотел бы вас предостеречь!

После этих слов с минутой стояла гробовая тишина, но потом цивилизованная, образованная и культурная толпа, осознав всю нелепость сказанного, взорвалась. Возмущённо забурлила и заклокотала, диким рёвом и свистом оглашая окрестности Стокгольма.

Стоящие рядом с профессором важные официальные лица, во главе с председателем Нобелевского комитета, пришли в недоумение, замешательство и растерянность. И тут один бойкий репортёр, из группы рядом стоявших представителей СМИ, зло и насмешливо выкрикнул:

– Профессор, мы живём не в средние века! И мёрзнем здесь не для того, чтобы слушать всякую чушь! Эти сказки можете рассказывать своим студентам в тёплой аудитории! Давайте по существу!

Официальные лица принялись что-то Владимиру Георгиевичу со всех сторон нашёптывать, на что тот понимающе и согласно кивал головой. Наконец, он вновь подошёл к микрофону, а возбуждённая и раздражённая человеческая масса ещё раз затихла и затаила дыхание. Профессор опять заговорил:

– Меня, вот, коллеги и значительные величины мира сего попросили внести ясность в создавшееся положение дел. И я

с готовностью и удовольствием это делаю. Вполне возможно, что сегодня вечером вы спокойно ляжете в постель, а завтра утром проснётесь в аду! Я хочу вас предостеречь!

И тут сам председатель Нобелевского комитета по физике и химии не выдержал и раздражённо шепнул Владимиру Георгиевичу:

– Профессор, что вы говорите?! Вы же член Академии наук!

– Вот именно, – ответил, улыбнувшись, тот. – Я слишком долго был членом. Пора уже и человеком становиться!

Скандал был страшный. И профессору ещё повезло, что он не пал жертвой цивилизованной, но обезумевшей толпы. О королевском ужине, естественно, уже никто даже не заикался. А вместо Нобелевской премии, о которой Владимир Георгиевич когда-то мечтал, все прогрессивные люди, во главе с академиками и профессорами, присвоили ему неофициальное звание «Сумасшедший», и больше ни на какие симпозиумы и конференции не приглашали.

Родина встретила Владимира Георгиевича холодно, что, впрочем, и не удивительно в конце декабря. Намечавшийся торжественный цветочный приём в аэропорту быстренько отменили, и лишь небольшая группа лиц, состоящая из двух сыновей и одного старого друга, со скорбными лицами приехали его морально поддержать. Доставили по месту прописки, но в гости заходить не стали, сославшись на неотложные дела.

И лишь жена Елена Арнольдовна, не смотревшая прямую трансляцию, но прослышав о неприятном казусе с её мужем, сказала, покачивая головой:

– Балбес, о детях бы подумал?! У них ответственные посты, карьера на взлёте, а ты такое выкинул. В них же пальцами будут тыкать!

И ушла... готовить обед.

«Так уж мы устроены, – мысленно ответил профессор вдогонку, – и психологически, и физиологически. Нам бы всю жизнь в кого-нибудь тыкать. И желательно, чтобы глубже и побольнее. Скрытые садисты».

А в университете, когда Владимир Георгиевич появился там на следующий день, ректор сочувственно принёс свои соболезнования, горячо пожал руку и предложил остаться хорошими товарищами, но написать заявление по собственному желанию.

Большинство коллег злорадно посмеивались, и только двое, от которых он меньше всего ожидал, искренне отговаривали от принятия скоропалительных решений.

Но Владимир Георгиевич выбор уже сделал. Свой главный и окончательный выбор в жизни, а все жизненные перипетии, которые раньше он воспринял бы не иначе как драмы и трагедии, теперь считал лишь мелкими неурядицами меркантильного свойства. Житейскими пустяками, которые лишь укрепляют дух человека. И он был абсолютно уверен, что всегда вослед клеветникам, завистникам и подле-

цам, найдутся честные, доброжелательные и отзывчивые люди. Без фальши и лицемерия.

День К

Сегодня Первое апреля. Да, да, именно так – с большой буквы "П". Большой праздник. Годовщина! Нет. Ну что вы! Ну какой день смеха для дурака? Это старый праздник, который празднуют, без отрыва от производства, давно. Так давно, что истоков его уже не помнит ни один дурак. А тут ясно и чётко написано – годовщина. Первый год празднуют. Потому что год назад было не до веселья. Не скажу, что всем, но очень многим. Даже не то что не до веселья, а дело, прямо скажем, доходило до драм и трагедий.

Но то год назад, а сегодня празднуют все, даже те, кому совсем не радостно. Очень многих терзает ностальгия по былым временам, гложет душу, покусывая её и пощипывая, но вида они не подают, и свою грусть-печаль искусно прячут за напускным весельем, прилюдно переплёвывая эйфорией радости людей искренне веселящихся.

Нынче эти человеческие хамелеоны с удовольствием

несут транспаранты, энергично выкрикивают лозунги, принимают активное участие в сожжении карикатурного чучела. И только дома, уединившись, пускают горькую слезу сожаления в наполненный стакан с водкой и, с надрывом в душе и болью в сердце, поминают усопшие возможности могущественной карьерной лестницы. Потому что год назад, по какой-то злой иронии судьбы и по чьему-то шутивно-фантастическому умыслу, чиновникам была оставлена их карьерная лестница, но тех былых возможностей, которые она услужливо предоставляла по мере продвижения вверх, уже не стало. И не то чтобы не стало, а просто пользоваться этими самыми возможностями стало крайне небезопасно. Да что там небезопасно – страшно! Страшно до потери сознания от одной мысли, что вдруг случится то же самое, что и год назад. От подобных провидческих фантазий чиновников всех рангов и мастей била нервная дрожь, с рапирным покалыванием в область сердца. Вот такой был сегодня день. Великий День Коррупционера! Так его обозначили в календаре, и Президент, лёгким мановением воли, по значимости приравнял сей знаменательный день к самым большим гражданским праздникам – вторым, естественно, после Дня Победы.

А начало этому невероятному празднику было положено год назад, в утро 31 марта. Именно в этот день произошла странная и роковая встреча, повлёкшая событие, возбу-

доражившее всё мировое сообщество. Итак, год назад.

В то солнечное утро Президента разбудил не кто иной, как некий незнакомец. Как он к нему попал, минуя незамеченным более чем многочисленную охрану, неизвестно. Даже самому Президенту. Описывать внешность незнакомца не станем, потому что она нам также не известна, а Президент скрывает не только его внешность, но и сам факт встречи.

– А, это ты, – сказал Президент, раскрыв глаза. У другого они, скорее всего, полезли бы из орбит, но у Президента лишь слегка округлились. – Не ожидал. Каким ветром занесло?

– Ветром может занести пыль в глаза, – серьёзно ответил гость, но после, хитро усмехнувшись, добавил. – Впрочем, пускать пыль в глаза ваш брат политик более искусный мастак, чем самый сильный ураган. Чем «сирокко» в Сахаре.

– Ну, до тебя, я думаю, в этом аспекте, нам вместе взятым так далеко, как последнему грешнику до рая.

– Оно может и так, но ты особо не дерзи, – шутливо погрозил пальцем незнакомец.

– Я хотел тебе польстить, – оправдался Президент.

– Не надо, – протяжно ответил тот. – Я не люблю лесть. Я очень хорошо знаю ей цену. Она колеблется, как курс акций, в зависимости от потребностей льстеца к возможностям объекта лести. Как первое, так и второе крайне нестабильно. А по сути – грош цена! Тем более, я зашёл в гости по собственной инициативе. Мимоходом. И в лести совершенно не нуждаюсь.

Президент сел на кровати и сунул ноги в тапочки.

– Мимоходом? – спросил он лишь для того, чтобы что-то сказать, а в это время успеть подумать.

Незнакомец это понял, но ответил:

– Да, я у тебя транзитом. Держу путь на Запад.

– Да?! – обрадованно воскликнул Президент. – Может, извини, поспособствуешь с кредитами? Тебе же раз плюнуть!

Незнакомец согласился:

– Мне действительно – раз плюнуть. Только делать этого я не стану. И не потому, что не хочу тебе помочь. Отнюдь. Тут

вопрос в другом. Кто будет отдавать? Ты? Не смей меня. Отдавать придётся народу, а ему и так не сладко.

– С каких это пор ты стал беспокоиться о народе? – ехидно спросил Президент.

– С недавних, – беззлобно огрызнулся незнакомец. Но вдаваться в подробности не стал. – По всей стране понастроил дворцовых резиденций из золота и хрусталя. Спрашивается – из каких средств?

– Эти деньги не из бюджета, – вяло оправдался хозяин.

– Ну конечно! – негромко воскликнул гость, саркастически ухмыльнувшись. – Честно заработал на продаже собственного урожая картошки?! – И, метнув яркий взгляд, сделал вывод. – Даже если бы ты засадил картошкой всю Европу, и то не хватило бы прибыли, чтобы оплатить все твои сооружения, средства передвижения и многочисленную охрану. Знаешь такой афоризм: "Бедному не хватает многого, алчному решительно всего"? Не про тебя ли сказано?

– Нет, не про меня, – резким тоном возразил Президент. – Деньги мне нужны не ради них самих, а чтобы...

– Насытить ненасытную гордыню, – закончил незнако-

мец. – Я знаю, что ты не дурак. А также мне понятно твоё желание войти в историю первым и единственным правителем, кардинально преобразившим страну. Ты прекрасно знаешь, что потомки оценивают не гуманные поступки, милосердие и добродетель правителя, а его дела. Его достижения. И плевать, какой ценой или какими жертвами эти достижения достигаются. Да, люди трусливы, глупы и недалёковидны, поэтому они получают то, что заслуживают.

Президент недоуменно посмотрел на гостя.

– То ты мне устраиваешь разнос на пустом месте, – сказал он, – то потом делаешь вывод, который я трактую, как одобрение?! Что-то ты противоречишь сам себе?!

Чуть помолчав, гость, озорно посмотрев по сторонам, шёпотом ответил:

– В последнее время во мне происходят непонятные метаморфозы. Начинаю страдать раздвоением личности. – И уже придав голосу громкости и твёрдости, заявил. – Ты прав, в сторону сентиментальность. Я так понимаю, что и дальше собираешься президентствовать?!

Президент подозрительно посмотрел на незнакомца.

– Я не могу бросить свою страну на произвол судьбы, – осторожно ответил он, а потом добавил. – Хотя за президентское кресло я не держусь.

Незнакомец рассмеялся.

– Охотно верю! – воскликнул он. – Уже не ты за него держишься, а оно за тебя. Оно к тебе приросло. Вы взаимно пустили корни и переплелись. Видимо, теперь, чтобы вас разъединить, потребуется хирургическое вмешательство?!

– Что ты имеешь в виду? – быстро и с опаской спросил хозяин.

– Ничего я ни имею в виду, – погрузнев, ответил гость. – Ладно, достаточно разговоров на отвлечённые темы. Вернёмся к текущим делам.

Президент попытался вступить в дискуссию и полемику по данной, совсем для него не отвлечённой, теме, даже для этого поднял руку, но был вежливо остановлен:

– Ты же знаешь, что я всё знаю, ну и зачем, скажи на милость, бурные потоки ненужных слов? Если бы твои потоки из интервью и водопады из выступлений превратить в настоящую воду, то уже давно был бы очередной потоп. У меня к

тебе, по такому случаю, другое предложение. Ты же знаешь, если я к кому-либо захожу в гости, то, как и полагается, не с пустыми руками. Всегда найдётся какой-нибудь подарочек.

Президент сразу оживился, плюнув на то, что гость имел в виду:

– Позволь, я хотя бы влезу в брюки, умоюсь и прикажу подать завтрак. За чашкой горячего чая и беседа теплее становится.

Гость улыбнулся:

– Ух, хитёр, пройдоха! Давай, только быстро, мне недосуг.

– Я мигом!

И Президент тотчас умчался по кабинетам утренних процедур, предварительно озадачив камердинера, в лице личного секретаря, подачей завтрака. И ещё предупредил, что для всех, абсолютно, без всяких исключений, он, Президент, занят. На неопределённый срок.

Час, действительно, пролетел мигом, и камердинеру пришлось три раза заваривать свежий чай, тогда как незнакомец молча и терпеливо рассматривал в окно городской

пейзаж.

– Прошу меня извинить, – сказал раскрасневшийся Президент, подходя к столу, – не мог не посетить спортзал. – Потом, с некоторой долей досады, добавил. – Прямо нездоровая мания оздоровления! Если с утра не потаскаю гирию или не промчусь на велотренажёре несколько десятков километров, потом целый день чувствую себя разбитым. Не могу без спорта.

У гостя скользнула лукавая усмешка:

– Я это знаю. Как, впрочем, и многое другое тоже.

– В таком случае, милости прошу составить мне компанию в скромной трапезе!

– Покорно благодарю, – гость слегка склонил голову. – Но чай я уже выпил, а от всего остального у меня изжога. Я и так у тебя задержался больше предполагаемого, поэтому, не мешкая, приступим к делу.

– К делу? – недоуменно переспросил Президент. – А подарок?

На этот раз незнакомец улыбнулся снисходительно.

– Экий ты смешной, – сказал он. – Подарок, это моё к тебе благоволение, которое я могу выразить в чём угодно. Вот какое твоё самое заветное желание? Вот чего тебе хотелось бы больше всего?

– Эх, – Президент с досадой махнул рукой, смахнув ненароком чашку, которая разбилась и, плюнув на которую, сказал. – Мой дорогой, если бы ты знал, как чертовски не хватает денег! – Секунду помедлив, добавил. – Стране. У меня столько задумок, планов...

– Знаешь такое выражение, – перебил гость, – хочешь рассмешить Бога, поделись своими планами? Не боишься... рассмешить?

Президент мгновенно перешёл на шёпот:

– Но я же никому. Ни-ни. Вот только тебе намекнул.

– Н-да, тонкий намёк. Я бы сказал – дипломатический. Ладно, не бойся, я никому даже не намекну. – И, задумавшись, повторил желание-жалобу Президента. – Денег, говоришь?

– Ага.

Незнакомец закрыл глаза, с минуту покачался на стуле, а затем, подавшись вперёд, сипло прошептал:

– Понимаешь, просто так денег я тебе дать не могу...

– А я не просто так, – бестактно перебил Президент. – Ты скажи, что надо сделать?

Гость оказался очень терпеливым субъектом.

– Ты меня не понял. Я не могу вот взять, да и завалить тебя валютной массой. Мне, в свою очередь, её также требуется откуда-то извлечь. Ничто не возникает из ничего и не превращается обратно в ничто. Предлагаешь кого-нибудь из мировых тузов ограбить на десяток-другой миллиардов?

Блеск глаз и мимика всего остального лица кричали трубным гласом за подобное рационализаторское предложение, но Президент, невероятным усилием своей несгибаемой воли, заткнул глас, и негодуя воскликнул:

– Ну что ты! Что ты! Не надо никого грабить! Мы мирные люди... Вот если бы...

– Что? Не тяни kota за хвост!

Но Президент не торопился.

– Вот если бы, – наконец медленно заговорил он, устремив в дальний угол комнаты философско-отстранённый взгляд, – всех коррупционеров, от мало до велика, взять с поличным, да врезать им с конфискацией...

Незнакомец закончил:

– То все тюрьмы, а также военные казармы окажутся переполненными.

Президент, как было это ни печально, вынужден был согласиться:

– Да, пожалуй, ты прав, – и сразу же воскликнул оптимистично. – Но идея-то хороша! Согласись? Тут надо поразмыслить, доработать.

И гость охотно согласился:

– Что-то в этом есть... карикатурно-сатирическое. А идея действительно не так уж плоха, и я, кажется, придумал, как её воплотить в жизнь. Я тебе помогу только тем, что в моих силах, но вся оперативная работа будет за тобой. И не на-

до никого сажать, только добровольно-принудительная экспроприация нечестно нажитых средств. Но, не обессудь, тебе придётся мобилизовать всех своих верных опричников, наделить их неограниченными полномочиями, рассредоточить по всей стране, и там, в связке с местными, более-менее честными, силовиками, собирать урожай.

– Раз дело того стоит, оголю свои тылы, а соберу! – воодушевлённо воскликнул Президент, и вдруг с интересом спросил. – А как мои люди узнают, кто более честный, а кто менее?

– Не переживай, – по-прежнему улыбаясь, успокоил гость. – Это сразу будет бросаться в глаза. Сейчас я введу тебя в курс моей выдумки. Слушай внимательно, какую шутку мы разыграем завтра. Вот это будет первое апреля! Вот это будет потеха! Но, – незнакомец хитро, и одновременно серьёзно, посмотрел на Президента, – должен тебя предупредить, что за последствия отвечать тебе. Я не знаю, во что это может вылиться в конечном итоге. В балансе, так сказать. Ну так как – не передумал?

– Нет! – Президент всегда был твёрд в своих решениях, особенно, когда дело касалось денег.

***

В ночь на первое апреля мэр города N спал плохо. Нет, ему не снились кошмары и "кровавые мальчики" не преследовали его с целью вендетты. Он этого не заслуживал, потому что был добрейшей души человек. Он любил жизнь, любил свою семью, любил свой дом, огромный особняк, любил веселье и застолье, любил деньги, потому что без них ничего выше перечисленного не было бы, и страстно любил работу, которая давала деньги, которые предоставляли всё предыдущее, да и, чего там скрывать, многое и многое другое.

Спал мэр плохо по другой причине. Всю ночь ему очень сильно чесались то умный, высокий лоб с залысынами, то правая волосатая рука, а то и одновременно всё вместе, что приводило к некоторым неудобствам. Оставшейся левой рукой невозможно чесать сразу два объекта, а зуд был просто нестерпимый. Мэр ворочался и нервничал... от мысли об ограниченности человеческих возможностей. Ведь, куда удобней было бы, будь человек создан по подобию индийского бога Шивы: и на работе сподручнее, да и дома масса удобств. А сколько одновременно можно лапать женщин!

– Хватит уже ворочаться! – услышал он голос одной из них, которая спала рядом и носила трагическое прозвище – жена. – Не хочешь спать сам, не мешай другим. Завтра не выходной.

– Уснёшь тут! – буркнул мэр, но был рад, что жена проснулась. Всё есть кому пожаловаться. – И рад бы уснуть, да не могу.

– Бессонница? – с участием, но без сочувствия спросила жена, не открывая глаз.

– Какая к чёрту бессонница! – зло прорычал мэр. – Проклятая чесотка доконала вконец!

– В конец? – с чисто женскими иронией и кокетством спросила супруга, и даже растянула губы в подобие улыбки.

– Дура! – любя ответил градоначальник, которому было не до шуток. – Лоб свербит, ладонь зудит, да так, что готов мясо содрать.

– На лбу?

– И на лбу тоже!

– Которая рука чешется: правая? левая? – женщина поняла, что уснуть не получится.

– Правая.

– А ты правша?

– А ты до сих пор не знаешь?

– Откуда мне знать?! Твоя же рука.

– Каждый день вместе за семейным столом пищу поглощаем.

– Пищу ты поглощаешь ртом, а взятки берёшь на лапу. Вот я и спрашиваю – на которую? Если на правую, то чешется к деньгам. Тебе сегодня кто-то отвалит здоровенный куш. Возьми на работу рюкзак.

– Дура, – повторил муж без прежней эмоции, но и без особой ласки. – Языком, что помелом... А лоб тогда к чему?

– Лоб может чесаться только к одному – к рогам!

– Вот ведь дура! – и посмотрел на светящиеся цифры часов. – Уже пять, пойду умоюсь и посмотрю, что там за зараза такая. А ты выдвигайся к кухне, завари кофе.

Мэр, высокий и широкоплечий мужчина, встал, почёсывая поочерёдно то лоб, то руку, которая на работе служи-

ла "лапой", и шлёпая тапочками, вышел в коридор, освещаемый полной луной, держа курс в личную туалетную комнату.

Жена же повернулась на внушительный бочок, сопроводив сие действие словами:

– Что я, дура, что ли! Рано ещё!

Но уснуть бедной женщине было, всё-таки, не суждено. Не прошло и десяти минут, как раздался душераздирающий короткий крик, плавно переросший в продолжительный стон, чем-то напоминающий волчий вой.

Жена открыла глаза:

– Ну что там опять стряслось, у этого оборотня без погон? Своим воем сейчас весь дом переполошит, тать такая! Может, луна подействовала, полнолуние всё-таки?!

Она уже собралась было идти на зов, как услышала топот бегущих ног к спальне. «Такого ещё не было, – подумала супруга и обратно укрылась одеялом. – Что он там такое страшное увидел? Инопланетянин из унитаза вылез? Или домовый, увидев собрата, захотел провести сравнительный анализ шерстистости лап? – И завершила свои интеллектуальные размышления печальной надеждой. – А может,

просто неожиданно сошёл с ума?»

Она, может быть, ещё и поразмышляла бы, но времени на это у неё уже не было. Мэр влетел в спальню, как метеорит в атмосферу, излучая яркое свечение ужаса и растерянности. Хлопнул рукой по выключателю и в одну секунду покрыл расстояние от двери до кровати. Приблизил к не утратившему привлекательности лицу жены своё мужественное чело, с тонким ртом, большим носом и маленькими, но сильно вытаращенными, глазками, и дрожащим, охрипшим голосом, тыча себя пальцем в лоб, спросил:

– Что это такое? Что это значит? Откуда? Как? Почему?

Женщина широко открыла рот, всплеснула руками, а затем, с глухим стоном, приложила обе ладони к открытому рту.

– Что это? – в ужасе простонала она.

– Это я у тебя спрашиваю, что это такое и как это понимать? – вскричал мэр, хлопая себя ладонью по лбу, на котором крупным, красно-багровым шрифтом чётко вырисовывалась буква «К», один конец которой упирался в переносицу, а второй уходил в жидкую растительность на голове.

Жена, уже успевшая закрыть рот, протянула к ней дрожащую руку и с опаской, указательным пальцем, потрогала таинственное изображение. Муж со злостью ударил по руке, а она, осенённая мыслью, выдвинула предположение:

– Это же начальная буква твоего имени! Константин!

– Ага! – мужа, почему-то, это не удовлетворило. – Костя! Костик! Костян! Кастусик! Дура!

Он, конечно, был не в себе, и понять его можно, но на очередное оскорбление жена обиделась:

– Сам дурак! Так тебе и надо! А ещё лучше, чтобы у тебя на лбу появилась ещё одна буква – «Д»! Не надо было бы представляться перед незнакомыми, всем и так было бы ясно, что перед ними – Константин Дурак!

Мэр в семье, случалось, был хамоват – а кто из нас идеал? – но дураком не был никогда и нигде.

– Да не имя это моё! – сказал он хоть и повышенным тоном, но уже без злости, а глаза наполнились тоской «вечного жида».

– А что? Скажи, если знаешь? Зачем орать-то? – задавала

вопросы женщина, вновь услышав в сердце голос жалости и сострадания.

Мужчина уныло посмотрел ей в глаза и обречённо ответил:

– Это клеймо. Символ, отражающий мою суть и неожиданно выползший наружу. Чёртова метка, как главная улика наглядного доказательства со стороны обвинения. Я только что это понял, будто эту мысль кто-то силком впихнул в мой мозг.

– Милый, это называется озарением, и с этим всё понятно, – блеснула эрудицией жена. – А вот что означает то, что ты говорил до этого?

Муж отвёл задумчивый взгляд в сторону и с апатией меланхолика пояснил:

– Рано или поздно для каждого приходит час расплаты, а этот знак оповещает меня о его приближении.

Женщина несколько секунд морщила лоб, что говорило о бурной умственной деятельности, но потом это занятие ей наскучило, она плюнула и откровенно спросила:

– Да скажи же толком, что означает эта проклятая буква?

– Всё просто, дорогая. Это слово – коррупционер.

Жена отреагировала мгновенно, потому что данное объяснение ей совершенно не понравилось. Она фыркнула и высокомерно заявила:

– Фу, какое глупое и противное слово! И с чего ты это взял? Это твоё озарение тебе подсказало? А может обуявший страх? Или проснувшаяся совесть проникла в подсознание?

Внешне мэр казался спокойным.

– Абсолютно не важно, кто мне подсказал, но у меня есть железное доказательство моего предположения. Вот оно! – сказал он и протянул жене раскрытую правую ладонь.

Жена опять ахнула, но рот открывать не стала и руками не махала. Только вновь указательным пальцем провела по ладони мужа линию и тихо сказала:

– Надо же, какие-то циферки?!

– Поразительная наблюдательность! – рявкнул мэр, сжав при этом руку в кулак, а женщина еле успела одёрнуть палец,

избегнув таким образом потенциального перелома. – Может, есть версия, что эти циферки означают?

Жена, польщённая доверием мужа, страждущего помощи, выдвинула гипотезу, на её взгляд вполне логичную и всё разъясняющую:

– Может, это номер твоего счёта в банке?

Мужчина удивлённо посмотрел на верную подругу жизни, явно обескураженный неожиданным предположением. Такого мышления от собственной жены градоначальник не ожидал. «Да, – подумал он, – а ведь она не так далека от истины, как кажется».

– Ты права, – сказал в голос, глядя ополоумевшими глазами поверх головы супруги. – Это счёт. Только не мой, а ко мне. Прислали своеобразный чек к оплате.

– Кто прислал?

– О, дорогая, тебе лучше этого не знать, – подумав, добавил. – Да и мне тоже. – И тут мэр сорвался, – но почему мне? Чем я провинился? Неужели я хуже всех? За что такое несправедливое наказание?

– Ну, запричитал! Заскулил! Мужчина, называется! Если не хочешь говорить, кто прислал, не говори, но хотя бы объясни, что за чек?

Мэр сделал глубокий вдох и медленный выдох.

– Циферки на моей ладошке, – он старался говорить спокойно, – это сумма. Сумма, я так думаю, всей денежной массы, которую я принимал этой самой дланью, в обход официальной бухгалтерии и минуя департамент по налогам и сборам.

Жена не была совсем уж душой, какой в разговоре пытался всё время представить любящий муж, и наконец сообразила, о чём тот толкует. И с придыханием спросила:

– Ты думаешь, кто-то подсчитал все... подарки, которые ты получил за всю жизнь честной и безупречной службы? А потом, неизвестно как, выгравировал это безобразие на теле? Но как? Это немыслимо! Мистика!

Мужчина пристально посмотрел в глаза супруги, стараясь понять, нет ли в словах о честной и безупречной службе насмешки или, чего хуже, скрытого злобного сарказма. Но глаза благоверной выражали невинную наивность, лёгкое недоумение, граничащее со страхом перед неизвестностью,

и искреннее желание понять.

В отношении жены муж успокоился, но на вопрос не ответил, а задал свой, не обращённый ни к кому лично, и носящий слегка философский характер:

– Неужели так много?

Женщины по своей сути, в подавляющем большинстве, существа более меркантильные и практичные, нежели мужчины. Они наиболее оптимально адаптированные к грубым и каверзным реалиям сугубо материальной жизни.

– Интересно, а в какой валюте эта сумма? – спросила жена, с умным видом посмотрев на мужа.

Тот ещё раз с удивлением глянул на супругу. Да, а ведь действительно, в какой? Вопрос совсем не праздный. Хорошо бы, чтобы в рублях, хоть какое-то облегчение.

Мэр вновь раскрыл ладонь, повернув её в сторону лучшего освещения, и они вдвоём принялись пристально изучать исписанную поверхность.

– Вот, вот, смотри, возле мизинца! – довольная тем, что нашла первой, воскликнула жена. – Видишь знак? Это дол-

лары.

– Какой кошмар! – озабоченно ответил градоначальник и опустил голову.

Но и тут семейная половинка попыталась утешить:

– Хорошо, что не ЕВРО. Согласись?

Муж нехотя согласился:

– Да, конечно, но хрен редьки не слаще.

– И вообще! – женщина и здесь стала первой набираться мужества в противостоянии беде. – Кто тебе сказал, что ты должен всё это вернуть? И куда? И кому? Может, это просто информация к твоему сведению?

– Информация к размышлению, – без эмоций повторил мэр легендарную фразу.

– А нечего тут размышлять! – в женщине проснулся энтузиазм, готовый ради благородной цели горы свернуть. Ну, или, хотя бы, передвинуть. – Нечего сидеть, понуриив голову! Надо думать, как избавиться от этой коросты! От этого мерзкого поклёпа на честного человека! От этого противно-

го доноса! Ишь, чего удумали! – Она ни к кому лично претензий не предъявляла, но готова была вступить за поруганную честь мужа в смертельный бой с кем угодно, хоть с самим... – Такую сумму им вынь да положь! – И тут, перейдя от абстрактных восклицаний к конкретике, обратилась к флегматичному мужу. – Надо мази попробовать. Натереть и забинтовать.

– Какие мази? – вяло, почти безразлично, муж, с повышенной ответственностью государственного мужа, ухватился за протянутую тонкую соломинку.

– Неважно! Любые, какие только найду в нашей аптечке.

– А-а, – он разочарованно махнул рукой, – ты лучше скажи, как мне на работу в таком виде идти?

Оптимистичная женщина и здесь не видела никаких препятствий:

– А так и пойдёшь. Сейчас принесу мазь и бинт.

– И что я скажу, если меня спросят? – сомневался нерешительный супруг.

– Эка невидаль! Проще простого! Оступился, зацепился,

поскользнулся, одним словом – упал. Ушиб руку и рассёк лоб. Бытовая травма. Вот и всё.

Но вдруг, немножко покумекав, передумала:

– А ты вообще не ходи на работу! Заболел! Температура! Большая! Лоб горит! – После этих слов они переглянулись, но молча. – И не надо никому ничего объяснять. Мэр ты или не мэр? А если мэр, разве не имеешь права заболеть?

Мужчина приободрился и согласился:

– Да, правильно. Ничего страшного не случится, если один день не выйду на службу. – И вновь опечалился. – Один день? А если не пройдёт? Если эта зараза на всю оставшуюся жизнь? О-о-о!

Он застонал и схватился за голову.

– Хватит ныть! Этим делу не поможешь. Мы что-нибудь придумаем. Так... – Жена встала, накинула халат, на ноги натянула тёплые носки и твёрдым голосом, не терпящим возражений, сказала. – Сиди здесь. Пока ещё все спят, пойду приготовлю лёгкий завтрак и принесу сюда. И не спорь, не умирать же от голода из-за такого пустяка!

– Пустяка? – муж был ошеломлён и потрясён таким безразличием жены к драме, а возможно и трагедии, всей его жизни. – И это ты называешь пустяком?

– Конечно, – в голосе не чувствовалось безразличия, а лишь уверенное спокойствие. – Вон, я где-то слышала, или видела, а может когда-то читала, это не важно, что у сильно верующих людей тоже иногда появляются стигматы, но никто же их за это не сажает в тюрьму?! Вот если, упаси боже, тебя застукают на месте пре... на рабочем месте с деньгами, нагло подсунутыми подлым провокатором, тогда дело уже другое. А так...

Мэр трижды сплюнул и столько же раз постучал о красное дерево спинки кровати. Женщина суеверно повторила процедуру.

После завтрака, тщательно втерев «диклофенак» и «капсикам» в руку и лоб мужа, жена аккуратно забинтовала прокажённые места, и мэр стал ходить на боевого командира, израненного в неравном бою с врагами.

Она ещё раз внимательно осмотрела проделанную работу и, оставшись удовлетворённой, сообщила перечень дальнейших действий:

– Пойду в душ, потом отправлю на работу сына с невесткой, соберу в школу внуков, предупрежу у себя на службе, что задержусь, а ты сиди здесь тихо и негромко смотри телевизор. Я всем скажу, что тебе сильно нездоровится и ты, приняв лекарство, отдыхаешь. Спишь.

Мужчина равнодушно махнул рукой:

– Делай, как знаешь. А я, часов в семь, позвоню заму и предупрежу, что меня сегодня не будет – заболел. А тебе не помешало бы, перед работой, заехать в поликлинику и взять, на всякий случай, мне бюллетень. На недельку.

– Именно это я и собиралась сделать. Отдыхай, боец невидимого фронта.

Мэр раскрыл рот, чтобы ругнуться, но супруги уже не было. А было уже без десяти минут шесть. В шесть начался подъём для старшей возрастной группы, а в семь – для младшей. Он приляг на кровать, закрыл покрасневшие глаза и стал ждать. Телевизор в это утро был ему неприятен.

И только теперь, оставшись один, государственный функционер осознал весь ужас и всю нелепость сложившейся ситуации. Случай был настолько невероятен и фантастичен, что мощный аналитический ум и здравый, давно трез-

вый рассудок, воспитанный в лучших традициях отрицания всего, чего нельзя было потрогать и пощупать, категорически отказывался верить в реальность произошедшего.

Но факт, крупно отпечатанный на собственных частях тела, и который он мог и трогать, и щупать, и видеть, вступал в острое противоречие со всеми его идеологическими и хозяйственно-руководящими знаниями. Его гибкость ума, как у человека грубой материи, наиболее оптимально проявлялась там, где предоставленную государством материю нужно было раскроить таким образом, чтобы все нужные люди, включая в первую очередь себя, могли пошить себе всё что угодно, а все остальные – хотя бы слегка прикрыть свой срам. Остальное, выходящее за эти рамки, в головном мозге не укладывалось. А вот спинной мозг, который, при загадочных и пугающих обстоятельствах, пускал на спину припрятанные мурашки, открыто вступал в дискуссию с главным, утверждая обратное – мол, в жизни бывает такое, что ты, закройщик, даже представить не можешь.

Мэр твёрдо стоял на стороне головного и страстно убеждал себя, что ничего подобного не может быть, потому что этого быть не может никогда! Но неизвестно откуда, неизвестно кто, но кто-то и откуда-то навязчиво внушал мысль, что призрак до сих пор бродит, и не только по Европе, но и по всему миру, а вот совсем недавно навестил здешние

места, лично удостоив чести своим визитом такого уважаемого человека, как мэр. Но с какой целью хитрый и коварный призрак, и вовсе не коммунизма, среди ночи заглянул к нему? А цель была отнюдь не благородная. Сей подлый призрак решил его опорочить и унижить, втоптать в грязь доброе имя и уничтожить авторитет государственного деятеля. Дискредитировать его незапятнанную репутацию в глазах коллег, товарищей и...электората.

Мэра била мелкая дрожь, называемая ознобом, спинной мозг начинал выпускать противных мурашек, а в головном начинался сумбур. "Так, наверное, медленно сходят с ума?" – подумал вопросительно градоначальник, и в страхе затряс головой, пытаясь, видимо, таким образом освободиться от навязчивых мыслей. В голове зазвенело, что привело мэра в ещё больший ужас. Он вскочил с кровати, схватил руками перебинтованную голову, выпучил глаза, и после этого понял, что звонит телефон.

Звонил зам: его преданный друг, ибо в любую минуту готовый предать; его надёжный товарищ, в любой трудный момент готовый подставить...ножку; его верный соратник, помогающий в кройке материи, но жаждущий перехватить главные муниципальные ножницы в свои руки.

Но то, что услышал мэр от выше охарактеризованной

особы, повергло его в психологический шок, а в его душу за-
крались злорадно-радостные ощущения сомнения и востор-
га. После первых же фраз первого помощника, он понял, что
тот врёт самым наглым образом, но это обстоятельство его
не огорчило, а как раз наоборот – обрадовало. Потому что
хозяин города понял главную суть сей лжи – он не одинок
в нагрянувшей беде! Он готов был голову сложить на плахе,
но был на сто процентов уверен, что тот же призрак оставил
те же отметины на тех же местах у его зама.

Мэр воспрянул духом, а на лице скользнула ехидная
ухмылка.

– Голова, говоришь, раскалывается?! – грозно вопрошал
он, но всё его естество, от митохондрии до вакуоли, лико-
вало. – Упал на ступеньках? Расшиб лоб и поранил руку?
Ай-яй-яй! Как думаешь, сотрясение есть? Ах, есть?! И даже
сильное?! Тошнит?! И голова кружится?! Идти не можешь?!
Ох, бедолага, ох, ты бедненький. Да, понимаю и сочувствую.
Искренне. По-дружески. По-товарищески. По-братски. Вра-
ча на дом не хочешь вызвать? А, ты надеешься, что всё само
собой пройдёт?! Рассосётся?! Растворится?! Исчезнет?! – И
уже шёпотом. – Хорошо бы.

Градоначальник выждал долгую паузу, не придавая
значения тому, какую окоlesiцу нёс его заместитель. Ему

давно всё стало ясно. Кто-то подлый и коварный наслал на них обоих страшное проклятие! Как пить дать... жаждущему, здесь без чёрной магии не обошлось!

Впрочем, как в первое, так и во второе мэр не верил, а свято верил в демагогию, материю и цифры. Именно с них он и решил начать:

– Успокоился? – строго спросил начальник подчинённого. – А теперь и ты давай, по-дружески, по-товарищески, по-братски, начистоту, как будто это твоё последнее слово, выкладывай, какая цифра отображена на твоей пострадавшей руке?

Наступила гнетущая тишина, лишь по ту сторону слышалось тихое сопение, означающее сомнение и недоверие. Мэр ждал честных, мужских признаний, но из телефона сквозило девственной нерешительностью, патологической боязнью, и, наконец, откровенной трусостью. Штурмом взять крепость не получилось, придётся приступит к осаде.

– Ну что ты весь скукожился? – приступил он к психологической обработке. – Что ты напрягся? Сбрось засов и открой дверь, ведь к тебе стучится лучший друг! Распахни славянскую душу, потомок Моисея! – На этом психологическая увертюра кончилась, началась сама соната, по жёстко-

сти звучания напоминающая "нотки" Вагнера. – Ты что, дурак?! Ты позвонил мне, чтобы снабдить мои уши макаронными изделиями?! Ну? Что ж ты молчишь, как пень? Если я спрашиваю о таких подробностях, то, видимо, я откуда-то это знаю! Как думаешь – откуда? Или у тебя от страха все извилины переплелись? Совсем соображать перестал? Думай! Кумекай! Ну вот, наконец. Молодец! С возвращением... рас-судка.

После прорыва психологической плотины, нахлынувший поток эмоций, порой сумбурных и противоречивых, градоначальник слушал молча. Лишь мужественное лицо отражало весь спектр чувств: он то беззвучно улыбался, то морщился, то озорно подмигивал, а один раз даже показал телефону язык. Но вот, наконец, и ему представилась возможность сказать слово:

– Да, я согласен, явление более чем странное. Неординарное явление. Из ряда вон выходящее явление. Аномальное явление, требующее... Что? Сенсация? Пожалуй, что так, только эту сенсацию надо держать... Куда попасть? Мировая слава? Что-то тебя после клинического приступа страха здорово отпустило! Так отпустило, что ты окончательно спятил! Зачем тебе мировая слава в тюрьме? Тебе оно надо? То-то! Не о том думаешь, дорогой! Тут надо пораскинуть мозгами, как избавиться от этой напасти. Как вытравить эту дурац-

кую букву и эти проклятые цифры! Да, кстати, я прослушал. Так какая, ты говоришь, у тебя итоговая сумма? А, ты ничего не говоришь?! Что-что? Это коммерческая тайна? Ну-ну, понятно. Только смотри, хранитель тайн, чтобы твоя сокровенная тайна не стала достоянием гласности в узких специализированных кругах, замкнутых на определённых специфических ведомствах. А-а-а, вот видишь, как хорошо иметь в трудную минуту под рукой друга, товарища и брата. И это тоже хорошо. И с этим с тобою согласен. Да, не время для дружеской грызни и товарищеских распрей. Надо сплотиться. Надо думать. Надо соображать... Извини, дорогой, тут ко мне параллельный звонок. Я тебе потом перезвоню... А, чтоб у тебя на лбу ещё кое-что выросло!

Но перезвонить и узнать, не выросло ли у друга ещё кое-что, мэру также было не суждено. Потому что на его телефон звонки посыпались чередой. Звонили начальники отделов, секторов, звонила главбух, и все наперебой твердили о массовой эпидемии, поразившей наповал их подчинённых и свалившей с ног их самих. Одним словом, никто не в состоянии выйти на службу, требующей полной самоотдачи во благо народа. И хозяин города с ужасом осознал, что вся верхушка муниципального правления парализована. Всех безжалостно скопил страшный и непонятный недуг. Но он ещё не догадывался, что этот самый недуг нанёс сокрушительный удар по всем без исключения, вне зависимости от занимае-

мой должности, полученного образования и профиля работы, сферам городской жизни. Это была катастрофа государственного масштаба, размах которой был ему ещё неведом.

Мэр в первый момент так возликовал от полученной информации, что готов был пуститься в пляс. Он не один! И их не два! И не три! Их много! Но потом вдруг опять погрузился. Если одному, или двум, или трём, ещё можно было выплыть сухим и незамеченным, то это невозможно будет сделать в том случае, когда весь городской корабль пойдёт ко дну. О государственном "Титанике", как уже упоминалось, он ещё понятия не имел.

Градоначальник встрепенулся и посмотрел на часы — они показывали цифру девять. Он и не заметил, как остался дома один, не считая пришедшей кухарки и личного водителя, который, уже зная о болезни шефа, тем не менее, бессовестно ошивался на кухне.

Хозяин города (пока ещё), как и дома (тоже пока ещё), вышел из спальни, опёрся о перила и посмотрел вниз. В просторной гостиной царили тишина и порядок. Никого. Как всё было бы замечательно, если бы не... Вследствие нервных потрясений в нём опять разыгрался аппетит. Из кухни доносились приглушённые голоса: кухарка, молодая женщина, готовила обед, а водитель, пользуясь своим статусом, набивал

желудок, что называется – на халяву, и вёл непринуждённую беседу, состоящую в основном из пошлых анекдотов, намёков и предложений. Обычное дело и обычный персонаж – интеллектуальная личность с алчными глазами шакала, мощными челюстями гиены и преданностью собаки. Подобные типы всегда беззаветно преданы, но лишь до того момента, пока их хозяин крепко стоит на ногах, а если и садится, то исключительно в своё кресло, которое под ним ни в коем случае не должно шататься.

Кресло под мэром ещё не шаталось, но, начиная с раннего утра, ноги давали сбой, вплоть до полной гуттаперчевости. Сейчас, впрочем, кальция в костях прибавилось, но не настолько, правда, чтобы чувствовать себя уверенно у штурвала городского фрегата при надвигающемся шторме.

Он набрал в лёгкие воздуха, открыл рот для голосового сигнала, но в этот момент раздался опережающий сигнал. Кто-то настойчиво жал кнопку звонка с улицы, возле высокой кованой калитки. Казалось бы, обычное дело, мало ли кому взбрело в голову зайти в гости к мэру. С утра. Без записи. Без звонка. Без предупреждения. Да может и не к нему вовсе! Кто знает, кто здесь шляется в отсутствие хозяев! Причин могло быть уйма, и даже больше, случись такое в любой другой день, но только не сегодня. Сегодня хозяин не верил никому и ничему, перестал верить в случайности и

совпадения. Обнажённые нервы обострили интуицию, а животный страх развил до предела звериное чутьё, маниакальную подозрительность и нюх на опасность.

Мэр весь вспотел, руку и лоб под слоем бинта начало жечь, из ног мгновенно улетучился весь кальций, а в глазах поплыли радужные круги, в середине которых ярко светились золотистые буквы "К". О еде он уже больше не помышлял. И вообще, он напрочь перестал о чём-либо помышлять, успев лишь выпустить набранный в лёгкие воздух. Потеря сознания, в отличие от потери совести, явление кратковременное и не столь повальное.

Очнулся почтенный и уважаемый глава городской администрации в собственной кровати. Понаблюдая с минуты потолок, припоминая последний эпизод, на котором была приостановлена жизненная кинолента, он морально готовился к самому худшему, втайне надеясь на смягчающие вину обстоятельства, главным аргументом из которых служил всемирно известный постулат о слабости человеческой натуры. Мол, что тут взять, да, грешен, а кто нынче праведник, но глубоко, очень глубоко раскаиваюсь.

Но, как выяснилось позже, трём посторонним мужчинам в штатском, находящимся в его спальне, было актуальным только "что тут взять", а остальное находилось за рам-

ками их компетентности и принадлежало совершенно другой епархии.

– Здравствуйте, господин мэ́р, – сказал черноволосый, с пронзительным взглядом, мужчина, сидящий на стуле возле письменного столика, по всей вероятности – главный.

Мэ́р, не поднимая головы, спросил:

– Где я? Что случилось?

– Могу вас уверить, что вы в надёжных руках, – говорил только сидящий. – И под такой же надёжной защитой. И ничего страшного пока не случилось. Вам уже лучше?

Хозяин, обеспокоенный неопределённым и пугающим "пока", устало закрыл глаза и тихо спросил:

– Вы искренне полагаете, что мне может быть лучше?

Мужчина в чёрном костюме излучал оптимизм:

– Я не только полагаю, но я в этом абсолютно убеждён. Вам надо только сбросить давящий на вас груз, как вы молниеносно почувствуете чудесное облегчение. Уверяю вас, это проверено опытом.

Первоначальный бесконтрольный страх сменился тягостным волнением, которое действительно тупо давило на все органы внутреннего содержания, особенно – на сердце. Давления на душу и совесть мэра не ощущал, потому что всегда сомневался в присутствии первой и в необходимости второй, а посему о душевном волнении имел смутные литературные познания.

– Как вы сюда попали? – сухо задал первый вопрос, потом следующий. – Кто вас впустил?

– Впустил нас ваш водитель, как он представился, довольно вежливый молодой человек, – охотно отвечал сидящий. – Но это не имеет равным счётом никакого значения. В любом случае, мы сюда вошли бы.

– Даже так? У вас есть на это полномочия? Кто же вы?

Главный сделал небрежный жест рукой. Человек возле окна открыл папку, извлёк лист бумаги и протянул хозяйину дома. Тот стал внимательно читать, и написанное, по всему, производило на него весьма сильное впечатление. Мэр вновь покрылся испариной, лицо покраснело, глаза заслезившись, а руки задрожали. С трудом дочитав до конца, где, как последний гвоздь в гробу, подводящий черту земному бы-

тию, отчётливо виднелся размашистый автограф Президента, он нервно вернул бумагу и осипшим голосом спросил:

– Значит, всё было заранее известно? Это какой-то секретный научный эксперимент? Но как такое возможно?

Мужчина встал со стула.

– На эти вопросы у меня нет ответов, – сказал он. – Они вне плоскости моих должностных обязанностей. Я лишь строго исполняю распоряжения и инструкции Президента, а вы, уважаемый господин мэр, не о том сейчас думаете. В данную минуту ваши мысли должны быть поглощены исключительно вашей персоной и её будущим. Возможно, незавидным будущим. Я ведь не зря намекнул о непосильном грузе. – Человек в костюме и с полномочиями выждал паузу. – Ну так как? Будем сбрасывать этот самый груз? Или будем усугублять?

Градоначальник искоса посмотрел на свою забинтованную руку и глаза его затуманились, а к горлу, как обычно в таких случаях, подкатил ком, спровоцировав в пустом желудке спазмы.

– Вы, простите, о каком грузе говорите? – вопрос дался с большим трудом.

– Я так понимаю, что будем усугублять? – впервые в голосе агента прозвучали жёсткие и властные нотки.

Ком мгновенно провалился в желудок, где тут-же был атакован желудочным соком.

– Нет! Ни в коем случае! Ну что вы! – изворачиваясь, залепетал мэр. – Я всегда рад! И помочь, и сбросить! Только, вот, знать бы – что?

На этот раз человек беззлобно усмехнулся:

– Ну, честное слово, господин мэр, вы как ребёнок, у которого забирают любимую игрушку. Вы же читали бумагу, анализировали, а значит, понимаете, что нам многое известно. Нужны лишь детали. А если точнее, нужна только одна деталь, но важная.

– Какая? – спросил совсем тихо упирающийся градоначальник, отведя взгляд в сторону.

– Та, которая намертво запечатлена на вашей правой руке, под толстым слоем бинта. – Агент с неограниченными полномочиями добродушно улыбался. – Вы можете сами себе помочь только в том случае, если безоговорочно пойдёте на

полное сотрудничество. Решайтесь!

Мэр понял, что сопротивляться глупо и бесполезно, по крайней мере, именно эта мысль посетила его измученный мозг. Не те это ребята, которых можно легко выставить за дверь. А вот они, при упорном неповиновении, разбинтуют не только руку, но и всю его тёмную бухгалтерию, а потом, без сожаления, захлопнут за его спиной тяжёлую железную дверь. Но, всё же, если нельзя сопротивляться, то торговаться никто не запрещает, благо, этим миром движет коммерция.

– Хорошо, я согласен, – нарочито беззаботно сказал он, и стал медленно освобождаться от бинта. – Может, я и вёл себя как ребёнок, но любимая игрушка уж больно дорогая. Честно вам признаюсь, что я сам был крайне удивлён её стоимостью. Думаю, господа, вы также будете шокированы увиденной цифрой.

– Нас невозможно удивить и шокировать, это наша привилегия. Вы сами, буквально полчаса назад, могли в этом убедиться.

– О, это правда. Тут мне возразить нечего. Вы можете до смерти шокировать!

Человек в строгом костюме принял такой-же строгий вид:

– Это только тех, кто нагло пытается юлить и делать из нас дураков, проявляя, тем самым, неуважение не только к нам, но и к самому Президенту.

– Да вы что такое говорите! – воскликнул мэр, в порыве искреннего уважения, граничащего с проявлением суеверного идолопоклонства. – Только не к Президенту! Ни за что и ни когда! Да я лучше себе эту самую руку отрублю! – Затем, для убедительности, добавил. – Отгрызу!

Наконец, он освободил руку от бинта и, заискивающе глядя в глаза приблизившегося полномочного агента, ласковым голосом пропел:

– Уважаемый товарищ, может как-нибудь договоримся тет-а-тет? Без огласки? Найдём взаимовыгодные точки соприкосновения? Очень не хотелось бы...

Но ледяной холод, исходивший из глаз напротив, вынудил градоначальника внутренне содрогнуться и замолчать. Он был неприятно удивлён, что великая магия денег не произвела своими волшебными чарами не только ожидаемого эффекта, а совсем наоборот – вызвала ненавистное от-

торжение. " Либо опасается коллег, либо редкостный фанатик". – Подумал мэр с сожалением, подразумевая под фанатиком редкого идиота.

Тот, в свою очередь, спокойно переписал цифры и протянул подчинённому, дав указание:

– Ты составляй по всей форме протокол, а я с господином мэром буду договариваться и искать точки соприкосновения.

Подчинённый глянул в листок и присвистнул, а господин мэр обрадованно воскликнул:

– Давайте! Давайте договариваться и искать! Умные люди всегда смогут договориться, если они достаточно умны не только для того, чтобы уметь зарабатывать деньги, но и достаточно мудры для того, чтобы легко делиться ими с друзьями.

– Прекрасно сказано! – воскликнул агент. – Вот сейчас мы и узнаем, насколько вы мудры.

– Давайте узнаем, и вы убедитесь, что я очень мудрый и не жадный человек, умеющий быть благодарным до конца жизни.

– Посмотрим. Я вам предлагаю два варианта решения проблемы. Вариант первый, – вы категорически отрицаете очевидный факт, и мы, под чутким руководством Президента, занимаемся вашим делом и телом вплотную. Вас устраивает такой вариант?

Мэр в ужасе недоумевал, но решил события не форсировать. Надо выждать. Может, второй вариант окажется более приемлемым.

– Ни в коем случае, уважаемый, – шёпотом ответил он, глядя собеседнику в подбородок, не осмеливаясь посмотреть в глаза.

– Прекрасно! – опять воскликнул неожиданный гость, ставший вдруг хозяином... положения. – В таком случае, остаётся только второй вариант. Но дабы в дальнейшем пресечь всякие пошлые поползновения, ставлю в известность – другой альтернативы нет, как не будет и третьего варианта. Ну что, излагать второй вариант?

Градоначальник, скорее всего уже бывший, после такого предупреждения грустно осознал, что в своих надеждах он ошибся. Того, чего он ждал и к чему стремился, не последует. Утратив последние иллюзии, он опустил голову и

прошептал:

– Да.

Но человек в чёрном, обладавший масштабными полномочиями, нисколько ими не кичился и не возносился, из озорства тиранически запугивая и унижая жертву, а совсем наоборот – он всячески старался поддержать и приободрить свою жертву. А всё потому, что он был профессионалом высочайшего класса и всегда чётко понимал, что главное – результат. Он человека видел насквозь, даже если тот не падал в обморок, и исходя из этого выбирал тактику поведения.

– Вы зря заранее посыпаете голову пеплом, – агент говорил мягко, почти ласково. – Всё не так уж сумрачно в вашей дальнейшей судьбе. Вот послушайте, что от вас требуется. Вы сейчас присядете к столику и напишете полное признание в хищении означенной суммы. А мы, взамен, предоставляем вам срок, но уже не тюремный, а только обязательный для уплаты данной суммы в пользу государства. Компенсировать ему, так сказать, понесённый по вашей вине ущерб.

– Но это же немыслимо! – в отчаянии воскликнул мэр. – Где я возьму такие огромные деньги!

Агент, сочувственно улыбнувшись, развёл руки в сто-

роны.

– Тут я вам, конечно, не советчик, для этого существуют другие органы, но могу предположить, что образ жизни и среду обитания придётся поменять. Зачем вам этот дворец? А также придётся избавиться от лишней, в повседневной жизни вовсе не обязательной, роскоши, в виде дорогих автомобилей и всяких глупых безделушек, именуемых драгоценностями. Вот всё это я и имел в виду, когда говорил о непосильном грузе.

– Но даже всего не хватит, чтобы покрыть... недостачу!

Сердобольный агент и здесь утешил и успокоил:

– Государство всегда идёт навстречу сознательным гражданам, добросовестно выполняющими взятые обязательства. Оставшаяся сумма будет ежемесячно взыскиваться из вашей зарплаты. Я думаю, процентов двадцать, не больше. Так что, ещё можно жить!

Высокопоставленный чиновник выглядел окончательно растерянным от нахлынувших противоречивых чувств. От тюрьмы, вроде бы, избавлен, а вот от суммы, заплатив такую сумму, ещё неизвестно. Но из двух зол, как известно, выбирают...

– И где и кем я теперь смогу работать? – голос на последнем слове предательски дрогнул.

– Ну, если вас не устраивает должность мэра, то на ваше усмотрение. Ограничений государство не ставит.

Мэр ошалело посмотрел на по-прежнему улыбающегося агента.

– Разве меня не снимут с поста?

Мужчина наклонился к самому уху мздоимца и доверительно зашептал:

– Если всех с клеймом снять, я уж не говорю посадить, то чиновничий аппарат страны оголится наполовину. Минимум. А это уже государственный коллапс. А руководитель вы, в целом, не плохой. По крайней мере, Президент по работе претензий к вам не имеет, а когда избавитесь от злостной чиновничьей зависимости, то и подавно. Таким образом, вам предоставляется редкостный шанс оправдать высокое доверие. Да, я думаю, после сегодняшнего инцидента многие задумаются над своим поведением. Из тех, конечно, кто останется в живых и в здравом рассудке.

– Неужели нас так много? – скорее обрадованно, чем удивлённо спросил мэра, и совсем, как оказалось, не бывший.

Агент глянул на своих подчинённых, стоявших на достаточном расстоянии, чтобы не услышать его шёпота.

– Скажу больше, по секрету: все депутаты, весь кабинет министров, то бишь, наше правительство, ходят, кто рискнул выйти, в кепи с длинными козырьками и белых перчатках. Даже сам Президент, по такому знаменательному случаю, отменил все речи и перенёс все встречи, и только по телефону принимает наши доклады о проделанной работе. Вот такие обстоят дела. Только это между нами. Т-с-с-с. – И приложил свой палец у губам мэра. – Идите пишите.

Но в этот момент затрезвонил телефон. Звонила жена. Градоначальник умоляюще посмотрел на своего спасителя:

– Товарищ начальник, можно ответить жене?

И человек, с ледяным взглядом и равнодушным сердцем, дал добро:

– Быстренько обрадуйте супругу и бегом к столу. Время не ждёт! Не вы у нас один. У нас ещё уйма работы... аж до полуночи.

РЕИНКАРНАЦИЯ

О, Боже, опять! Вот оно, роковое проклятие! Печать неведения на всех телоносителях – тела меняются, а судьба горемычная остаётся. Поганое де жа вю. Меня и раньше одолевали смутные сомнения относительно благополучного сегодняшнего бытия. Но всё было как-то сумрачно и неясно. Вначале полная кромешная тьма, которая оставляла надежду на будущий переход в свет, после купания в реке Лета. Затем меня озадачили проблески света, но без необходимого забвения прошлых печалей, которые, теоретически, могли сохраниться, но практически... печаль стала ещё сильнее. И вот – пожалуйста! Получите и распишитесь!

Спрашивается – за что? Или, всё-таки, для чего? Почему злой рок преследует всех этих людей? И кто в этом виноват – рок или они сами? В любом случае, я здесь ни при чём, причём в итоге больше всех страдаю именно я. А ведь начинается всё так розово и прекрасно, и даже окружающие кажутся людьми вполне приличными. Сейчас оценим очередную создавшуюся ситуацию, под грустным названием – жизнь.

Первое впечатление, конечно, может быть обманчивым, но очень похоже, что интеллигенты. Лица ухоженные, сами опрятные, оба в очках, что всегда считалось признаком интеллектуальности, увеличенные глаза кажутся действительно смышлёными, воздерживаются выразиться ма-

том в стрессовых ситуациях. И это несмотря на то, что глупо уверены, будто я их не понимаю, и что вообще – ничего не кумекаю. А я-то кумекаю больше ихнего, только всё равно ничего не скажу. Но как хотелось бы! Но, увы – когда человеку есть что сказать, он вынужден гугукать и от бессилия кричать, а когда нечего – чешет языком, что помелом, аж уши вянут. Причём, – чужие. Вот такая загадка для врача под названием – отоларинголог.

Смешно за всеми наблюдать. Вот мужчина снял очки и начал строить всевозможные дурацкие гримасы, щурясь близорукими глазами. Но вскоре, видимо, перестал видеть реакцию того, кому предназначались эти глупые рожицы. Напялил очки обратно. Ладно, со зрением у тебя проблемы, но слух-то имеешь, болван? Слышишь, мы орём! Вот глупец, погремушкой пытается отвлечь наше внимание от насущных проблем. Нет, ну вот же тугодум! Интересно, кем он работает? Но очевидно, что его деятельность не связана с быстротой мышления и психологической реакцией. Молодец, нашёл выход из положения! Думает пустышкой заткнуть глас народа?! Мы ещё до этого не доросли. Потом, с возрастом, это срабатывает – и пустышку кушаем, и в сказки верим. Выплюнь! Выплюнь немедленно эту гадость! Пусть думает. Это ему не в реторте – из свинца золото варить, а потом в подземелье, прикованным цепью, биться головой о стену – на хрена мне то золото было?! Надо же, какое жуткое воспоминание всплыло! Долой его из памяти! Долой средневеко-

вое мракобесие и не менее жестокою эпоху просвещённого абсолютизма!

Что тут у нас? О, наконец-то, сообразил! Пошёл за помощью. Умница! Привёл жену. Женщина есть женщина, сразу догадалась, что мы обкакались и нам крайне неприятно находиться в таком дерьмовом положении. Потом, правда, бывает и похуже. Тьфу, тьфу, тьфу. Ой, руки холодные, да и пеленает, будто чурку в онучу заматывает. Вот неумёха! Ох и намучаемся мы с тобой, малыш, с такими родителями! Не плачь, дружок, вон женщина постарше идёт – никак, бабушка. Даёт наставления этим недотёпам. Смотри, как покраснели наши родители! То ли за себя стыдно, что такие бестолковые?! То ли за бабушку, которая, в отличие от них, не боится месячному ребёнку нанести психологическую травму крепким и убедительным русским словом. Нам-то эти словечки ещё до лампочки, а вот родителям дойдёт быстрее. Сразу включили мышление и стали внимательными. Зорко следят за всеми движениями наставника, пытаются запомнить последовательность операций, даже дублируя эти движения в воздухе. Молодцы, старательные.

Интересно, она бабушка с чьей стороны? Экстравагантная особа. Не то что эти, меланхолики. Молодо-зелено. А ты, братец, у них, видимо, первенец?! Объект для тренировок и набирания опыта. Но это не самое страшное. Главное, чтобы первый генный блин не получился комом, а любовь и ласка нам обеспечены. По глазам вижу, люди добрые и в нас ду-

ши не чают.

Какую-то глупость про себя сказала. А сколько ещё предстоит сказать и сделать! Как хочется, чтобы поменьше. Очень хочется надеяться, что я в этом мире в последний раз. А ещё очень хочется, раз всё равно я здесь, поболтать, пока этот несмышлёныш не выжил меня из своего ума.

Кем только не приходилось жить! Какие разные и противоречивые личности я пыталась довести до совершенства и гармонии! До духовного слияния с собой, окружающей средой и Вселенной, чтобы смерть не обернулась бедой душе нетленной. То есть, мне. Но как же тяжело это сделать, когда кругом сплошные искушения и соблазны, а венцы творения оказывались всего лишь ошибками природы и генным браком, давшими сбой ещё до истечения срока гарантии. И вот, поскольку мы опять писаем и какаем, значит, опять ничего не получилось. Значит, предыдущий телоноситель тоже оказался сволочью, человеком морально неустойчивым и падким до всевозможных плотских излишеств. Или нет?

А кем он у нас был? А был он у нас, прости, Господи, за выражение, писателем! Как только творческая личность, так, априори, жди перерождения. С такими субъектами до nirваны не доползёшь никогда! Ну, почти никогда. Бывают, конечно, исключения, но они настолько редки – как снег летом, как гуманный олигарх, а может и того хуже – как многодетная девственница. Хи-хи-хи! Вспоминается девятнадцатый век, когда я была в теле одной вульгарной особы,

имевшей болезненную склонность к стихосложению. Контрастная дамочка. Прекрасные, возвышенные стихи о любви разбивались девятым валом о мрачный и скалистый берег повседневной плотской ненасытности.

Да это ещё что! А сколько из-за неё молодых, да и не очень, людей дуэлировали и суицидировали. Жуть! Хорошо, что жажда к жизни без любви была сильнее страстной любви без жизни, иначе, вместо этого орущего мальчугана, находилась бы в местах более отдалённых. Тамошняя релаксация – процедура крайне болезненная, даже мучительная. Если верить распространённым слухам, гулким эхом долетавшими из недр преисподней в верхние этажи ада.

Не знаю, почему, но меня частенько запикивают в литературную среду обитания. А может это я, сама того не осознавая, влияю на формирование сознания своего теленосителя? Интересная гипотеза. Так вот, после любвеобильной поэтессы, с писателем в этом отношении повезло больше. Нет, он не был ни импотентом, ни гомосексуалистом – слава Богу, – ни фригидным мужчиной. Скажу даже больше – ему очень нравились красивые женщины. До чего уж там – ему нравились просто женщины! Но... он был маньяк.

Естественно, не сексуальный. Бог и здесь был милостив. Мания, это страсть, а он страсть как любил писать. Вот хлебом его не корми... лишний раз, а дай чистую тетрадку и всунь ручку в его тонкую, холёную ручку. И всё! И никаких хлопот с ним не знаешь. Будет писать, покуривая, пока жена

не заберёт либо ручку, либо пишущую машинку. И он, нехотя, идёт либо обедать, если день, либо спать, если уже ночь.

И ведь не был бездарным графоманом, а как раз наоборот – человек талантливый, эрудированный, воспитанный, подававший мне надежду. И, как у человека страстно пишущего, к тому же добродетельно семейного, любившего домашний очаг, его любовь к женщинам, исключая, конечно, жену, ограничивалась восхищёнными взглядами и заползавшими в сознание не совсем пристойными мыслями. Но писатель тряс буйной головушкой, выбрасывая оттуда ненужный хлам, брал себя в руки, затем брал в эти же руки пишущую машинку и приступал к любимому процессу за любимым столом. Потому что там его с нетерпением ждала его любовь, его страсть, его жизнь: очередная глава очередного романа.

Хотя, очень может быть, даже с большой долей вероятности, существуй такая возможность регулярной доставки красивеньких девиц на дом под роспись, и дай на это своё благоволение супруга, я думаю, он стал бы регулярным подписчиком, но с крайне сжатыми рандеву. Творчество – прежде всего!

И ведь добился славы, стал знаменитым писателем, лауреатом всевозможных премий, членом союзов и обществ. И вот, как только он стал премиальным многочленом, все мои надежды окончательно рухнули. Он оказался трусом самой последней категории. Комфортное бытие определило

лицемерный и подхалимский путь сознанию. Всё, что он писал, было угоднической ложью, а подобной литературой благодати не достичь, сколько бы фолиантов не нагромоздил на книжную полку. А те книги, в которых лживо проступали людская боль и страдание, писались откровенно фальшиво и цинично ханжески. Не из сочувствия и душевного сострадания – он меня не брал в соавторы, – а ради собственной славы и гордыни. А хладнокровно смакуя человеческие беды, снисхождения не жди. Там – не здесь!

Я и сейчас помню, как он, в угоду власти, собственному тщеславию и честолюбию, да и откровенной боязни за свою нежную шкуру, продал меня за бесценок: за эфемерные славу, премии и регалии. А когда бытие определяет сознание, то человек живёт бессознательно. Зачастую, к сожалению, об этом даже не догадываясь. И рано или поздно, но всегда срабатывает закон бумеранга, а мы с совестью, хоть и в конце жизни, но пробились в его искажённое и затуманенное сознание. Последние годы жизни он прожил с ощущением позора и стыда, в терзаниях за прошлые подлые поступки, недостойные ни писателя, ни вообще – человека. Мне до сих пор стыдно вспоминать, как он громил писателей и поэтов, посмевших восстать против лжи и лицемерия, творимых в обществе снизу доверху. И мне до сих пор противно его подхалимское и ханжеское поведение. Страшно и мерзко.

И вот очередная попытка. Очередной мой шанс. Дай-то Бог!

Господи, избавь от искушений,
Когда духовно не готов.
Отстрочи его Ты покушенье
На души слабенький остов.

То есть, на мой остов, когда я потеряю некоторое влияние на мою формирующуюся физическую личность. Ха, ну надо же! Невозможно избавиться от зависимости прошлых жизней. Волей-неволей, а что-то, да и выползет из литературного наследия предков. А может не предков? Что-то я такого не припомню в стихотворной антологии любвеобильной и коварной служительницы Эрато и Евтерпы. Про писателя и говорить нечего, тот вообще стихов не писал. Так думают его биографы и почитатели, но я-то знаю, что это не так. Пописывал втихомолочку и в столик припрятывал. Стыдился. Оно и понятно, крупный государственный писатель, а занимается ерундой – пишет духовные стихи и памфлеты на социальные темы, где явственно проступает острая сатирическая канва, а ещё о самих руководителях государства и партии. И отнюдь не хвалебные оды. Вот последних он больше всего и стыдился, потому и прятал глубоко в стол, чтобы ничей посторонний взгляд даже нечаянно не упал на тайные рукописи. Потом, перед смертью, сжёг. Это было последней и роковой ошибкой.

Всем известно, что гениальные (именно, гениальные) ру-

кописи не горят. О чём-то похожем ещё Булгаков говорил. Всякая дрянь, даже если она напечатана многотысячным тиражом, забудется и превратится в прах, стоя на книжных полках, но если вещь шедевральная, то она в огне не горит и в воде не гниёт! По большому счёту, может быть стихи, а не проза и были теми шедеврами, которые до сих пор хранятся в архиве Вселенной?! Но это не снимает с него ответственности за виляние хвостом перед сильными мира сего, и за трусливый уход от истины. Да, именно Истина. Вот главное, а он не постиг понимания этого даже отдалённо. И я считаю, что мой максимализм оправдан.

Но до чего человек хитёр в своей слабости! Чего только не придумает, чтобы оправдать свои пороки, превратив их в мелкие или вынужденные шалости гения. Мол, он гений – ему простительно. Хочу заявить со всем знанием дела, что это совсем не так! Ведь, чем талантливей человек, тем большая лежит на нём ответственность, и тем больший с него спрос за всё – и за творчество, и за свою жизнь. Хотя, если быть до конца объективным, то, слава Богу, что он был трусливым писателем, а не смелым политиком. Точнее, что не был политиком вовсе! Слава Тебе, Господи!

А что это ты, малыш, притих? А, это я заболталась, а он уже слушает музыку и улыбается. Мама нам играет... никак, Вивальди? Хорошая музыка, но тоже максимализм. Могла начать с Шаинского. Однако, хорошо, что не с Вагнера – было бы либо не до сна, либо сны с кошмарами. В любом слу-

чае, это правильно: лучше быть музыкантом или композитором, чем поэтом или писателем. В музыке говорить правду нотами легче и безопасней, нежели излагать её на бумаге словами. Только преждевременно не надо свою музыку никому посвящать, дабы потом не писать опровержений. Как это было с «Героической симфонией» Бетховена, называвшейся до коронации Наполеона его именем. Всё, объявляю антракт, надо ребёнку покушать, а то в его маленьком желудке уже слышу минорные мелодии Шопена.

Одну минуточку! Что это? Куда это? Я-то, наивная, думала, что нас сейчас мама будет кормить грудью, и решила в этот интимный момент помолчать. Но нет, кормление откладывается. Бабушка нас несёт на кровать, усаживает накрепко между подушками и раскладывает на одной из них всевозможные безделушки. Чего там только не было! Но среди прочего находились: денежка, золотое бабушкино колечко и, как назло, красивая шариковая авторучка с тремя разноцветными стержнями. Значит, синий стержень для стихов, красный – для прозы, и напоследок чёрный – для мемуаров. Если успеешь написать до траурной церемонии. Было бы умно, если бы не было так глупо.

Ну зачем её сюда положили! Не надо было этого делать! Это всё бабушка, старину вспомнила, раскудрит её за ногу! Ну что, малыш, хватит гугукать, определяйся со своим будущим. Я могу даже не смотреть, и так знаю, что уже не быть ему ни шофёром, ни слесарем, ни композитором, ни банки-

ром, ни ювелиром. Да, так и есть – схватил двумя ручонками орудие будущей трудовой деятельности и смотрит по сторонам. Видимо, уже ищет чистый листок бумаги, чтобы немедленно приступить к созданию шедевра. Правильно, чего тянуть-то! Ну вот, всем всё стало ясно и, наконец-то, мама прижала нас к груди.

Что же, будущий классик, дай-то Бог тебе мудрости в принятии правильных решений и крепости духа, чтобы не продать свой талант вместе с совестью за призрачное счастье бытия. Кушай, набирайся сил, они тебе понадобятся.

А вот этого, дорогой папочка, ни в коем случае делать не следует. После прекрасной музыки и сытного обеда, читать на сон, и ладно бы сказку о лодыре Емеле, но исторический опус Эдварда Радзинского, это уж, извините, ни в какие ворота! Я понимаю ваше стремление сделать из нас вундеркинда, но дайте же ребёнку оставаться ребёнком, ну, хотя бы, лет до пяти. Не надо травмировать психику младенца кровавыми дворцовыми переворотами и массовыми расстрелами. Замените свои глупые амбиции, на жалость и сострадание. Где ваш гуманизм?! О, успокоился. Неужели телепатировал мои мозговые биотоки? Ага, как бы не так! Сам зевает. Видимо, все эти политические распри на самого нагоняют смертную тоску. А нам, он думает, было интересно слушать перед сном кошмары! Подожди, он о них сам узнает, как только начнёт соображать и с глаз упадёт розовая пелена. То же мне, сказочник! Ума – кот наплакал, а туда же –

в историю!

Надо же, подействовало?! Мы уже спим – чистенькие и сытенькие. Ждём весёлых снов. А вот и они – ангелы, которые будут развлекать и показывать добрые сказки. А не убийство Павла Первого.

И пока малыш нем, говорю я, хотя меня никто и не слышит. Пока его память слаба, моя крепка. Но по мере прогресса его физического «эго», моё душевное «эго» начнёт регрессировать обратно пропорционально. И как только он начнёт говорить первые фразы, мы оба начнём жить новой и неизвестной для нас жизнью, позабыв напрочь весь опыт прошлых ошибок. И уже ты сам, малыш, должен будешь найти меня в себе. Во что бы то ни стало! Иначе...

Дай Бог, чтобы он стал настоящим человеком и моим последним теленосителем в этой грубой и каверзной жизни! Очень хочется прикоснуться к космической Мудрости и Благодати! Очень хочется к звёздам! А то эти земные звёзды до того пусты, холодны и лживы, что ни слушать, ни видеть их не хочется.

Спи, малыш, и радуйся детству, потому что впереди нас ждут большие испытания. Чтобы стать Человеком, а потом на протяжении всей жизни, вопреки обстоятельствам, страхам и соблазнам, им оставаться – это и есть самое большое человеческое испытание! И помни – я всегда рядом, только позови!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АД

– Ох, и тяжело же как, – простонал мужчина в полной темноте. – Дышать невозможно, будто камнем придавило грудь. А сердце... будто кто-то терзает и рвёт небольшими ключьями.

– А кто сказал, что будет легко? – услышал он беспристрастный голос, без сочувствия, но и без сарказма. – Ты должен был это предвидеть.

– Кто же пожелает такое предвидеть? – хрипя, выдавил мужчина, проглотив обидное обращение на «ты». Тут не до церемоний. – Такое не пожелаешь и врагу в кошмарных снах. Ой, я, наверное, сейчас умру!

– Ха, скажешь тоже! – развеселился голос. – Он умрёт?! На этот счёт можешь быть спокоен, мы этого не допустим.

– Вы врач? – неопределённость положения предостерегла от возможного опрометчивого шага, в виде ответного фамильярного «ты». Во всём должна быть дипломатия и тонкий расчёт.

– Ну, пожалуй, можно и так сказать... реаниматолог, – ответил голос и глупо хихикнул.

– Я попал в аварию? – дрожащим и хриплым баритоном допытывался мужчина. – У меня такое ощущение, что меня всего переломало?! Будто по мне проехал асфальтный каток?! А?

– Какие, однако, у тебя провидческие ассоциации откры-

лись?! Да, действительно, метафорично угроза такая в твой адрес поступала, но фактически приведена в исполнение не была.

– От кого? От него? Ну, от... этого? От него самого? Хотя, откуда вам знать?!

– Знаю-знаю. От него, любезного. От кого же ещё?! Но ты вовремя струсил, впрочем, как всегда, и вкатывали в асфальт, фигурально конечно, уже других.

– Какой кошмар!

– С ними всё в порядке, да и мало их было.

– Я не о них, я о себе. Моё состояние – кошмар!

– Ты в нём жил раньше, а теперь мы извлекаем тебя из обломков искорёженной и исковерканной жизни.

– Ой, доктор, становится совсем невыносимо. Дайте, пожалуйста, обезболивающего! Я вас умоляю – дайте!

– Не положено, – холодно отрезал необычный доктор, но потом, вспомнив, видимо, давно устаревшую клятву Гиппократа, добавил с долей теплоты. – Да и нету его у меня. Терпи, это пик страданий, потом наступит спад и станет легче.

– Хорошо, – пообещал смертельно больной, с трудом сдерживая крик.

– После спада, правда, опять наступит пик.

– О-о-о! – не сдержав обещания, пациент выпустил страшный, душераздирающий крик наружу. – Я не вынесу больше таких мучений!

– Вынесешь и выдержишь, – успокоил душевный доктор. – Не ты первый, не ты последний. Единственное, чем могу тебе помочь, это сообщить, что бывает и похуже.

– Ещё похуже? – задыхаясь, прерывистым голосом спросил мужчина.

– А ты думал, это предел страданий? – ответил доктор вопросом на вопрос, но ответа ждать не стал. – Нет предела страданию, как нет его и блаженству. Всё по делам.

Пациента немного отпустило. Он начал, сам того не желая, припоминать свои неблагоприятные, а порой и вовсе прискорбные, дела, а потом тихо прошептал:

– Плохи мои дела?!

– Я точно не знаю, но, видимо, действительно не очень хороши.

– Доктор, а что у меня со зрением? Я, извините, ни хрена не вижу?!

– Видишь ли, – сообщил доктор, поймав себя на произвольной, довольно циничной тавтологии. – В твоей амбулаторной карте начертано, что лично тебе было даровано три глаза...

– Три глаза? – удивлённо и недоверчиво спросил пациент, забыв на секунду о боли. – С одним глазом, я помню, циклоп, но чтобы три?! Я что, мутант?

Реаниматолог терпеливо стал объяснять:

– Как и большинство людей, но мутанты они не по причине наличия или отсутствия третьего глаза. На самом де-

ле третий глаз есть у всех, но у подавляющего большинства он закрыт. Всю жизнь. А открывается он только по величайшему соизволению. Это дар. Божественный дар! Но прошу не путать с подарком. С подарком человек вправе поступать так, как ему будет угодно, а дар следует использовать исключительно во благо людям, и крайне желательно – безвозмездно. Раз предоставили человеку дар, то он обязан его дарить людям. А что происходит в жизни? А в жизни происходит всё наоборот. Человек дар приватизирует, самым наглým образом, и начинает эгоистично извлекать из него прибыль. И всё! Он в ловушке!

– И у меня он был? – простонал мужчина, содрогаясь от вновь нахлынувшей смертной тоски, сожаления и раскаяния. – Куда же я его дел? На что потратил? Ой, доктор, мне что-то совсем поплохело. Кажись, отдаю концы?!

– Ничего страшного, – добрый голос вновь морально поддержал. – И конец, и начало у всех одинаковые... середина разная. Там. А здесь это очередной пик кризиса второй категории. Скоро пройдёт. Наверное.

– Не надо меня пугать вашим «наверное», мне и так страшно.

– И должно быть страшно, а иначе никак нельзя.

– Доктор, а сколько их всех, этих... а-а-а, категорий?

– Две. Всего только две. Первая и вторая.

– Это хорошо, доктор.

– Да, но они могут чередоваться бесконечное количе-

ство раз.

– О-о-о, доктор, это ужасно!

– Я догадываюсь, но ничего поделывать не могу, и облегчить твои страдания не в моих силах. Мои функции крайне ограничены. Да и сам во всём виноват, надо было третьим глазом видеть страдания других, а не только первыми двумя ореол своей гордыни и славы. И вот финал – первым захлопнули третий глаз, и ты познал презрение толпы и собственное падение, а потом, не видя улучшения, захлопнули и два остальных глаза. А теперь сам видишь, до чего докатился.

– Да ни хрена я не вижу, доктор!

– Не видишь – чувствуешь. Оно, может, и к лучшему. Одно дело чувствовать душераздирающую тоску, а если её ещё и видеть...

– Доктор, вы можете хоть предположительно сказать, сколько могут продолжаться мои мучения?

Доктор некоторое время хранил философское молчание, а после, голосом, в котором уже чувствовалось сострадание, сказал:

– Увы, мой дорогой, и этого я сказать не могу, потому что не знаю. Я, как и ты, жду, только в более комфортных условиях.

– Чего ждёте? Пока я окончательно загнусь?

– Ну что ты, в этом отношении можешь быть спокоен, ты в полной безопасности. Смерть не косит дважды одно место. Я жду дальнейших распоряжений сверху. Жду команды.

– Чьей? Главврача? – ответа не было. – Откуда? Из министерства здравоохранения? Странный вы доктор?! Что же вы молчите? Вы ещё здесь?

Оказалось, что здесь:

– Тебе и так тяжело, а ты ещё волнуешься по пустякам.

– По пустякам? Если вы считаете, что жизнь человека пустяк, то вы не имеете права называться врачом!

– Ну, положим, врачом меня ты сам назвал, а жизнь пустяком делают сами люди. Ты сам сделал свою жизнь пустяком.

– Неправда! Я в жизни добился очень многого.

– Вот за это многое и ответишь.

– Вы не врач, а какой-то жестокий демагог. Вы не имеете права лечить людей!

– Что же ты так назойливо с эти привязался?! Я не лечу людей. Я их наблюдаю и сопровождаю.

– Куда? Из реанимации в морг?

– Скоро сам узнаешь. А может и не скоро.

– Нет, вы точно не доктор! А-а-а! Вы очень жестоки!

Предостерегаете от волнений, а сами постоянно пугаете.

– У меня и в мыслях ничего подобного не было. Я просто говорю правду, а она бывает страшной, как в твоём случае.

– Опять пугаете? Правда бывает горькой, а мне и так не сладко.

– Правда здесь одна, и уйти от неё невозможно. Её надо выстрадать.

– О-о-о, опять обострение! Всё, больше не могу! Уж луч-

ше смерть! Доктор, милый, дайте мне яду!

– Я ещё раз повторяю: ни обезболивающего, ни, тем более, яда у меня нет. У меня нет даже успокоительного.

– А что у вас есть? – уже без всякой надежды спросил мужчина.

– Есть небольшая доза сочувствия и сострадания. Но это всё, чем я располагаю.

В этот момент пациент выдохнул с облегчением:

– Фу, немного отпустило, – сказал он, слегка улыбнувшись. – Да, скудные у вас запасы медикаментов. Небось, дефицитом из под полы приторговываете?! А, доктор?

Но врач, или кто он там, шутку не оценил:

– Нету у нас ни медикаментов, ни дефицита, ни торговли, ни полы, из под которой можно было бы этим заниматься.

– Странное местечко?! – мужчину стали терзать сомнения, наполняя и без того измученную душу страхом новой неизвестности. – Это не больница?! А вы не врач?! Доктор, где я?

Но доктор, который не врач, ответить не успел. Послышался ещё один голос, доселе ни разу не вступивший в разговор:

– Командир, получен приказ выходить из территории притяжения зла и мучений, пройти, не замедляя ход, зону полного очищения и покаяния, и прибыть в пункт назначения.

– Хорошо, выполняй, – отозвался уже хорошо знакомый голос, который, как оказалось, принадлежал вовсе не докто-

ру, а командиру. — Вот видишь... извини, вот слышишь, скоро всё закончится.

Человек, не имеющий возможности видеть, понял, что его куда-то спешно транспортируют, через какие-то странные территории и зоны, и он уже собрался было спросить, но вдруг он резко передумал это делать. Совершенно неожиданно, всё это, включая собственные переживания относительно собственного самочувствия, показалось ему таким мелочным и несущественным, таким пустым и глупым, что даже стало стыдно вспоминать, как он переживал и волновался, по выражению липового доктора, по пустякам. На смену страху, боли и тоске пришло неизведанное чувство, заполнившее собой каждую клеточку его нового естества. Это было щемящее чувство безмерного сожаления о прошлой жизни, открывшейся ему с доселе неизведанной высоты. С той высоты, с которой оценивается суть и смысл бытия по абсолютно другим критериям. И сопровождалось сие безмерное сожаление таким же безмерным стыдом и раскаянием.

За это время он понял всё в своей гармоничной законченности. Он знал, что было; он понимал, что есть; он только не догадывался, что будет. Пришло успокоение, но вместе с ним и тягостная обречённость. Ничего хорошего от будущего он уже не ждал, хотя маленькую надежду, всё-таки, питал, что в этот круг ада, может быть, он больше не попадёт. Ну, хотя бы немножко повыше! Но, по неизвестной причине,

как импульс откуда-то извне, пришло убийственное осознание хрупкости даже крохотной доли этой маленькой надежды. Наступило полное душевное опустошение.

– Доктор, доктор, – меланхолично позвал мужчина, хотя уже совершенно точно знал, что это никакой не доктор.

Но никто не отзывался. Царила в этом мраке, по крайней мере для него, полная тишина. Он смирился, затих и стал ждать. И дождался. Следующий голос, отличный от предыдущих двух, по тембру граничащий между басом и баритоном, но в то же время нёсший в себе поразительную завораживающую мелодичность, сообщил:

– Ты, к всеобщему сожалению и огорчению, не выполнил возложенную на тебя миссию. Тебе было многое даровано, а наше терпение было безгранично, что выражалось в многочисленных подсказках, предостережениях и постоянной нашей защите и опеке. Ты в полной мере имел наше благоволение, но... всё это было тобою истолковано превратно, и использовано не по назначению. Не во благо, а во зло. Ты уже всё это осознал сам, но только здесь, а надо было там. Гм, получилась рифма. И фраза мудрая, и в рифму, жаль только, что для тебя грустная. Но прежде чем услышишь мой вердикт, я дарую тебе лёгкое прикосновение к самому краю океана блаженства, дабы ты осознал, что ты мог приобрести, но что ты потерял... на неопределённый срок. Узри, глупец, сие величие!

И в то же самое мгновение нежная волна неопишуемой

радости, восторга, упоения захлестнула несчастного. Всего лишь на мгновение к нему вернулось зрение, и он успел не столько увидеть, сколько понять каким-то внутренним осязанием красоту сущности мироздания. С неумолимой силой его потянуло к далёкому сиянию Вселенского Счастья. Душа зарыдала.

В тот же миг всё исчезло. В наступившей темноте прежний голос возвестил:

– Вот чего ты лишился, испугавшись вполне посильных земных страданий и невзгод, и проигнорировав выполнение духовного долга. Но ведь и там, сойдя с истинного пути, выбрав скользкий и каверзный путь сиюминутного успеха, фальшивой славы и фантомного почитания, и возгордившись незаслуженно сим, ты не испытал и крохи настоящего счастья. Ты жил не в оазисе, ты жил в мираже. Ты забыл меня, а в том кругу ада без меня можно достичь многого, но только не гармонии. Я тебя звал, но ты наглухо захлопнул передо мной дверцы своей души. Потому что видеть и слышать меня возможно только душой. А видящие глазами и слышащие ушами, неминуемо попадают впросак. Не так ли? Я вижу, что ты стыдишься своего позора, но... не обессудь, придётся ещё раз попытаться.

Мужчина глухо застонал:

– Ваше Могущество, хоть на один ярус выше! Пожалуйста!

– Увы, выше не могу, а ниже сам не захочешь. Не меч-

тающий о Гармонии, должен получить по Справедливости, чтобы оказаться в скользких руках Закона, опирающегося на Насилие и Обман. Так что, ты возвращаешься в тот же самый круг ада. В круг испытаний, проверок и поиска. Я хочу, чтобы на этот раз ты сделал правильный выбор. Чтобы, несмотря ни на что, сумел вырваться из того порочного и, на первый взгляд, замкнутого круга, в котором неминуемо окажешься. Ты возвращаешься обратно на Землю. На Землю, где много знаний, но мало правды; где много религий, но мало веры; где много красивых слов, но мало светлых чувств. Таково моё решение и напутствие. Все подробные инструкции, которые, я надеюсь, ты постараешься на этот раз исполнить, получишь в моей канцелярии. Там же, кстати, наметят общие контуры твоей будущей судьбы. Запрограммируют генетически твою миссию в следующей попытке человеческого воплощения, хотя, как обычно, свободу выбора вновь оставляем за тобой. Так что, будущее в твоих руках. На этом аудиенция закончена. Счастливого пути. Забирайте его. Давайте следующего.

КРИЗИС

– Господа! – Мозг обвёл пристальным и недружелюбным взглядом всех собравшихся. – Ну, хорошо, хорошо, не господа – товарищи! Хотя, честно скажу, некоторые товарищи нам совсем не товарищи. Именно по их вине у нас сложилась

критическая ситуация. Реалии таковы, что если мы уже сегодня не изменим создавшееся положение вещей в лучшую сторону, то завтра может быть поздно. Наша страна находится в тяжелейших условиях, разруха царит практически по всей территории. Я должен... нет, я вынужден прибегнуть к кардинальным мерам. – Он тяжело и грустно вздохнул. – Весь кабинет министров придётся перетряхнуть основательным образом. Я бы сказал – жесточайшим образом! Я, находясь на президентском посту, и занятый исключительно внешними сношениями, и будучи в полной уверенности в компетентности и добросовестности моего правительства, выпустил внутреннюю ситуацию из-под своего контроля. Результат оказался плачевным. Все министры, во главе с премьером, погрязли в коррупции и пороках. Я не зря обособил последние два слова: коррупция – есть не просто главный порок, она бич всего человечества! А у нас этот бич расцвёл пышным бурьяном, и продолжает цвести и пахнуть. Только запах этот нехороший. Смрадный запах. Вонючий запах. Вы принюхайтесь, какой здесь стоит смрад?! Такой же и снаружи, просто вы не слышите. Вы настолько к нему привыкли, что считаете это нормой. Да за такой запах любой эколог оштрафовал бы нашу страну, как за злостное загрязнение атмосферы! Довели страну до краха, степень которого переоценить трудно. Держава, а вместе с нею и мы, находится на краю полного физического уничтожения. Страшно, господа-товарищи, очень страшно.

Президент Мозг с печалью и болью посмотрел на своих подчинённых. Все сидели, понуриив головы, упорно глядя перед собой в стол, будто от него ожидали получить ответ. Странная реакция первых лиц государства на потенциальную катастрофу. Складывалось впечатление, что их не особенно волновал этот вопрос, а каждый думал о чём-то своём – сокровенном. Президент продолжил:

– Как нам этого избежать – наша первейшая и наиглавнейшая задача. Откладывать или закрывать на неё глаза, значит трусливо уходить от реальности и, априори, обречь себя на бесславную гибель. Сегодня я намерен произвести рокировку министров. Будь у меня выбор, я без зазрения совести многих отправил бы в отставку! А вы прекрасно знаете – что это такое. В лучшем случае, вас употребит в пищу какой-нибудь бродячий пёс, если не побрезгует. Больше вы никому не нужны. Не надейтесь! К сожалению, наша страна слишком бедная, чтобы позволить себе пригласить из-за границы молодого, здорового и энергичного специалиста. Вот и приходится оперировать старыми и проверенными кадрами. Что оживились, иждивенцы? Проверенными в том смысле, что я вас знаю, как облупленных. Пройдохи! Премьер-министр Печень, доложите обстановку!

Поднялся тучный дряблый старик и по жизни, и по возрасту. Беспоконная судьба государственного деятеля давала о себе знать:

– Уважаемый президент... ситуация такова... – слова да-

вались с трудом, и это бросалось в глаза.

Мозг глянул и только устало махнул рукой:

– Садись! Что ты можешь мне рассказать?! Что ты, вообще, знаешь, что происходит вокруг?! Ты знаешь, сколько тебе лет? Что творится у тебя под носом? Ты хоть не забыл ещё, в какой стране живёшь? А какой год? Уже допился до чёртиков! Что, нет? Мне ли этого не знать?! Я, в отличие от тебя, всё это ещё знаю. Помню. – На несколько секунд умолкает. – Ты же потерял все нити управления! Я снимаю тебя с поста премьера. Хотя и этого мало – я тебя освобождаю от всех обязанностей и направляю на принудительное лечение. Один алкоголик может пропить всю страну! Или не один? Молчишь? Не выдаёшь собратьев по градусу? Ничего, я сегодня на трезвую голову всех вас выведу на чистую дистиллированную воду. Министр снабжения Пищевод! Если я узнаю, что ты ему доставил хоть каплю алкоголя, я тебя собственной рукой схвачу за кадык! Ты меня понял? Ладно. Ещё один интересный момент. Скажите мне, пожалуйста, какой умный болван назначил Кишечника министром внутренних органов? Только не говорите, что это сделал я. Не поверю. Как он может контролировать деятельность этих самих органов, находясь на задворках империи? Что он видит, кроме потока криминальных элементов?

Кишечник, без всяких признаков протеста, хмуро сидел и болезненно морщился.

– Вы посмотрите на него! У него же на роже написан ге-

моррой. Снять с поста и подлечить. Министр Пищевод! Какой дрянью вы всё время нас пичкаете? У меня самого уже голова кругом идёт. От недостатка кислорода начинают заплетаться извилины. На официальных раутах бывает стыдно за собственное поведение. Отвечайте!

Пищевод, долговязый тощий субъект, возразил:

– Ввиду регулярной и стабильной нехватки валютных средств, закупать импортные продукты не представляется возможным. Средств же из нашего фонда едва хватает на самые дешёвые и неприхотливые изделия. И кто-то из высокопоставленных чинов постоянно требует алкогольную продукцию в неограниченных количествах. И почти весь бюджет мы вынуждены тратить на эту прихоть.

Кто-то глупо хихикнул. Мозг возмутился:

– Ну, какой в подобной ситуации может быть смех? И кому это так весело? Ещё под кайфом? Я попрошу оставить подобные выходки раз и навсегда! Инфляция сжирает все внутренние ресурсы, и мы грани государственного дефолта. Если наша страна вытянет ноги, нам придётся погибнуть вместе с нею. Волен-с или не волен-с, но мы патриоты поневолен-с. Ха-ха-ха! Видите, из-за вас у меня самого сбои. Заплетённые извилины порой выдают такие пируэты, что диву даёшься – откуда что берётся. Алкоголь – страшная и опасная сила! Теперь я понимаю, почему Ельцин дирижировал, пританцовывая, оркестром при разломе Берлинской стены. Он этого не хотел, но делал. Ладно, вернёмся к нашим баранам.

Точнее, к одному. Так вот, пока наша страна отдыхает, мы, вместо того, чтобы усмехаться, должны найти выход из тупикового положения. Или понуро сложить руки и ждать, когда нас всех сожрут черви, или кремируют? А скажите мне, любезные, кто это постоянно требует водки?

– И пива, – глухо сказала правая почка, державшая, на пару с левой, портфель министра очистных сооружений.

– Что с левой? – поинтересовался президент, видя упадническое настроение второго чистильщика страны.

– Из-за больших нагрузок она не в состоянии больше работать. А тут ещё недавно её камнями завалило. Еле дышит. Я тоже скоро сдам последние анализы и всё. Больше из меня уже ни хрена не выжать.

Мозг, тяжело вздохнув, на минуту прикрыл уставшие и покрасневшие глаза.

– Положение хуже, чем я думал. У премьер-министра – цирроз, у министра внутренних органов – геморрой, министры фильтрации на грани смерти. Как обстоят дела у министра внутренних ресурсов? Как ваше здоровье, уважаемый?

Министр Сердце, бледный и с одышкой, с дрожью в голосе тихо ответил:

– Потоки, текущие по нашей стране, сильно загрязнены ядохимикатами и другими некачественными примесями. Очистные сооружения не справляются. Я сделал запрос у начальника метеослужбы Лёгких, но он ответил, что ввиду густых облаков табачного дыма, делать какие-либо прогно-

зы не представляется возможным. Я, работая и днём и ночью под нагрузкой, изнашиваюсь и прихожу в негодность. Уже который год страдаю аритмией. Боюсь, надо готовиться к худшему.

– Кто заказывает контрафактный алкогольный товар?

Президент заорал так, что что всколыхнулась спящая страна. Тихонько застонала и, всхрапнув, опять уснула.

– Простите меня, коллеги, – сказал сморщенный, скукоженный, покрытый язвами министр переработки сырья Желудок. – Я сам стал заложником ситуации. По своей глупости и слабохарактерности в своё время поддался на уговоры криминального авторитета по кличке Алкоглист, и был втянут в его нечистоплотные авантюры. А потом засосало. Он и его дружки требовали всё больше и больше спиртного, а я уже отказать не мог.

Всё время министр как-то странно причмокивал и облизывал пересохшие губы. От взгляда Мозга это не укрылось.

– Сушняк? Страдаешь? Поделом! Ты подставил под удар всех нас и нашу страну. Вот что, по твоей милости, завтра будет делать страна, когда проснётся? Правильно, обратится к странам-соседям о единовременной экономической помощи. А куда пойдёт взятый кредит? На контрабанду спиртного. Министр снабжения! Ты можешь не пропустить этот товар?

– Могу! – уверенно ответил Пищевод. – Только он может стать у моего зама Носоглотки поперёк глотки. А это чрева-

то.

– Верно, – вынужден был согласиться Мозг. – И что нам делать? Кого нам избрать премьером, чтобы он мог ежеминутно, ежесекундно контролировать все происходящие в стране процессы, и найти выход из безвыходного положения? Я, к сожалению, вынужден признать некоторую ограниченность своей власти. Стоит нашей стране взять кредит, как она безжалостно напускает на меня такой плотный и липкий туман, что не то что руководить, я слова сказать не могу. Наши синоптики о нём сообщают своим кашлем, но уже поздно. И приходит что? Анархия.

Умолк президент, молчали и все остальные.

– Может, у кого-то есть хоть какие-нибудь предложения? – без особой надежды, ни на кого не глядя, спросил Мозг.

– Есть, – послышался неизвестно откуда тихий голос.

Повсеместная обречённость сменилась любопытством и искоркой утерянной было надежды на возможное спасение. Президент, не спрашивая о личности потенциального спасителя, вяло махнул рукой.

– Давай, валяй – выкладывай.

– У меня предложение выбрать ещё одного президента.

Неслыханная дерзость! Посягнуть на безоговорочный авторитет!? Даже Мозг изумился до крайности:

– Это кто такой смелый, что хочет меня сменить на моём незыблемом посту?

Голос тактично и вежливо возразил:

– Ни в коем случае, господин президент. Не сменить, а составить вам компанию. Сделать тандем, при котором мы сможем круглосуточно контролировать всю территорию. Первое время, при вашей туманности, по вашим же словам, большую часть ответственности и обязанностей я готова возложить на себя. – Кругом зашушукались: «кто это? женщина?» и глупо завертели головами, но как ни старались, никого увидеть не смогли. Голос меж тем продолжал говорить. – Позже, когда нам удастся локализовать очаги смут и посторонних вторжений, а они, при вашем непосредственном попустительстве, происходят, главенство управления страной я вновь уступлю вам, и готова довольствоваться вторыми ролями. Такова моя участь... в большинстве случаев.

Мозг размышлял. При отсутствии тумана, он мог очень даже здраво и логически мыслить. Наконец, сказал:

– Мне показалось, вы хотели добавить – к сожалению, но дипломатично решили излишне не накалять обстановку?! Где, в таком случае, гарантии, что вы единолично не узурпируете власть? Такое в истории случается сплошь и рядом.

– Вы мне необходимы. Для гармоничного развития и процветания государства, управлять нам необходимо вместе.

Мозг ехидно ухмыльнулся:

– А почему вы так уверены, что я, при стабилизации обстановки, грубо говоря, попросту не вышвырну вас вон?

Ответ был таким же спокойным:

– Это очень даже может быть. Подобное в истории также случается сплошь и рядом. Даже чаще. Я знаю множество стран с разными формами правления. Где есть вы, но нет меня – таких большинство. Где есть я, но нет вас – есть и такие. Я не скажу, что это плохо, но это печально. Есть и такие, где нет ни вас, ни меня – это страшно. Но изредка встречаются, где мы вместе – и это прекрасно! И я думаю и надеюсь, когда всё нормализуется и наступит благоденствие, вы ещё будете просить меня остаться. Потому что вы поймёте, что в конечном итоге я приношу только выгоду, и не причиняю никаких неудобств. При этом я веду себя тихо и скромно. Поверьте, – вы будете рады!

И президент согласился:

– У нас безвыходная ситуация, и мы примем любую помощь, если она исправит положение дел. И я при всех обещаю вам, если таковое случится, управлять страной будем вместе!

Все присутствующие оживились и зааплодировали. А голос уже громче сказал:

– Я уверена, что это будет лучшее правление в истории нашей страны. Пришло время вписывать яркие страницы в эту тусклую, если не сказать мрачную, книгу. Итак, договор заключён?

Тут страна опять начала подавать признаки пробуждения, и президент Мозг торопливо воскликнул:

– Да! Но кто же вы?

– Я – душа!

ДУХОВНЫЙ ШЕДЕВР

В один прекрасный солнечный день, что случилось в природе из-за повышенной облачности и сильных туманов всё реже, Единый Правитель Земли по такому, а возможно и не только, случаю находился в особенно благостном расположении духа и приподнятом настроении, что всегда настораживало его подданных. Все уже по горькому опыту знали, что именно в такие минуты в глобальном мозгу их хозяина рождались самые каверзные причуды и самые сумасбродные идеи. Кто-то неожиданно мог взлететь, а кто-то, ранее взлетев, ещё более неожиданно, стремительно упасть. Причём – навсегда.

Приближённые ждали и трепетали, нервозно урча желудками и покусывая пересохшие губы. И вот, после обильного обеда с умеренным винным возлиянием, монарх всея Земли озвучил давно всеми ожидаемый очередной свой каприз. Так думали все несведущие, коих было подавляющее большинство, включая весь кабинет министров. И лишь единицы что-то понимали, но скромно предпочитали помалкивать и прятаться за спинами глупых и самодовольных карьеристов.

– На вашем носу, преданные мои соратники, величайший день истории человечества, – сказал он, благодушно

улыбнувшись, отчего верноподданные слуги, зная цену этой улыбки, поёжились от побежавших по телу мурашек. – Догадываетесь, какой?

Все испуганно стали переглядываться, взглядами спрашивая друг у друга ответа. Величайший день случался раз в году, когда всё население планеты пышно отмечало восшествие монарха на мировой престол. Но его отмечали пять месяцев назад, а значит, до следующего ещё целых семь месяцев?! Но какой ещё величайший день на их, так сказать, носу? И не просто обычно величайший, а величайший для всей истории человечества?! Ум заходил за разум, а извилины переплетались между собой почище хромосом ДНК.

– Даю подсказку, – Правитель метнул на толпу огненный взор. – Через месяц, если верить одному древнему маразматiku и шизофренику, наступит роковая дата моего правления, самого справедливого и счастливого за всю человеческую эволюцию. Вот скажите, верные мои, – на этот раз глаза монарха искрились лукавством, – какое число единиц времени я мудро правлю этим противоречивым, эгоистичным миром, не щадя своего здоровья?

Человеческая масса зашевелилась. Первым, как и положено, ответил премьер-министр:

– Три года и пять месяцев, ваше всемирное величество!

– Молодец, – похвалил Правитель, – не даром ты премьер. Первым подсчитал, даже пальцы загигать не понадобилось.

Пылая завистью, решил отличиться министр экономики.

– Сорок один месяц, ваше величайшее величество! – радостно выкрикнул он.

– О, я вижу, что экономика планеты в надёжных руках, – растягивая слова, негромко пропел монарх.

Одурманенный столь лестными словами, планетный экономист осмелился мельком взглянуть на своего господина, и чуть не упал в обморок, увидев двусмысленную ухмылку и пронизывающий, жёсткий взгляд. Его избавил от затруднительного положения министр демографического контроля, который, решив переплюнуть всех, горда заявил:

– Тысяча двести сорок пять дней, ваше владычество! А если эту цифру перевести в часы...

– Не надо, – остановил креативного министра Правитель. – Вижу отчётливо, что и народы моего царства находятся под бдительным и всё считающим оком лучшего математика. – Шутя, похвалив главного контроля населения планеты, серьёзно добавил. – Все вы ответили правильно, но никто не ответил на главный вопрос. Так какой, всё-таки, день наступит через месяц, когда исполнится ровно три с половиной года моего золотого правления всей планетой? Или сорок два месяца? Или тысяча двести семьдесят шесть дней?

Подданные вновь приуныли, ожидая взбучку, но Правитель, снисходительно усмехнувшись, смилостивился.

– Ну ладно, – грустно сказал он, – не знаете, оно, может, и к лучшему. Да и откуда, собственно, вам знать, когда все источники враждебной информации давно уничтожены на-

чисто?! – И, чуть помедлив, перешёл от причины к следствию. – Как я уже говорил, всё это время я правил мудро, не щадя сил и здоровья, пытаюсь политически и экономически усовершенствовать общий миропорядок. И вот, когда дисциплина и стабильность достигли высшей точки, когда мы уже вышли на финишную прямую к полной иерархической гармонии нашего общества, я вновь ощущаю некоторый упадок творческих, созидательных сил.

И мировой монарх обвёл присутствующих пронизывающим хитрым взглядом, вынудив тем самым тех, во избежание нежелательных для них эксцессов, заблаговременно опустить головы, выражая почтение и покорность. Но больше всего они боялись нечаянно встретиться глазами со своим господином, которому достаточно было доли секунды, чтобы увидеть все их потаенные мыслишки.

– Да, – продолжил Правитель, потрянув белокурой головой, – я немножко устал, видя в корне неисправимость человеческой природы. До сих пор не всех устраивают мои реформы, хотя я дал главную свободу – полное освобождение от всех идиотских моральных запретов и нравственных ограничений! Человек стал свободен от оков и пут мракобесия христианских догм, долгое время висевших дамокловым мечом над истинной сутью души! Но останавливаться на достигнутом я не собираюсь! Кто не желает стать человеком через пряник, будет становиться им посредством кнута! Давно пора очистить планету от всех отщепенцев и уродов, мешаю-

щих прогрессу под моим началом и фанатично ждущих своего мифического героя-спасителя! И я, с вашей помощью, сделаю это! – И продолжил в более спокойном тоне. – Однако, милые мои, мне нужен мощный приток духовной энергии. Особенно, в свете грядущей даты. Мало ли что. Как бы там ни было, но я должен быть во всеоружии, чтобы при любых обстоятельствах оказаться на высоте. Не ударить, что называется, лицом в грязь, а всей своей мощью ударить по глупому суевию. Так вот, дражайшие помощнички, где отыскать подобный источник духовной энергии?

Нарушить воцарившуюся гробовую тишину боялись не то что голосом, но даже шорохом, а потому верноподданные помощнички замерли намертво, лишь головы свесились ещё ниже.

– Вот те на! – с наигранной досадой воскликнул Правитель. – В один момент все вдруг окаменели, даже кабинет министров во главе с умнейшим и храбрейшим премьером превратились в мёртвых истуканов. Нет, господа, вы это бросьте, с живыми истуканами мне как-то веселее. Отомрите, прошу вас!

Все облегчённо выдохнули, а некоторые даже осмелились изобразить на лицах подобие улыбки, что показалось монарху в данной ситуации верхом наглости.

– Напрасно, господа, – дружелюбно сказал он, – вы считаете приближающуюся дату чем-то легкомысленным и забавным. По секрету скажу, что даже меня это слегка напряга-

ет, вызывая эмоциональное раздражение от острого противоречия ума, который прекрасно осознаёт всю абсурдность потенциального мифического события, с обычным животным страхом, который, поверьте, живёт даже во мне, величайшем из величайших. – В очередной раз бросил на толпу хитрый и презрительный взгляд. – А для вас, высокочтимые, но примитивные создания, этот день будет самым серьёзным мероприятием, или, пожалуй, испытанием, возлагающим большую ответственность как каждого из вас в отдельности, так и на всех жителей моей прекрасной планеты в целом. У всех появляется шанс отличиться и повысить свой жизненный статус. Есть возможность, господа, взлететь до невиданных высот!

Монарх замолчал, что-то соображая, а сообразив, продолжил прерванную речь:

– Да, именно так. А посему, слушайте мой величайший указ, который приказываю немедленно разослать во все уголки и закоулки суши, воды и воздуха. Итак, тому, кто доставит самую большую ценность, обладающую невероятным потенциалом духовной энергии, этакий сверхдуховный шедевр, я дарую на целый год должность Первого Помощника Правителя. То есть – меня, с правом самостоятельного управления всей Земной Империей. – И, ласково ухмыльнувшись, закончил. – Естественно, под моим пристальным наблюдением.

И уже совсем напоследок, грозно выставив вперёд указа-

тельный палец и не менее грозно насупив брови, Правитель назидательно внёс дополнение к озвученному указу:

– Но прежде, чем сдуру вздумают тащить в мой дворец всякий хлам, в виде искусных золотых статуй и прочих драгоценных поделок, и так называемых шедевров древнего и современного искусства, в частности – живописи, в которых, за редким исключением, вместо духовной составляющей проступает лишь напыщенная гордыня, глупое тщеславие и откровенное безумие, а в лучшем случае – примитивное копирование бытия, пусть вспомнят о творческой участи своих предшественников.

И все присутствующие мгновенно вспомнили то, чего никогда не забывали. А именно – насколько призрачна и хрупка человеческая любовь к власти и славе, вера в справедливость монарха и надежда на своё счастливое карьерное будущее. Как часто они зависят от всякой мелочи и безделицы. И как часто случается, что благие намерения угодить повелителю, с исключительно альтруистическим желанием сделать тому приятное, оборачиваются не просто крахом безобидных и возвышенных помыслов о личном повышении, но часто превращаются в трагическую невозможность удержаться не то что на прежней ступени карьерной лестницы, но и вообще, удержаться на этой крутой, винтовой лестнице. И человек, с выпученными от страха и разочарований глазами, либо падает в пролёт и насмерть разбивается, либо кувырком катится вниз, судорожно хватаясь за шаткие

и скользкие перила. Никакая другая лестница в мире не таит в себе столько опасностей и коварства.

Уже никто не мог дать – разве что тюремная канцелярия – точную цифру бывших высокопоставленных подданных Правителя и самих его наместников в многочисленных регионах планеты, которые, поставляя духовную пищу своему повелителю, впадали в немилость и оставались у него в гостях навсегда. Но не в качестве помощников, о чём глупцы мечтали, а в печальном статусе пожизненных узников, но, правда, с призрачной возможностью освобождения, если кому-нибудь из них удастся в философском уединении создать истинно духовный шедевр. Все с ужасом и содроганием вспоминали грозный рык Правителя: «На кой хрен вы тащите ко мне всю эту мазню?! Всю эту словесную галиматью?! Все эти симфонии и оратории?! Какая душа может быть в этих бездарных, никчемных, пустых «шедеврах»? Всё истинное давно мной поглощено, но это единицы, а всё остальное – фальшь, ложь и пошлость! Они хороши для вас, ханжей и лицемеров, но для меня они пусты, как дырка от бублика! Прочь! Убирайтесь... вместе с этими творениями в свою новую квартиру, которая отныне будет вам служить и творческой мастерской. И это будет продолжаться до тех пор, пока я не увижу в вашем «шедевре» хоть частичку вашей души».

И живут в подземелье новоявленные художники, композиторы, скульпторы, писатели и поэты, в бесплодных усили-

ях пытающиеся создать каждый в своей сфере хоть чуточку что-то духовное. Но так до сих пор ещё ни один узник не покинул своей подземной мастерской. Хотя многие, не выдержав стресса духовных поисков и многолетних душевных терзаний, впадали в разные степени шизофрении и паранойи, и создавали вполне пригодные, по странным человеческим меркам, шедевры, ничуть не уступающие мировым светилам искусства. Вот только Правителю все эти творения не нравились, и он, невежда, приказывал тут же, в камине, их сжигать живьём, опровергая утверждение, что рукописи не горят, и грозя в следующий раз сделать то же самое с автором, отчего болезнь обострялась и творческий поиск безуспешно продолжался. Все этим несчастным гениям сочувствовали, всячески их жалели, чётко осознавая, что после очередного большого праздника любой их них может запросто пополнить славную когорту подземных творцов прекрасного.

Несомненно, что недовольство таким положением дел росло как снежный ком в жаркую летнюю пору. Все заинтересованные лица были крайне возмущены и что есть силы мысленно орали: «В таких условиях просто опасно делать карьеру честному и порядочному человеку! Исчезла нормальная конкурентная интрига: с компроматом, с подлостью, с предательством! Лесть стала не грозным оружием, а детской игрушкой! Подарки стало дарить страшнее, чем не дарить вовсе! А дарить необходимо! Не жизнь, а кошмар!»

Но как бы там ни было раньше, а в данную историческую минуту видеозапись высочайшего указа разнеслась электронными гонцами по всем уголкам и весям планеты. Региональные князья и герцоги с воодушевлением приняли эту весть и в мрачной тоске погрузились в жуткую депрессию. Найти что-то истинно духовное в насквозь прогнившем пороками обществе уже не представлялось возможным. И тщетно рыскали по самым неприступным и глухим местам земного шара и спецслужбы, и добровольцы, в надежде отыскать хоть одну, хотя бы относительно чистую душу, но всё было напрасно. Либо их всех уничтожили, что вызывало в Правителе большие сомнения, либо сломали и подчинили, либо они искусно прятались и маскировались. Охотники знали и умели их искать, но и они, непокорные, научились замечать следы и прятаться. И всё же...

Сколько бы ни существовало в фантазиях людей машин времени, начиная от Герберта Уэлса, в данной землянам реальности ни убежать в смутное прошлое, ни прыгнуть, сломя голову, в неопределённое будущее ещё никому не удавалось. А значит, великий и страшный день неминуемо настал для всех и каждого.

В огромном банкетном зале Императорского Дворца, в ожидании праздничной трапезы и развлекательной шоу-программы, все гости выстроились по обе стороны длинного пушистого ковра, раскинутого от входной двери к золотому трону монарха, который был сплошь и рядом инкрустиро-

ван драгоценными камнями. Тяжкие муки ожидания сменились робкой и трепетной надеждой, что на этот раз внеплановый всенародный праздник пройдёт без грома и молний. И на то были весьма веские причины.

Правитель, уже зная, что ему доставили нечто эксклюзивное и неординарное, доселе ещё никогда и никем невиданное, выглядел ещё более грозным и неприступным. Он опасался очередного подвоха и собственного разочарования.

– Ну, – рыкнул он нетерпеливо, – долго ещё собираетесь томить своего повелителя нервным ожиданием? Показывайте уже ваш грандиозный сюрприз! И смотрите, если этот сюрприз не впечатлит меня, то мой сполна впечатлит вас. Давайте-давайте, вводите вашу энергетическую личность! Давненько я не встречал душевных людей?!

Управляющий Восточным округом вышел на центр ковра, низко поклонился в сторону трона и, пятясь в таком положении, дошёл до входной двери. Обернувшись, с силой распахнул двустворчатую дверь и хрипло скомандовал:

– Следуй за мной!

И нетвёрдым шагом, опустив глаза долу, медленно стал приближаться к молча наблюдавшему Правителю. Следом волочил скованные цепью ноги человек лет тридцати с лишним, а уже за ним тупо следовали двое охранников. Процессия не дошла до трона шагов семи, как хозяин восточных территорий резко остановился, сделал очередной низкий реверанс, приложив правую руку к груди, и, совершив шаг с по-

дуоборотом в сторону, протянул левую руку по направлению к «человеку-сюрпризу» и дрожащим голосом опять прохрипел:

– Вот, мой господин, подарок, который я нижайше прошу принять от недостойного слуги.

Монарх с презрением и недоверием осмотрел стоящего перед ним мужчину, зорким глазом пытаюсь проникнуть в глубинные недра души, но, видимо, ему этого сделать так и не удалось, так как он, ничуть этим не огорчившись, отвёл взгляд в сторону и откинулся на спинку трона.

Мужчина понуро стоял, свесив голову, длинные чёрные волосы ниспадали на плечи и лицо, на котором были видны лишь небольшая бородка и усы. Одет он был в короткую кожаную куртку коричневого цвета и выцветшие синие джинсы, заправленные в чёрные сапожки. Человек казался спокойным и равнодушным, будто всё происходящее его вовсе не касалось.

В зрачках мирового повелителя сверкнуло гневное раздражение с оттенком внутренней опустошённости.

– Что за бродягу ты мне притащил? – спросил он сурово и впился глазами в своего вассала. – Этот грязный хиппи и есть высоконравственная личность? Духовный шедевр? Ты, наверное, совсем обезумел, коль рискнул издеваться над своим хозяином?!

Управляющий задрожал как осиновый листок, ощутив толстой вспотевшей шеей холодное прикосновение остро-

го лезвия топора. Нить жизни, ещё минуту назад казавшаяся прочным канатом, на глазах превращалась в тонкий волос, грозящий оборваться в любую секунду.

– Ваше могущество! – он неистово бухнулся ниц, яростно ударившись лбом о пушистый ковёр. – Истинная правда! Всё так и есть!

– Что, истинная правда? Что, так и есть? – гнев монарха сменился озорством. – Что ты обезумел? Что ты надо мной издеваешься?

– Никак нет! – закричал попавший впросак слуга. – Да разве я могу себе такое позволить! Да лучше я умру, не сходя с этого места! – вдруг, испугавшись сказанного, поправился. – Да лучше я вернусь домой и приму яд! Да лучше я...

– Довольно, – оборвал Правитель поток суицидальных угроз подчинённого в свой адрес. – Дело говори. Пока даю такую возможность.

Управляющий окончательно вспотел и задрожал всем телом, что бросилось в глаза всем присутствующим, злорадно сочувствующим своему коллеге. Он начал лепетать:

– Я и говорю... я стараюсь... я пытаюсь... я волнуюсь, ваше величие!

– Это вполне естественно, когда ещё не разделён головной мозг со спинным. Успокойся и докладывай.

– Слушаюсь! Всё так и есть, он самая что ни на есть духовная субстанция! – и тут управляющего прорвало. – Да ещё какая! Он светится! Я сам видел! Он что-то рассказывал тол-

не таких же бродяг и бездельников, а от него исходило сияние! Я бы сам никогда не поверил, если бы не видел это собственными глазами! Иначе я бы не посмел... я никогда не посмею вас обмануть!

Монарх прищурил глаза и едва заметно усмехнулся.

– Так где ты отыскал это «чудо»? – спросил он. – И что с остальными?

– Мы их с трудом обнаружили в самой гуще сибирской тайги. – По-прежнему дрожа и страшно потея, лепетал подданный. – Мы даже не догадывались о их существовании. Как ни странно, но у этих бродяг оказался неизвестный прибор, блокирующий все наши сигналы. Это что-то новенькое в мире электроники. Я его также прихватил с собой. Если желаете...

– Потом. Что с остальными отщепенцами?

– Как прикажете. Вся банда схвачена! Все в тюрьме, откуда им никогда и ни за что не выбраться!

– Ты заблуждаешься, глупец.

Услышанное потрясло и вызвало шок. В тот момент не сразу все поняли, кто это сказал. Подданные с испугом и недоумением стали переглядываться в поисках источника дерзости, и страшно опасаясь, чтобы ненароком подозрение не пало на кого-то из них. Лишь единицы и сам Правитель всё поняли.

– Да как ты осмеливаешься подавать свой мерзкий голос, без моего на то разрешения? – грозно рявкнул монарх. – Ты

грязный земляной червь!

Пленник, не поднимая глаз, глухо ответил:

– Да, я всего лишь грязный земляной червь, который, однако, подточит фундамент твоей лживой и вероломной власти. И она в скором времени рухнет.

Правитель всея Земли от негодования покраснел, как рак на кипящей сковородке, и лишь большим усилием воли совладал с собой, и уже с долей иронии, ещё, правда, немножко нервной, спросил:

– И как же ты, наглец, без армии и оружия, собираешься это сделать?

– Да мне, собственно, и делать-то ничего не придётся, – хладнокровно ответил «человек-сюрприз», упрямо не поднимая глаз. – Срок бесчестия и позора человеческого подошёл к концу, грядут великие перемены. Ведь это я сделал так, чтобы нас нашли, а меня доставили к тебе. Пробил час твоего падения, лукавый и лицемерный тиран.

На этот раз Правитель себя уже не сдерживал. Он в ярости вскочил и заорал страшным голосом:

– Да кем ты себя возомнил, ничтожество?! Неужели ты всерьёз полагаешь, стоя здесь безоружный и скованный, уничтожить меня, величайшего из людей? Стоит мне только повести бровью, как тебя сотрут в порошок! – переведя дыхание, он сбавил голосовую экспрессию. – Подними свою глупую голову, пока ещё имеешь над ней власть, потому что в самое ближайшее время она, с перекошенным поганым

ртом и испуганными глазёнками, с хлещущей кровью, упадёт с твоих плеч в корзину для мусора. А ещё через минуту её будут таскать и рвать на части голодные собаки. Ну, посмотри на прощанье мне в глаза, несчастный, пока твой взгляд не остекленел от соприкосновения с леденящим взором смерти! Не ожидал, что в такой день ко мне заявится клоун?! – И вдруг опять заорал. – Подними глаза, сволочь! Я жду!

На этот раз пленник не заставил себя ждать. Он послушно отбросил рукой волосы от лица и гордо поднял голову, смело глянув Правителю прямо в глаза. Присутствующие замерли и даже затаили дыхание. Мировой повелитель неожиданно побледнел так, будто кто-то в одно мгновение выкачал из него всю кровь, затем тяжело захрипел и грузно опустился рядом с тронem. И в это самое время сверкнула молния и грянул страшный раскат грома. Гости, находясь по-прежнему в оцепенении, в страхе мелко задрожали, готовые мысленно к бегству, но не в силах ни двинуться, ни вымолвить слова, ни даже взвыть. После первого последовал целый каскад ярчайших молний, сопровождаемых настолько мощными раскатами грома, что задрожала земля и дворец начал содрогаться.

Цепь, сковывавшая ноги странного человека, мягко упала на ворсистый ковёр, а он, ни на что не обращая внимания, упорно продолжал сверлить Правителя огненным взглядом. А в скором времени от бывшего пленника стал излучаться

свет, с каждой секундой насыщая свою яркость, пока, наконец, не сделался настолько ослепительным, что смотреть на него уже было просто невозможно.

Гости, в ещё большем ужасе, в конце концов вышли из полумёртвого оцепенения и в страшной панике, давя друг друга, бросились к выходу. Дворец начал рушиться. Правитель, ещё недавно грозный и могущественный, теперь, корчась и визжа, со стекающей слюной из перекошенного рта, ползал по полу и обезумевшими глазами, готовыми вот-вот вылезти из орбит, глядел в сияющий свет, пока они окончательно не застыли в вечном мраке, а тело, в предсмертной агонии, не выгнуло самым неестественным образом.

– Ну, вот и всё, – сказал сияющий духовный шедевр, – рухнул порочный бастион зла и ненависти. Будем созидать на этом месте добродетельный храм доброты и любви.

Но потом, после очень длительной паузы, стоя уже среди развалин и своим сиянием освещая мечущуюся человеческую глупость, горько добавил:

– Если, конечно, получится?!

Прощальная песня Любви

В первую их встречу наедине, она до неприличия пристально смотрела ему в глаза, и ей всё больше казалось,

что она действительно видит, как там, в глубинах зрачков, где как в зеркале отражается душа, вспыхивают искры влюблённости, обещающие перерасти в неугасимый огонь любви. Они мерцали звёздами, пока ещё далёкими, но тёплыми, ласкающими и манящими. Они напоминали утреннюю росу, ослепительно блестящую в лучах восходящего солнца.

Зрелище было прекрасным и завораживающим, и ей хотелось, чтобы это мгновение, как в бессмертном стихотворении, остановилось навсегда. И чтобы Солнце не поднималось выше, дабы не иссушило сверкающую влагу страсти на хрупком цветке любви. Именно такие минуты блаженства и есть то необыкновенное человеческое счастье, к которому все стремятся и которое не имеет земного сравнения и эквивалента. Оно бесценно, ибо это плод души, а не разума. Дар неба, а не чрева земли. Зов космоса, а не клич инстинкта, которому подвержены все земные твари.

Именно в такие мгновения человек становится Человеком, как созданием Божьим. Как высшим духовным существом, способным не убивать, а жертвовать, не брать, а дарить. Всё что имеет, вплоть до собственной жизни. И ради этого стоит жить!

Она безвольно утонула в его бездонных синих глазах, как в пучине моря, не пытаясь сопротивляться и кричать о помощи. Её медленно затягивало в бездну и от восхищения

собственной невесомости, она ощущала необычайный прилив счастья. И это чувство не проходило, а усиливалось с каждой секундой.

– Пётр, как мне сейчас хорошо, ты даже не представляешь! – крикнула она шёпотом и взяла его за руку.

Он действительно не представлял, насколько ей было хорошо, потому что его душа парила в таких высотах любовной стратосферы, что Пётр опасался, ещё немного – и она оторвётся от телесного притяжения и улетит в космическое пространство вечной благодати.

– Люба, а мне всё равно лучше, – нежно и просто ответил Пётр и легонько сжал руку любимой.

– Нет, Петя, – ответила Любовь улыгнувшись. – Лучше не бывает.

Они молча шли по песчаному пляжу и ангел вселенской любви, с растущими от излучений их душ крыльями, кружил над ними, укрывая влюблённых от вечерней прохлады. Насыщенная светом Солнца Луна освещала путь, отбрасывая на рыхлый песок две, неясных контуров, тени, которые медленно двигаясь, вдруг замирали и сливались в одно большое пятно. А лёгкий морской бриз обдувал разгорячённые лица

и трепал волосы, довольствуясь этим, даже не пытаясь остудить пылающие сердца.

Но в этот вечер они не замечали ни сияющей луны, ни дующего бриза, ни парящего ангела. Они были далеко. Их мысли были заняты думами о себе, но это не были корыстные помыслы прожжённых эгоистов, поглощающих энергию партнёра. Их ауры излучали сияние, наполненное мягкой нежностью, нежной заботой и заботливой любовью друг к другу, и напоминающее цветущий шар, окутавший их небесной лаской, и дарующий жизненные соки уже далеко не юным телам.

Любовь была не молода и замужем, считала себя женщиной практичной, сдержанной и давно не подверженной романтическим порывам. Работала на предприятии главным бухгалтером и уже считала, что на её жизненном пути любовный корень давно извлечён и никогда не будет больше возведён в максимальную степень восхищения.

С мужем отношения были уважительные и доверительные, без гнусных скандалов и пошлых ругательств. Появившийся год назад внук, лишь сильнее сплотил и без того крепкую и дружную семью. Дочь с зятем и внуком жили отдельно, поэтому лишних поводов к склокам не наблюдалось, а в гости ходили часто и помогали всегда и всем, чем мог-

ли. С возрастом, почему-то, обязанности возрастают. Оно и понятно, из простых родителей превратились в молодых бабушку и дедушку, а это большая ответственность – следить за двумя поколениями одновременно. Но справлялись.

Всё шло размеренно и обыденно, без эмоциональных взлётов на грани эйфории, но и без драматических падений на уровне трагедий. За что и благодарила Бога.

Всё как во многих культурных, интеллигентных семьях, имеющих необходимый достаток, но не ставящих его во главу семейного неписанного кодекса. Жизнь текла старым устоявшимся руслом, без бурных потоков и, тем более, без водопадов. Даже маленьких.

И вдруг... такое! Стандартный двухнедельный отпуск на черноморском побережье, впервые проводимый без мужа, по причине непредвиденной занятости того на работе, и будто весь мир перевернулся вверх тормашками. Заставив её, пусть красивую и ухоженную, но отнюдь не легкомысленную и давно спустившую алые паруса с фрегата романтической юности, женщину нырнуть с головой в, неожиданно и неизвестно откуда хлынувший, поток прозрачной радости и мутной неизвестности. Как горная лавина сносит всё на своём пути, так и бурная река неукротимой любви затягивает в свой страшный водоворот, где возможно только погрузе-

ние. И влюблённые романтики – слава Богу, есть ещё такие – или глупцы, близкие по духу первым, павшие жертвами стрел неразборчивого и озорного Амура, забывая о солидном возрасте и примерно о таком же общественном положении, погружаются в пучину с глазами безумца, жадно раскрыв рты, не боясь захлебнуться.

Любовь не вздыхала томно и не восклицала мелодраматических фраз, наподобие: «О Боже! Что я делаю?!» С тех пор, а это случилось на четвёртый день приезда, как она увидела Петра, бросив небрежный и мимолётный взгляд на соседний столик за обедом в пансионате, время остановилось, потому что их взоры соприкоснулись. Вокруг что-то происходило и двигалось, но для них это уже не имело ни малейшего значения. Реальность разбилась о высокую вершину возвышенного вдохновения и раскололась на две части. В первой осталась любимая семья, а во второй появился ОН. С первой Любовь вела ежедневные телефонные разговоры, а со второй – ежедневные беседы и ежевечерние немногословные прогулки, с жаркими поцелуями и нежными объятиями. Первой реальности, по-детски краснея и волнуясь, она цинично лгала, второй, задыхаясь и трепеща, отдавала всю себя, без остатка. Все здравые мысли, нагоняющие печаль и уныние, Люба гнала прочь, как и мысли о ближайшем будущем – неминуемом расставании. О плохом думать не хотелось.

Петру думать не хотелось вообще, но не думать он не мог. Он думал всегда и везде. Постоянно. Мысли сами рождались и нагло, отталкивая друг дружку, врываются в сознание, даже ночью. Ещё полностью не проснувшись, между сном и явью, лёжа с закрытыми глазами, а мысли, узревшие тонкую щель умственного рассвета, нахально бросались в светящийся проём.

Сейчас, когда они вдвоём молча нежились упоительной вечерней благодатью и близостью собственных сердец, стучавших в унисон такту космической гармонии, Петра, почему-то, захлестнула ностальгическая волна воспоминаний. Кадры его жизненной киноленты прокручивались невидимым механиком, а из глубин душевных недр к горлу подкапывал ком необъяснимой тревоги. Это чувство, сродни животному инстинкту или сверхъестественной человеческой интуиции, появлялось у него всегда перед грозившей опасностью. Но Пётр прекрасно знал, что это не инстинкт и не интуиция. Это чувство гораздо сильнее и инстинкта самосохранения, и типичной интуиции, предвещавшей несчастье. Оно не раз спасало ему жизнь. Это чувство имело противное, липкое и в то же время скользкое имя, знакомое всем и не уважаемое никем. Это был страх. Всеобъемлющий и поглощающий, часто превращающий человека в мразь.

Так было в Афганистане, когда «духи», вырезав часовых, подбирались к полевой казарме, именно страх поднял Петра среди ночи и заставил выйти в темноту, освещаемую луной, и поднять тревогу. Только он, страх, не позволил там же, в Афгане, попасть в западню его роте и не быть уничтоженной в окружении «моджахедами». Пётр был тяжело ранен. За первое он получил старлея и медаль, за второе – капитана и орден. Пётр был героем. Для всех. Но только он сам точно знал, кем он был на самом деле. Пётр с самого детства был трусом. Будто ген страха, если таковой существует, был врождённым и передавался по наследству.

У него не было веских оснований давать утвердительный ответ на этот спорный вопрос, как, впрочем, и категорично опровергнуть эту нелицеприятную гипотезу Пётр также не имел возможности, за отсутствием наглядных аргументов. Он сильно любил своих родителей, и думать о них плохо не хотел, да и не имел на это морального права. Они были добрыми и ласковыми, и Пётр не мог вспомнить ни одного серьёзного скандала. Папа работал на заводе токарем, а мама на том же заводе лаборантом. Родители для него всегда были примером, а это самое главное. Главнее было только то, что в нём жил неизвестно когда поселившийся трус.

Как бы то ни было, но ещё в подростковом возрасте у Петра хватило храбрости это признать и начать беспощад-

ную борьбу, а точнее – объявить собственному страху тотальную войну. Превозмогая оцепенение и дрожь, давя подступающую тошноту, Петя отчаянно ввязывался в потасовки. Один против двоих, против троих, да плевать – сколько их там! Он занимался боксом, затем – то запрещённым, то разрешённым – каратэ. А когда пришло время делать жизненный выбор, Пётр, без раздумий, поступил в военное училище. А через пять лет, будучи зелёным лейтенантом, попросился добровольцем в Афганистан, написав о своём желании в анкете ещё курсантом.

Пётр пользовался уважением старших и авторитетом младших, но никогда не позволил себе оскорбить или обидеть не только равного себе, но и рядового солдата. К нарушителям он применял дисциплинарные взыскания, предварительно проведя серьёзную и жёсткую беседу, но ни одного бранного слова никто от него не слышал. Его не все понимали и за спиной посмеивались. Но это, скорее, из зависти. Любой человек, не обладающий благородными качествами, завидует человеку, у которого их в достатке. А зависть порождает ненависть, отпрысками которой являются подлость и коварство. Всего этого Петру также хватило, но ни один завистник не мог его упрекнуть в трусости и малодушии. Он всегда был впереди, испытывая себя и искушая судьбу.

А судьба Петру благоволила, выказывая свою благо-

склонность за несгибаемую стойкость, силу воли и доброту, позволяющие ему в любых обстоятельствах оставаться человеком. Однажды его замполит сказал: «Знаешь, Петро, о таких как ты говорят, что они родились в рубашке. Чувь это! Ты поцелованный Богом! Это я тебе говорю со всей ответственностью, как член КПСС».

Уже тогда Пётр понял всю несправедность той войны, и что все они жертвы сильных мира сего. Их политических интриг и амбиций, когда не только офицер, сознательно посвятивший себя военному делу, но и обычный солдат, ещё вчера обычный юноша, со своими мечтами и планами, вынужден был, связанный лукавым долгом и хитроумной присягой, забирать чужие жизни и отдавать свою, на самом деле неизвестно зачем и непонятно за что. Он чётко осознал, что всякая идеология от власти, это коварная ловушка для человека. Когда верхи, живя по своим правилам, алчным и безнравственным, призывают свой народ жить скромно, самоотверженно и патриотично.

Он понял, что государство, как всякая социально-политическая организация, для всякого его члена структура противоречивая. Но всегда больше поработощающая, чем освобождающая. Вяжущая человеческую свободу совести, а значит – выбора, колючей проволокой и железными оковами. Сначала – аллегорически: клятва, долг и закон. Которые за-

частую лживы и несправедливы и диктуются в ультимативной форме и в одностороннем порядке – сверху вниз. А если кому-то не нравятся некоторые виды аллегорий и человек бунтует, то колючая проволока и железные оковы из аллегорий превращаются в повседневное бытие.

Особенно многочисленны долги человека перед государством. Они столь же красивы, как и коварны. Советский Союз, ещё не подозревая о своей близкой кончине, придумал ещё один долг – интернациональный. И если бы этот долг оплачивался государственной казной в виде гуманитарной помощи одного государства другому, то честь ему и хвала. При условии, конечно, что все свои граждане сыты, одеты и живут в комфорте. Но если свежеиспечённый интернациональный долг государство насильно принуждает собственных граждан платить своими жизнями и здоровьем, то само государство становится главным государственным преступником.

И ведь ради чего? Чтобы помочь одним политическим негодьям уничтожить других политических негодяев и захватить власть. Петру, от такого понимания, было противно на душе. Причём, – до самой глубины души.

Не найдя себя в армии после возвращения из горячей точки, как принято было говорить, и после падения не толь-

ко Берлинской стены, но и громадного государства, Пётр, закончив школу МВД, посвятил себя уголовному розыску. Где добросовестно продолжил уже другую войну – с увеличившейся преступностью и со своим закадычным врагом – страхом, который нигде не погиб, не умер от испуга и никуда не эмигрировал. Здесь он принял другую присягу, более близкую пониманию и сердцу – защищать людей!

В непростое, искажённое повальной коррупцией и рэкетом, время, Пётр умудрился остаться честным и порядочным офицером и человеком, рискующим собственной жизнью и не подставляющим товарищей. Как доказательство, ещё одно ранение и ещё одна награда. Нечистоплотными аферами и грязными интригами не занимался, не допуская подобных деяний и от своих подчинённых и коллег, что также не у всех вызывало понимание.

Находясь в больнице после ранения, влюбился в медсестру и, ничуть не задумываясь, женился. Появились дети – два мальчика и девочка. С годами Пётр дорос до начальника уголовного розыска, перейдя окончательно к руководящей кабинетной работе. Всё было прекрасно, кроме одного. Страх – подлый, мерзкий, липкий – сидел в глубине его сущности, посаженный под замок, но не уничтоженный окончательно, цинично хихикал и злорадствовал. Его никогда никто не видел, Пётр не дал ему ни малейшего шанса себя показать, но

он точно знал, что страх глубоко внутри продолжает жить.

Когда Петру исполнилось пятьдесят лет, три года назад, он плюнул на все страхи, плюнул на бесполезную с ними борьбу и ушёл на почётную пенсию, чтобы просто жить. Устроился в солидную фирму – благо с его репутацией он мог выбирать – начальником охраны и пошли стабильные, спокойные и сугубо мирные пенсионно-трудовые будни. Что ещё желать в этой жизни?!

И вдруг, на финишной прямой земного бытия, любовь пронзила насквозь: и сердце, и мозг, и душу. Любовь заполонила всё. Он и представить не мог, что способен на такое безумие! И вот тут, как человек прошедший горнило войны, Пётр понял, что ранение пулей ничто в сравнении с ранением любовью. Контузия полная. Такого с ним ещё не было, даже тогда, когда он ухаживал за будущей женой Ириной.

Находясь на пике душевного блаженства, десять дней пролетели как одно мгновение. Любовь, в своей слепоте, беспощадна к своим жертвам. Ей безразлично их будущее, она живёт только настоящим. Только здесь и сейчас. И только в момент наивысшего своего полёта, она становится сильнее смерти. Но, как это не печально для влюблённых, очень часто нашу жизнь определяют обстоятельства, а ещё долг и честь, и самое главное – совесть! Которая, кстати, и являет-

ся – должна являться – мерилom человека всех эпох, хотя её и пытаются веками уничтожить, а на её место водрузить скользкий успех и коварную славу.

Сегодня был последний день счастья. Завтра будет печальный день разлуки. Возможно, навсегда. Может, именно поэтому они молчали больше обычного и думали каждый о своём, только ещё нежнее прижимаясь друг к дружке. Вечер был чудесный, но и он грозил в скором времени перерасти в ночь, и заранее предупреждал, что пора возвращаться в пансионат, который на десять дней превратился для них в храм любви. Десять дней, потрясшие их внутренний мир. Так много и так мало. Эх, если бы суть времени заключалась в часовом циферблате, то лёгким движением пальцев... Они в унисон вздохнули, отчего грустно улыбнулись, уличив себя в единомыслии, поцеловались и медленно повернули в обратную сторону.

И тут появилась нечисть. Нет, она не имела ни рогов, ни копыт, ни хвоста. По крайней мере, они были ловко спрятаны от глаз внешнего мира. А глаза обычных граждан могли наблюдать троих, модно одетых молодых людей, может быть, немножко под градусом. И несмотря на широту пляжа, Пётр, по подкатившей тошноте и заползающему внутрь холоду, понял, что им не разминуться. Страх, взломав замок и порвав цепь, стал распространяться по всем внутренностям,

леденящим холодом сковывая душу и тело. Слишком давно это было в последний раз, и Пётр уже порядком подзабыл приторно горько-кислый привкус во рту и нездоровое урчание в желудке. Он мобилизовал весь внутренний ресурс и, в который раз, огромным усилием воли, в невидимой, ожесточённой борьбе, одержал верх над своим извечным врагом.

Но как же ему было противно это ненавистное чувство, которое он так тщательно скрывал от людей всю свою жизнь. Когда говорят, что у каждого человека свой скелет в шкафу, то именно страх был тем скелетом, который Пётр надёжно прятал в своём внутреннем бронированном шкафу, не позволяя туда заглядывать ни коллегам, ни друзьям, ни жене, ни, тем более, детям. Именно страх распахивал створки своего убежища в минуты грозящей опасности и предупреждал материальную субстанцию о возможных нежелательных последствиях, которых она, в принципе, может избежать. Для него страх был и демоном, и ангелом-хранителем.

Да, страх не раз спасал жизнь, и не только ему, но как же омерзительно жить в его власти. Лучше мёртвый лев, чем живой шакал. Пётр посмотрел на Любовь, прильнувшую к его плечу и безмятежно шагавшую с закрытыми глазами. И скоро этой идиллии наступит конец. Почему всё прекрасное непременно должно заканчиваться драмой? Эта несправедливость вызывала в нём раздражение, готовое перерасти в

злость и ярость, которые затмевают собой страх. К сожалению, только затмевают, но не уничтожают.

– Какой чудесный вечер! – прошептала Любовь, не открывая глаз. – Может, потому, что он прощальный?

Какой страшный вопрос! Казалось, тоска и грусть всего мира накатила на душу Петра, заполонив собой всё душевное пространство, и поглотив все остальные чувства. В том числе и страх. Его не было. Даже в шкафу! Он это знал точно. Тоска по ускользающей любви убила непобедимый страх, но Пётр в эту минуту даже не придал этому особого значения.

Он вздохнул и грустно улыбнулся природной вечности и красоте. Всё мирское преходяще. Так, вроде, говорят? Верно говорят. В каком-то старом советском фильме про басмачей ему врезалась в память одна фраза, сказанная врагом советской власти, а значит – бандитом. Тот бросил её красноармейцу перед схваткой: «Здесьняя жизнь – лишь игра и забава». В то время она ему понравилась, но потом Пётр понял, что это не так. Ложь, вбитая в сознание и заставляющая идти на смерть с минимальным чувством страха, а то и вовсе – без оного.

Результат верен, неверна сама догма. Здесьняя жизнь – это проверка человека на прочность. В первую очередь – ду-

ховную. В толпе идти на смерть легче, чем ступать на эшафот в одиночку, к тому же – непонятым и оплётанным. То, чего человек не понимает или это ему не выгодно, он инстинктивно или рассудочно отторгает, и, злобно шипя, кричит – распните его! И получается, что вся человеческая жизнь, это выбор – Человек ты или мразь?!

И будь сейчас на месте Петра кто-то другой, менее щепетильный в вопросах чести, столкновения, скорее всего, сумел бы избежать. По всему, драку не предполагали и идущие встречным курсом. Нагло уверенные в своём превосходстве, они лишь желали цинично развлечься. Их наглые и похабные шуточки и издёвки возмутили Петра, но он держал себя, что называется, в руках. Лишь вежливо предложил немедленно извиниться и убраться восвояси. Пётр всегда давал противнику шанс к отступлению. Один из них удивлённо спросил:

– Да ты, старый, совсем страх потерял?

Петра этот вопрос рассмешил.

– Ты даже, юноша, не представляешь, насколько ты сейчас прав! Буквально минуту назад он исчез. Не хотите последовать его примеру?

Но ребята не захотели. Люба вцепилась в Петра как

клещами, на её глаза навёрнулись слёзы, она что-то шептала ему в ухо, потом умоляла тех оставить их в покое, чем вызвала новый поток оскорблений. Последней ядовитой каплей, убившей не только последние крохи страха, но и врождённый инстинкт самосохранения, послужила выходка одного из подонков, который бесцеремонно позволил себе проверить на упругость передние и задние прелести женщины, с силой схватив их руками.

Противник оказался не из робкого десятка, толк в драках знал и отступать не собирался. Столкновение принимало ожесточённый и кровопролитный характер, и, судя по напористости сторон, не предвещало ничейного результата. Пётр был слеп, лишь изредка, сквозь пелену нездорового азарта, он видел мечущийся силуэт Любви, рыдавшей и что-то кричавшей. Пётр был глух. Он дрался как в тумане, где видел только врага и ничего вокруг. Но и здесь привычка к анализу не оставили его полностью, позволив сделать нелицеприятное для себя заключение. «Напрочь потерял всю сноровку за столько лет протирания штанов в кабинете, – мысленно выругал сам себя Пётр, и зло ухмыльнулся. – Здесь же работы максимум минуты на три».

Прояснение наступило внезапно, когда полковник в отставке увидел убегающие тени и свою влажную от крови рубашку в области живота. Он успел прижать к себе Любу, по-

целовать в щёку и, вселяя в неё надежду, прошептать: «Всё будет хорошо». Потом в глазах всё поплыло и Пётр начал медленно оседать на песок, пока сознание не закрылось полностью.

Обречённый утонуться никогда не сможет повеситься. С ярыми фаталистами можно соглашаться, можно не соглашаться, можно отчаянно спорить, но нельзя отрицать очевидных фактов. А факт в том, что Пётр остался жив после очередного ранения, за которое он впервые не получит награды. Да он за ними никогда и не гонялся. Пётр, как человек настоящий, жил по велению совести, а как солдат – по историческому кодексу чести, и награды, вперемежку со злыми и завистливыми насмешками, находили его сами.

Пробыв, после операции, сутки в реанимации, он был доставлен в общую палату с окном на южную сторону, а значит, с ежедневной солнечной улыбкой. Петру опять повезло – ни один жизненно важный орган не задет. Слепая случайность или Божественная закономерность? Как будто, кто-то руководил движением лезвия, а потом, достигнув выбранного предела, это движение резко остановил. Судьба? Даже если она и есть, никогда не следует ходить к гадалкам и колдунам. Но если вдруг, всё-таки, заглянули в этот магический вертеп, то никогда не спрашивайте о дате своей смерти. Иначе умрёте гораздо раньше – от нервного истощения, либо от

сердечной недостаточности.

Прошло три дня. К Петру, после утреннего обхода, уколов и капельницы, заглянул следователь, чтобы уточнить показания. На этот раз узнав, что потерпевший его коллега, они мило побеседовали о преступности в курортном городе, обсудили плюсы и минусы работы здесь, приводя в качестве доказательств анекдоты на эту тему, а затем майор записал более подробный рассказ Петра о случившемся, вежливо пожурился за неясность в описании преступников.

Пётр в ответ лишь извинительно улыбнулся. Ему было совершенно безразлично – найдут их или нет. Даже лучше, если бы не нашли. Он никак не хотел фигурировать в качестве пострадавшего. Да Пётр таковым себя и не считал. Он защитил честь своей дамы, а значит, и своё человеческое достоинство. А это самое главное. Всё остальное – пустяки!

Кроме, пожалуй, одного. Его дамы сердца не было рядом. Видимо, дав показания полиции, она уже давно дома, в кругу семьи?! От этой грустной мысли даже солнечный день начинал меркнуть и в душе наступали сумерки. В такие минуты Пётр жалел, что остался жив. Он закрыл глаза и плотно сжатые веки увлажнились, а сердце кто-то медленно сжимал тисками, и когда казалось, что ещё немного... и всё, невидимый садист ослаблял давление, чтобы спустя время вновь

приступить к своей инквизиторской пытке.

Но, как всегда и везде, время лечит, а жизнь продолжается. Жизнь, приравненная к существованию. С тихими радостями, мелкими неприятностями и повседневными заботами. Обычная человеческая жизнь. И лишь смельчаки, подхваченные ураганом любви, способны преодолеть гравитацию мещанства и душою воспарить к звёздам. И только они знают, какое это наслаждение! Даже наперёд зная, что за наслаждением всегда следует страдание – таков суровый закон бытия, – но, честное слово, за минуту космического блаженства можно не задумываясь отдать десяток серых и туманных лет повседневного прозябания.

Пётр был счастлив даже сейчас. Даже без неё, но всегда рядом с нею.

А завтра прилетит жена. Она его любит, и он её. Но это совершенно другое. Музыка абсолютно другой тональности, не будоражащая своим звучанием глубинные фибры души. И это при том, что случись, не дай Бог, что-то подобное с женой, Пётр готов, не задумываясь, отдать за неё жизнь. Он открыл глаза и...

О, чудо! Пётр не мог поверить представшему видению. Мираж! Галлюцинация! Или он окончательно сходит с

ума? Десять дней, оторванных от реальности, десять дней, потрясших его устойчивый мир, и в финале, как в дешёвой мелодраме, ранение и сотрясение и без того взбудораженного мозга. Но мозг здесь совершенно не при чём. За десять дней до этого случилось такое сильное сотрясение души, которое, если оценивать по шкале Рихтера, далеко зашкалило бы за максимальную отметку. И получается, что любовь, как стихийное бедствие, самое страшное, разрушительное и... самое приятное.

Напротив Петра, в раскрытой двери, стояла Любовь. Его Любовь! Во рту пересохло, и язык прилип к нёбу. Он не мог вымолвить ни слова. Лишь вулканический жар вспыхнул в груди, обжигая пробитое отравленной стрелой Купидона сердце.

– Здравствуй, любимый! – восторг вылился в тихий шёпот, который не сумел бы перекричать ни один динамик. Любовь сияла, и своим сиянием осветила для него палату, как тысячи солнц. Петру хотелось вскочить и броситься навстречу, поднять её на руки и кружить в бешеном ритме вальса. Но этого он сделать не мог, а лишь приподнялся и хрипло произнёс волшебное имя – Любовь.

– Лежи, милый, не делай резких движений, – тихо сказала она в ответ, подошла к кровати и присела рядом. – Я так

по тебе соскучилась, будто не видела целую вечность. Хотя слетала домой всего на два дня. Но ничего, теперь мы будем вместе. Я буду рядом с тобой.

– Всегда? – с мольбой и как-то по-детски спросил Пётр.

Любовь загадочно улыбнулась, а из глаз огненным фейерверком на Петра сыпались искры нежности и жалости.

– Всегда, – ответила она и взяла его за руки.

Но тут он вспомнил прошлую жизнь, и грусть отразилась на его лице.

– Завтра приезжает моя жена, – сдавленно сообщил Пётр и поднёс её руку к своим губам.

Любовь указательным пальцем прижала его губы, умоляя ничего не говорить. Потом, наклонившись к самому уху и обдав ароматом упавшей на его лицо пряди волос, тихо-тихо прошептала:

– Всё замечательно, любимый. Завтра приезжает мой муж, чтобы поблагодарить тебя за моё спасение. Он прекрасный человек.